

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ ИМ. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

С О В Е Т С К А Я Э Т Н О Г Р А Ф И Я

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1926 ГОДУ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

6

Ноябрь — Декабрь

1967

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва

Вологодская областная научная библиотека

С. И. Брук, В. И. Козлов

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ НАУКА И ПЕРЕПИСЬ НАСЕЛЕНИЯ 1970 года

Намеченная на январь 1970 г. новая Всесоюзная перепись населения СССР будет, несомненно, иметь важное политическое, практическое и научное значение; ее материалы составят необходимую базу для уточнения и дальнейшей разработки планов развития народного хозяйства страны, направленных на повышение уровня благосостояния трудящихся. В настоящее время идет активная подготовка к этой переписи; в ней участвуют организации и учреждения, занимающиеся исследованием различных проблем народонаселения или пользующиеся статистическими материалами по населению. Ведется обсуждение проекта программы переписи и проекта разработки ее материалов как по каждому показателю, так и в их сочетаниях. Весной этого года в ряде районов СССР была проведена пробная перепись населения, в которой проверялись различные варианты переписных листов и методы учета населения. Опыт показывает, насколько важна тщательная предварительная подготовка переписей населения и активное участие в ней различных научных учреждений.

Предстоящая перепись населения, по сравнению с переписью 1959 г., должна дать значительно большее количество информации¹.

Перепись населения СССР весьма важна для этнографов, занимающихся изучением населения нашей страны; она даст им обширный фактический материал для анализа многих сторон жизни советских народов в частности для изучения особенностей их расселения, культуры и т. п. Эти материалы послужат основным источником для изучения весьма сложных и интенсивно развивающихся этнических процессов в нашей стране. По существу почти каждый из включенных в программу предстоящей переписи вопросов непосредственно интересует этнографов. Однако, в отличие от исследователей, работающих в других областях науки, для этнографа эти вопросы приобретают должную значимость только при сочетании их с данными о национальной и языковой принадлежности населения. Учет национальной и языковой принадлежности является основным звеном в цепи, связывающей этнографию с демографической статистикой. Именно в разработке этих вопросов этнографы могут оказать наибольшую помощь статистическим органам.

Ниже мы остановимся на следующих основных вопросах: а) некоторые проблемы учета национальной принадлежности населения; б) учет языковой принадлежности населения; связь показателей «национальность» и «родной язык»; в) значение некоторых других вопросов переписного листа для решения проблем, изучаемых этнографической наукой; г) участие этнографов в подготовке и проведении переписи населения 1970 г.

---

¹ Проект содержания переписного листа, уточненного в результате пробных переписей, см. в приложении 1 в конце статьи.

* * *

Национальный вопрос относится, как известно, к числу наиболее острых и сложных вопросов современности. Поэтому в переписях населения многих стран мира важное место занимают вопросы, связанные с определением этнической (национальной) принадлежности населения. В одних случаях в переписях стоят прямые вопросы о национальной принадлежности, в других — национальность определяется по данным о языке (родном, разговорном и т. д.). В настоящее время вопрос о национальной принадлежности сохраняется в переписях населения сравнительно небольшого числа государств (СССР, большинство других социалистических стран, ряд стран Африки, Цейлон и др.); почти во всех этих странах учитывается и язык населения. Зато имеется значительная группа стран, в переписях которых содержится вопрос о языке, но не о национальности. К ним относятся Австрия, Бельгия, Венгрия, Греция, Финляндия, Швейцария, Турция, Пакистан, Индия, Бирма, Канада, Мексика, Гватемала и др. Следует подчеркнуть, что в ряде капиталистических стран вопросы о национальной принадлежности и языковом составе населения (как и вопрос о классово-социальной принадлежности) в переписях часто искажаются или вообще опускаются. В большинстве случаев это объясняется стремлением правящих кругов этих стран заглушать факт наличия национальных меньшинств и связанных с ними национальных проблем. Кроме того, отсутствие определенных методологических установок приводит к тому, что в буржуазной статистике национальная принадлежность часто смешивается с расовой, религиозной, кастовой или с государственной принадлежностью тех или иных групп населения.

СССР — самое многонациональное государство мира. Его населяют около 140 больших и малых народов. Национальный состав страны находится в процессе постоянного изменения. Многие небольшие народы, близкие к более крупным по языку и культуре, постепенно сливаются с ними в единое целое. Иногда трудно сказать, народ ли перед нами или небольшая, обладающая некоторой спецификой, группа внутри другого народа (так называемая этнографическая группа). Все это объясняет важность постановки в предстоящей переписи населения вопроса о национальности и говорит о необходимости тщательной научной его разработки.

Программы всех советских переписей населения содержали вопрос о национальной принадлежности.

Незавершенность процессов этнического развития в нашей стране, особенно в ее окраинных частях, задачи экономического и культурного развития коренного населения этих окраин, сложность отношений между отдельными народами, в частности трудность урегулирования их национально-территориальных проблем, — все это выдвинуло перед молодым Советским государством уже в первые послереволюционные годы необходимость учета национального состава населения, что и было осуществлено переписями 1920 и 1926 гг. Данные о национальном составе страны, полученные в результате проведения этих переписей, широко использовались государственными, партийными и хозяйственными органами для решения самых различных вопросов, в частности — для целей национально-территориального размежевания и развития национальной культуры. Детально разработанные и опубликованные материалы переписи 1926 г. до настоящего времени используются как один из важных источников для научных исследований национальных проблем в СССР.

Благодаря претворению в жизнь ленинской национальной политики национальный вопрос в СССР успешно решен. Все граждане, независимо от национальности, расы и религии, пользуются полным равноправием во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической деятельности. Однако нет необходимости доказывать, что национальные факторы играют и еще долго будут играть значительную роль в жизни народов Советского Союза. В связи с этим последующие советские переписи населения — 1939 и 1959 гг. — также включали в свою программу вопрос о национальной принадлежности. Включен этот вопрос и в проект программы намеченной переписи, так что, на первый взгляд, в этом отношении все обстоит благополучно. Однако анализ результатов переписей 1939 и 1959 гг. показывает, что именно данный вопрос при недостаточном к нему внимании может привести к более грубым ошибкам и неточностям, чем, пожалуй, какой-либо другой вопрос программы переписи. Это связано прежде всего с тем, что вопрос о национальной принадлежности очень сложен по своей сущности и далеко не так понятен (как это представляется на первый взгляд) не только широким массам населения, но и работникам, непосредственно занимающимся переписью.

Под национальной принадлежностью того или иного человека понимается его принадлежность к какому-то народу, т. е. исторически сложившейся этнической общности людей, характеризующейся рядом признаков. К числу таких признаков обычно относятся определенный язык и территория обитания, особенности культуры, быта и психического склада, представление об общности исторических судеб и другие, причем число признаков, содержание и значение каждого из них, а также их взаимодействие друг с другом у конкретных этнических общностей могут сильно варьировать. Поэтому в научно обоснованных программах переписей, и в первую очередь в советских переписях населения, национальную принадлежность принято определять не по какому-то из таких частных признаков, а на основании индивидуального самосознания, являющегося своеобразной этнической равнодействующей этих признаков.

Следует сказать, что при принципиально общем подходе к определению национальной принадлежности формулировка этого вопроса в советских переписях населения, а также пояснение его содержания и цели в программах и инструкциях переписей не были единообразными. В переписном листе переписи населения 1920 г. стоял вопрос: «К какой национальности себя относит», а в инструкционных указаниях давалось определение национальности: «под национальностью понимается группа населения, объединенная общностью национального самосознания так что национальность не смешивается с гражданством (подданством)». Не останавливаясь на некоторой схематичности и неточности этой по существу первой в мировой практике переписей населения попытке раскрыть содержание понятия «национальность», отметим, что к переписи 1926 г. этот вопрос был разработан более правильно и обстоятельно.

Вопрос о национальности в переписном листе переписи 1926 г. был заменен вопросом о народности, как более понятным для широких масс населения и во всяком случае не столь ассоциируемым с термином «нация», под который подходит лишь часть народов СССР. В наставлении к заполнению ответа на этот вопрос говорилось: «Здесь отмечается, к какой народности причисляет себя отвечающий. В случае, если отвечающий затрудняется ответить на вопрос, предпочтение отдается народности матери. Так как перепись имеет целью определить племенной (этнографический) состав населения, то в ответах на вопрос... не следует заменять народность религией, подданством, гражданством или

признаком проживания на территории какой-либо республики. Ответ на вопрос о народности может и не совпадать с ответом на вопрос о родном языке». В инструкции к переписи говорилось также, что «...определение народности предоставлено самому опрашиваемому и при записи не следует переделывать показаний опрашиваемого. Лица, потерявшие связь с народностью своих предков, могут показывать народность, к которой в настоящее время себя относят».

Некоторые уточнения установок переписи 1926 г. по сравнению с 1920 г. привели к изменению и полученных результатов. К сожалению, мы не имеем возможности сопоставить полный список этнических общностей, отраженных переписью 1920 и 1926 гг., так как первая из них не охватила ряд областей страны, но там где это сопоставление возможно, можно установить, что перепись 1926 г. дала более полную и, несомненно, более правильную картину национального (этнического) состава населения. А. И. Гозулов отмечал, например, что в основном только из-за изменения установок переписи количество украинцев в Северо-Кавказском крае возросло с 11—12% в 1920 г. до 23% в 1926 г.²

Переписи 1939 и 1959 гг. возвратились к вопросу о национальности. Инструкция переписи 1939 г. ограничивалась замечанием, «что в переписных бланках необходимо записывать национальность, к которой приписывает себя сам опрашиваемый». В инструкции переписи 1959 г. говорилось, что в ответе на этот вопрос записывается «национальность, которую указывает сам опрашиваемый». Национальность детей при переписи определялась родителями, причем в семьях, где отец и мать принадлежали к разным национальностям и родители сами затруднялись определить национальность детей, предпочтение, по инструкции, отдавалось национальности матери.

Материалы переписи 1939 г. были разработаны значительно менее детально, в частности, в выходных данных общее число этнических наименований, относящихся к национальному составу коренного населения СССР, было искусственно сокращено со 190 в 1926 г.³ до 62 в 1939 г. Сколько-нибудь полные результаты этой урезанной разработки материалов переписи 1939 г. опубликованы не были. Поэтому мы ограничимся сравнительным анализом лишь результатов переписей 1926 и 1959 гг.

В разработке материалов переписи 1959 г. получили отражение 109 этнических наименований, что более чем в полтора раза меньше, чем по переписи 1926 г. В число «исчезнувших» народностей попали и такие сравнительно крупные группы, как мишари (на 1926 г.—243 тыс.), мегрелы (243 тыс.), талыши (77 тыс.), аджарцы (71 тыс.), кряшены (54 тыс.), таранчи (53 тыс.), курама (50 тыс.), кипчаки (34 тыс.), тептяри (27 тыс.) и такие мелкие народности, как, например, ваханцы, шугнанцы и рушанцы, насчитывавшие по несколько тысяч человек. Подобное сокращение могло быть вызвано действием какой-то одной из трех основных причин или совокупностью их: 1) действительным изменением национального состава населения СССР за время, прошедшее между этими переписями; 2) изменением установок переписи 1959 г. по сравнению с 1926 г.; 3) погрешностями производства переписи на местах. Кратко рассмотрим каждую из этих причин.

Народы, как и другие общности людей, подвержены изменениям, связанным, в частности, с их внутренним развитием или со взаимодей-

² А. И. Гозулов, *Морфология населения*, Ростов, 1939, стр. 117.

³ Следует отметить, что первоначально составленный список народностей СССР в ходе обработки материалов переписи был несколько сокращен за счет народностей, численность которых оказалась очень незначительной. Всего разработка была проведена по 178 народам.

ствием с другими народами, т. е. с теми или иными этническими процессами. В Советском Союзе можно выделить несколько основных типов этнических процессов. Один из них — процесс консолидации — выражается в объединении, как правило, родственных по языку и культуре небольших народов в более крупные этнические общности. Другой — процесс ассимиляции, выражающийся в этническом поглощении одним народом попавших в его среду разрозненных групп людей, принадлежащих к другому народу. Оба эти процесса даже при наличии благоприятных условий протекают довольно медленно; чаще всего они начинают сказываться лишь во втором поколении, по мере замены родного языка и возникающей двойственности национального самосознания, и дают ощутимые результаты лишь в третьем поколении.

Кроме ассимиляции и консолидации, в советских условиях все ускоряющимися темпами развиваются процессы сближения народов в пределах крупных историко-географических областей (например, коренных народов Средней Азии), а также процессы этнического сближения всех народов нашей страны. Все эти процессы, сопровождающиеся территориальным смешением народов, ростом числа национально-смешанных браков, переменой языка, все большим распространением русского языка как языка межнационального общения и т. п., приводят к тому, что национальное самосознание некоторых групп населения СССР становится недостаточно отчетливым. Многие представители этих групп сами затрудняются отнести себя к той или иной национальности. Учитывая предсказанную В. И. Лениным тенденцию к сближению и слиянию наций в ходе коммунистического строительства, а также объективные законы социально-экономического развития советского общества, можно предполагать, что в будущем появление общесоветского национального самосознания примет все более и более широкие размеры.

В отмеченных выше случаях расхождения материалов переписей 1926 и 1959 гг. этнические процессы, несомненно, играли основную роль, однако в некоторых случаях она все же не была определяющей. Если взять мишарей, кряшен и нагайбаков, не выделенных переписью 1959 г., то есть все основания предположить, что основная часть их консолидировалась с татарами. То же относится к мегрелам, сванам и лазам, входящим в состав грузин; кипчакам, тюркам и кураминцам — в состав узбеков; иезидам — в состав курдов и т. д. (хотя трудно допустить, чтобы абсолютно все взрослое население, с уже сформировавшимся самосознанием, спустя 30 лет полностью изменило свою национальную принадлежность). Можно объяснить и исчезновение аджарцев, несмотря на продолжающееся существование Аджарской АССР; этническое самоопределение аджарцев было в значительной степени связано с исповедовавшейся верующим населением мусульманской религией, национальное же самосознание их, по-видимому, всегда было грузинским.

Имела место и консолидация родственных небольших народов в более крупные этнические общности, так произошло, например, со многими малочисленными народностями Алтае-Саянского нагорья, объединившимися в ныне существующие два народа — алтайцев (в их состав вошли собственно алтайцы, или алтай-кижи, теленгиты, телеуты, кулинцы и др.) и хакасов (качинцы, сагайцы, бельтиры, койбалы, кызыльцы и др.). Кашгарцы и таранчи вошли в состав уйгурской народности. Значительно сложнее обстоит дело с андо-цезскими (андо-дидойскими) народностями Дагестана, переписью 1959 г. включенными в состав аварцев: андийцами, ботлихцами, годоберинцами, чамалалами, квандинцами, тиндалами, каратинцами, ахвахцами, цезами (дидойцами), гинухцами, хваршинцами, бежтинцами, гунзибцами и арчинцами (их

общая численность по переписи 1926 г.— 38,6 тыс. чел): они постепенно консолидируются с аварцами, однако до настоящего времени сохраняют некоторые культурно-бытовые особенности и свои родные языки (большинство их двуязычно; аварский язык является языком образования и употребляется, наряду с русским, как язык общения между этими народностями). То же относится к кайтакам и кубачинцам (их общая численность в 1926 г.— 16,8 тыс. чел.), включенным при проведении переписи 1959 г. в состав даргинцев.

Что же касается талышей и припамирских народов (ваханцев, шуганцев, рушанцев и др.), то объяснить их исчезновение в переписных листах нельзя ни консолидацией (они включены в состав народа, отличающегося от них по языку и культуре), ни ассимиляцией, для столь сильного и быстрого развития которой не было достаточных объективных причин. Ассимиляция обычно начинается с перемены языка, а между тем припамирские народы и значительная часть талышей даже по данным переписи 1959 г. сохранили свои родные языки⁴.

«Исчезновение» некоторых народностей в переписи 1959 г. можно объяснить недостаточно четко составленной инструкцией, а также стремлением обогнать реально развивающиеся процессы, стремлением представить свой район более однородным в этническом отношении, а свою нацию или народность более консолидированной, чем есть на самом деле. По-видимому, имело место и слабое знакомство некоторых местных работников, проводивших перепись, с этнической терминологией и со списком народов СССР, ошибочное представление их о том, что, например, талыши не подходят под термин «национальность», что они являются не самостоятельным народом, а «этнографической группой» азербайджанского народа.

Для устранения указанных выше недостатков, по-видимому, было бы целесообразно в переписи населения 1970 г. изменить формулировку вопроса о национальности. В переписной лист следует включить вопрос «К какой национальности (народности) себя относите?», чтобы подчеркнуть уже в самом вопросе принцип самоопределения и более широкую по сравнению с термином «национальность» цель учета. Желательно было бы возвратиться к некоторым положениям переписи 1926 г. и последующих переписей и в Инструкции указать: «Определение национальности (народности) предоставлено самому опрашиваемому (для малолетних детей — их родителям); при записи ее не следует переделывать ответов опрашиваемых или влиять на них путем подсказов. Национальность (народность) может не совпадать с ответом о родном языке, а также с паспортными данными. Лица, потерявшие связь с народностью своих предков, могут указывать народ, к которому в настоящее время себя относят». Нецелесообразно включать указание о том, что при определении национальности детей в многонациональных семьях следует отдавать предпочтение национальности матери. Во-первых, в быту предпочтение чаще всего отдается национальности отца. Во-вторых, и это главное, такой механический подход затрудняет вскрытие этнических

⁴ Припамирские народы, или припамирские таджики, говорят на языках восточной группы иранских языков (таджики — на языке западной группы иранских языков); в переписи 1959 г. оказалось, что 42,4 тыс. таджиков говорит на рушанском, шугнанском, ишкашимском и других языках. Результатами переписи ставится под сомнение правомерность дальнейшего существования Горно-Бадахшанской автономной области. Талыши говорят (по крайней мере 10,5 тыс. человек из них, все еще признающих своим родным языком талышский) на одном из иранских языков, азербайджанцы — на одном из тюркских языков, относящемся совсем к другой языковой семье. Большинство ученых, признавая большое влияние азербайджанцев на талышей, считает последних самостоятельным народом.

процессов. Ребенка, рожденного в Сибири от брака татарина и белоруски, живущего с самого раннего детства в русском окружении и пользующегося русским языком и культурой, родители могут с полным основанием считать русским, а не белорусом или татаринном.

* * *

Очень большое значение в научном и практическом отношении имеет учет языкового состава населения. Язык — один из важнейших признаков этнической общности; он обычно легче поддается объективному анализу и проверке, чем признак национального самосознания. В связи с этим вопрос о языке вошел в практику переписей населения некоторых стран еще в середине XIX в., т. е. значительно раньше, чем вопрос о национальности. Первая всеобщая перепись населения России, проведенная в 1897 г., включала в своей программе вопрос о родном языке. Материалы этой переписи позволили впервые создать научно обоснованную картину языкового (а тем самым в значительной мере и национального) состава населения Российской империи и были широко использованы в первые годы Советской власти для целей национального строительства.

Вопрос о родном языке включался, наряду с вопросом о национальности, в программы всех проведенных переписей населения СССР. В настоящее время он включен и в проект предстоящей переписи, хотя некоторые статистики высказывали сомнение в его целесообразности⁵. Ниже, рассматривая содержание и цели этого вопроса, нам придется кратко остановиться и на его необходимости.

Вопрос о родном языке в советских переписях населения ставился более или менее идентично, но в инструкциях толковался по-разному. Прежде чем перейти к рассмотрению этих различий, следует отметить, что сам термин «родной язык» весьма неточен, так как новорожденные не умеют говорить. Их первыми языковыми учителями обычно бывают матери, поэтому в ряде стран Европы программы переписей ставили или ставят данный вопрос как «материнский язык». Однако более точное толкование «родного языка» определяется понятием «языка колыбели», т. е. языка начального этапа жизни человека, который иногда, в частности, если ребенок воспитывается не матерью, может и не совпасть с «материнским языком».

В переписях населения СССР язык не играет роль главного этнического определителя, так как национальная принадлежность фиксируется при помощи прямого вопроса о национальности. Это не значит, однако, что язык не имеет этноопределяющего значения. В некоторых случаях, прежде всего там, где определение национальной принадлежности осложнено теми или иными обстоятельствами, данные о языке могут быть использованы для корректировки ответов на вопрос о национальности при обработке материалов переписи. Такая роль языка была особенно заметна в первых советских переписях, когда у многих народов еще не завершился процесс этнической консолидации и этническая ориентация некоторых групп населения (например, телтярей и мишарей) еще была не вполне отчетливой.

В настоящее время этноопределяющая роль языка в советских переписях населения не велика, а при устранении отмеченных выше дефектов учета национальной принадлежности она ослабеет еще больше.

⁵ См. П. Г. Подъячых, О предстоящей Всесоюзной переписи населения, «Вестник статистики», 1966, № 8.

В связи с этим усиливается возможность использования языковых показателей для других весьма важных целей.

Очень четко выступает прежде всего практическая сторона языковых данных, совершенно необходимых, например, при решении целого ряда вопросов культурного строительства, в том числе образования, печати, кино, радио и т. п. В данном случае речь идет, конечно, не столько о родном, сколько об основном разговорном языке населения, языке общения людей в быту и на производстве.

Языковые данные важно использовать и для анализа этнических процессов, что имеет как практическое, так и теоретическое значение. Достаточно хорошо известно, что в нашей стране в результате интенсивного общения групп людей различной национальности бурно развиваются этнические процессы, однако в распоряжении исследователей до сих пор почти нет материалов, характеризующих степень развития таких процессов в различных районах и среди разных народов СССР.

Известное представление об интенсивности этнических процессов может быть получено при сопоставлении данных о национальности и данных о языке населения, так как несовпадение этих показателей обычно свидетельствует именно об этнически переходном состоянии тех или иных групп населения. Как известно, по переписи 1959 г. около 12 млн. человек (почти 5,7% всего населения СССР) признало своим языком язык другой национальности. Следует отметить, что лишь 0,2% русских показало своим родным языком язык другой национальности. Зато среди нерусских народов этот процент в среднем составляет около 12,4, а среди ряда народов (евреи, карелы, мордва, башкиры, белорусы и др.) он еще выше. По сравнению с переписью 1939 г. этот процент у некоторых народов, расселение которых отличается большой разбросанностью, заметно возрос и имеет тенденцию к дальнейшему увеличению. Показательно, что у таких народов (мордва, карелы, евреи и др.) отмечены пониженные темпы прироста и даже уменьшение численности, что подтверждает этническую ассимиляцию некоторых их групп.

К сожалению, показатель «родного языка» не вполне точно отражает развитие этноязыковых процессов, так как при переписи многие люди отождествляют этот язык с национальным происхождением и в ответе на вопрос о родном языке просто повторяют показатель национальности, хотя в действительности они уже давно не пользуются своим национальным языком. Несовпадение показателей национальности и языка в материалах переписи чаще всего свидетельствует о полной утрате населением своего национального языка. Вместе с тем оно слабо отражает гораздо более многочисленные случаи, когда национальный язык еще не вполне забыт, но уже давно перестал играть для опрашиваемого роль основного разговорного языка.

Характерно, что переписи населения СССР, включая вопрос о родном языке, в своих инструкционных указаниях так или иначе отходили от понятия родного языка и приближались к понятию основного разговорного языка. При проведении переписи 1920 г. под родным языком понимался тот язык, на котором говорит семья опрашиваемого (а в неоднородных в национальном отношении семьях — мать). Инструкция переписи 1926 г. ушла еще дальше от сущности родного языка, признав им язык, «которым опрашиваемый лучше всего владеет или на котором обыкновенно говорит, т. е. так называемый «основной разговорный язык». При всей методологической недопустимости подобного смешения понятий этот шаг к окончательной замене в переписном листе вопроса «родной язык» вопросом «основной разговорный язык» в практическом отношении, как ясно из сказанного выше, был вполне оправданным.

По инструкции переписи 1939 г. в ответе на этот вопрос рекомендовалось записывать название языка, который сам опрашиваемый считает своим родным языком. Такое неопределенное разъяснение, несмотря на примечание, что «родной язык может не совпадать с национальностью», на практике способствовало именно таким совпадениям.

Инструкция переписи 1959 г., стремясь устранить недостатки предыдущей инструкции, ввела добавление: «если опрашиваемый затрудняется назвать какой-либо язык родным языком, следует записать название языка, которым опрашиваемый лучше всего владеет или которым обычно пользуется в семье», сделав, таким образом, шаг к установкам переписи 1926 г., учитывавшей по существу основной разговорный язык.

В многонациональных странах с усилением экономических связей увеличивается доля двуязычного и даже трехязычного населения (например, в Швейцарии, Бельгии, Индии и других странах). В СССР, кроме полного перехода на русский язык значительных групп из числа нерусских национальностей, все больше распространяется знание, наряду с родным, русского языка, а в некоторых случаях и языка соседних народов, особенно если эти языки являются родственными (знание татарами узбекского языка в Узбекистане и башкирского — в Башкирии, знание туркменского языка узбеками в Туркменистане и т. д.). Двуязычие является почти правилом у малых народов, не имеющих своей письменности, и чрезвычайно широко распространено у сравнительно небольших народов, у которых образование на своем родном языке ведется лишь в начальных школах. Высок процент двуязычия и в городах, где на предприятиях трудятся, как правило, представители многих национальностей, на целинных землях Казахстана и Сибири, куда переселялось население из разных республик и т. д. Изучением двуязычия, несмотря на очевидную важность этого дела, у нас только начинают заниматься. По весьма ориентировочным предположениям, можно считать, что кроме 12 млн. человек, полностью перешедших на русский язык, еще минимум около одной трети всего нерусского населения СССР (35 млн. чел.) владеет, кроме своего родного, вторым языком, в первую очередь русским, ставшим языком межнационального общения.

Из сказанного выше напрашивается вывод о желательности включения в программу переписи прямого вопроса об основном разговорном языке и владении опрашиваемым вторым и третьим языками. Однако поскольку вся подготовка к переписи 1970 г. ведется на основе выявления так называемого «родного языка», вопрос о котором был включен в пробную перепись 1967 г., то сейчас, по-видимому, такая замена затруднена. В таком случае придется согласиться с прежней постановкой этого вопроса с обязательными, однако, разъяснениями в инструкции, что: 1. Родной язык может не совпадать с национальностью (народностью). 2. Родным языком считается тот, которым опрашиваемый обычно пользуется в быту и на котором думает. 3. Родным языком для детей, еще не умеющих говорить, записывается тот, на котором обычно разговаривают в семье.

В новом уточненном проекте программы предусмотрен учет второго языка: «Указать также другой язык, которым владеете». Для того, чтобы более правильно выявить этно-языковые процессы у населения СССР, целесообразно дать этот вопрос в виде: «Указать также другой язык, которым владеете и часто пользуетесь в быту». Тем самым мы исключим возможный ответ о владении иностранным языком.

* * *

Кроме национальности и языка, большой интерес для этнографов представляют показатели, относящиеся к характеристике семьи. В проекте программы этому посвящены два вопроса — «Отношение к главе семьи (жена, муж, сын, дочь и т. п.)» и «Состоит ли в браке в настоящее время? Для вдовых записать «вдовец, «вдова»»; кроме того, применение отдельных переписных листов на каждое жилое помещение дает возможность охватить семью как единое целое. При сочетании с данными о национальной принадлежности эти материалы дадут возможность детального анализа семьи у различных народов СССР. Большое научное значение имеют данные о смешанных в национальном отношении семьях, что является одним из важнейших показателей развития этнических процессов.

Одной из центральных демографических проблем в настоящее время является проблема установления причин, определяющих рождаемость и плодovitость (рождаемость у некоторых среднеазиатских народов и азербайджанцев в 2,5 раза выше, чем, например, у эстонцев или латышей). Эта проблема начинает привлекать внимание и этнографов, так как она тесно связана с изучением динамики численности различных народов страны. К сожалению, исследователи до сих пор почти не имели материалов о плодovitости национальных групп. Включенные в проект программы выборочной переписи населения вопросы о числе детей, рожденных каждой женщиной, при сопряжении их с вопросом о национальности могли дать ценный материал для анализа различий в плодovitости различных народов СССР и факторов, ее определяющих. К сожалению, в новом проекте программы такие вопросы сняты.

Не останавливаясь на характеристике таких показателей, как образование, значение которого представляется достаточно очевидным, перейдем к весьма важному как в теоретическом, так и в практическом отношении вопросу миграций населения. Мало что дает предложенный в первоначальном проекте переписного листа вопрос о местожительстве опрашиваемого в период проведения переписи 1959 г. Особого внимания заслуживают миграции, связанные с переменой основного места жительства, для учета которых, по нашему мнению, наиболее подходит вопрос о месте рождения, как это принято в паспортно-анкетной системе, причем люди, родившиеся в другом месте, должны указывать длительность проживания в данном населенном пункте и место, откуда они прибыли⁶. Полученные в результате этого материалы дали бы исследователям возможность воссоздать картину массовых передвижений людей по территории страны и историю формирования населения (в том числе и особенности формирования его национального состава) в различных республиках, краях и областях. Предложенный в новом проекте вопрос, учитывающий лишь миграции за последние два года, без достаточных оснований обедняет перепись и лишает исследователей ценного материала.

* * *

Этнографы СССР принимали самое деятельное участие во всех переписях населения. Еще на заре Советской власти при Академии наук была создана Комиссия по изучению племенного состава России и

⁶ Для облегчения разработки материалов переписи люди, родившиеся в сельской местности, в связи с многочисленными преобразованиями и переименованиями населенных пунктов могли бы указывать лишь «район — уезд» и «область — губернию».

сопредельных стран (КИПС) ⁷, которая не только проводила большую исследовательскую работу по изучению этнического состава в различных районах страны, но и готовила программы и обобщала результаты переписей населения по национальному и языковому составу. В 1927 г. Комиссия составила «Список народностей СССР» ⁸, который был использован при разработке материалов переписи 1926 г. Этот список содержал названия 169 народностей, в основном проживавших в пределах СССР (в разработку переписи 1926 г. попали и некоторые другие народы, живущие в основном за рубежом; в результате чего в разработку было включено 178 народов). В списке содержались сведения о языках этих народов, их этнографических группах, расселении и т. д.

В порядке подготовки к переписи населения 1959 г. Институтом этнографии АН СССР был издан краткий справочник по народам СССР ⁹, в котором были указаны районы расселения всех народов, а также перечислены этнографические группы, входящие в состав того или иного народа. Этот справочник лег в основу изданных Центральным статистическим управлением СССР словарей национальностей и языков ¹⁰, послуживших пособиями для распределения населения по национальностям и родным языкам при разработке материалов переписи 1959 г. Перечень национальностей содержал около 800 этнических названий (в том числе 126 наименований национальностей) и свыше 320 названий языков и диалектов (в том числе 117 наименований языков). В итоге переписи некоторые национальности (аджарцы, ороки, сарткалмаки, долганы, тептяри, айны, джемшиды) оказались настолько малочисленными, что они были исключены при ее разработке. Кроме того, не была осуществлена намеченная разработка материалов переписи по многим этнографическим группам азербайджанцев, грузин, узбеков, даргинцев, аварцев и некоторых других, по разным причинам не выявленных или выявленных в очень небольшом числе переписью 1959 г.

Большое значение подобных словарей достаточно очевидно. Группировка этнических и лингвистических названий, проводимая в них, не только кладется в основу переписей населения, но и в какой-то степени предопределяет ее результаты. Поэтому уже сейчас необходимо начать подготовку к составлению нового, научно обоснованного словаря национальностей, учитывающего изменения в национальном составе страны, вызванные быстро развивающимися за последнее десятилетие этническими процессами.

За оставшееся до переписи время должны быть проведены экспедиционные обследования групп населения, не имеющих достаточно четкого этнического самосознания; особенно это важно сделать в смешанных в национальном отношении районах и на стыках этнических границ, где этнические процессы наиболее сложны и запутаны.

Выше мы уже приводили примеры таких групп. Однако перечень их далеко не исчерпан. Мы могли бы предложить, в частности, еще ряд объектов, важных для исследования. Так, желательно уточнить, как этнически взаимодействуют народы, близкие по языку и культуре (на-

⁷ Переименованная впоследствии в Комиссию по изучению племенного состава СССР.

⁸ Труды КИПС, т. 13. Список народностей СССР. Под ред. И. И. Зарубина, Л., 1927.

⁹ Народы СССР (краткий справочник), М.—Л., 1958.

¹⁰ ЦСУ СССР. Словари национальностей и языков, М., 1959. При составлении словарей использовались также работы Института языкознания АН СССР, замечания статистических управлений республик и областей, консультации отдельных специалистов по этнографии и языкознанию.

пример, русские и белорусы, белорусы и украинцы, украинцы и русские, татары и башкиры и т. д.). Особенно важно изучить русско-украинские взаимодействия, в связи с тем, что материалы переписей 1920, 1926 и 1959 гг. по некоторым районам сильно расходятся. До конца не выяснена этническая принадлежность так называемых «поляков» в Литве, Белоруссии и на Украине; этническое самосознание в прошлом у них часто смешивалось с религиозным. Слабо изучен вопрос о процессах консолидации у малых народов Кавказа. Не ясен вопрос о татарах в состав которых включаются многие тюркоязычные группы, расселенные на огромном расстоянии друг от друга и различающиеся по языку, культуре и происхождению. Целесообразно обратить особое внимание на группы, по которым предыдущие переписи дали резкие расхождения (талыши, припамирские таджики, долганы, ороки). Совершенно ясно, что эти исследования дадут надлежащий эффект лишь в том случае, если статистические органы, привлекая этнографов, будут проводить тщательную подготовку и инструктаж работников, занимающихся переписью.

Для того, чтобы дать исследователям «чистые» материалы, не подвергавшиеся предварительной обработке, желательно опубликовать данные о численности народов (и этнографических групп) и языков (и диалектов) в таком виде, как они даны в переписных листах, т. е. без группировки.

Ниже прилагается проект списка, содержащий почти 800 названий народов СССР (см. приложение 2). Многие из этих названий являются спорными, по-видимому, в настоящее время не бытующими. Было бы желательно широко обсудить проект этого списка не только среди этнографов и лингвистов, но и среди широкой научной общественности в союзных и автономных республиках и областях.

* * *

В последнее десятилетие этнографические исследования благодаря широкому распространению анкет и использованию статистических данных все теснее смыкаются с конкретно-социологическими исследованиями. Использование массовых материалов делает возможным выявлять различные закономерности, связанные с преобразованием культуры и быта у народов СССР и развитием у них этнических процессов.

К сожалению в практике этнографических исследований все еще слабо используется самый массовый статистический материал — материал всеобщих переписей населения СССР. Это объясняется в какой-то мере недостаточным числом опубликованных (и выполненных вообще) комбинационных разработок различных показателей переписи 1959 г. Проект переписи 1970 г. предусматривает значительное расширение программы разработки. Особенно это касается национальности, родного языка и семейного состояния, т. е. как раз тех показателей, которые больше всего интересуют этнографов.

Одна из важнейших задач советских этнографов на ближайшие годы — тщательно подготовиться к проведению переписи населения 1970 г. Материалы ее должны быть широко использованы этнографами для решения важных научных проблем.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

ВОПРОСЫ ПЕРЕПИСНОГО ЛИСТА (проект)¹

В переписной лист, кроме фамилии, имени и отчества, намечается включить следующие вопросы: 1. Отношение к главе семьи (жена, муж, сын, дочь, мать, отец, сестра, племянник, зять, свекровь, теща и т. п.); 2. Для постоянно здесь проживающего, но временно отсутствующего записать: а) причину отсутствия, б) сколько времени отсутствует; 3. Для временно проживающего записать: а) место постоянного жительства, б) сколько времени отсутствует в месте постоянного жительства; 4. Пол (мужской, женский); 5. Сколько исполнилось лет, для детей моложе года — месяцев? 6. Состоит ли в браке в настоящее время? Для вдовых записать «вдовец», «вдова». 7. Национальность. Для иностранных подданных указать также гражданство; 8. Родной язык. Указать также другой язык, которым свободно владеет; 9. Образование (высшее, незаконченное высшее, среднее специальное, среднее общее). Для не имеющих полного среднего образования записать название учебного заведения, сколько классов (курсов) окончил в нем и в каком году; 10. Источник средств существования: работа, личное подсобное сельское хозяйство, на иждивении родственников, на иждивении государства (пенсия, стипендия детский дом и т. п.), другой источник (указать какой). Для лиц в трудоспособном возрасте, не имеющих занятия (мужчины 16—59 и женщины 16—54 лет), указать также учатся или нет; 11. Место работы (название предприятия, колхоза, учреждения или работает в своем хозяйстве); 12. Занятие по этому месту работы (должность или выполняемая работа). Для пенсионеров — прежнее основное занятие; 13. Для работавших в 1969 г. неполный год записать работал постоянно, сезонно или временно и указать продолжительность работы в месяцах в 1969 г.; 14. Общественная группа (рабочий, служащий, колхозник, кустарь, крестьянин-единоличник, служитель культа); 15. Для живущих здесь менее двух лет указать место предыдущего постоянного жительства².

¹ Число вопросов и их формулировка могут быть изменены в процессе дальнейшего обсуждения материалов подготовки переписи.

² Предполагается, что лишь по первым 10 вопросам данные будут собраны методом сплошного опроса. По остальным вопросам данные будут собраны путем выборочного наблюдения; объем выборки намечается установить единый (25%) для последних пяти вопросов и всей территории страны. За единицу отбора предлагается принять квартиру (одноквартирный дом, комнату в общежитии). Такой метод отбора и процент выборки должен обеспечить репрезентативность данных по всем показателям переписи в разрезе мелких территориальных единиц.

СПИСОК НАРОДОВ СССР¹

Основное название	Самоназвания, другие названия, названия отдельных групп этого народа
Индоевропейская семья	
Славянская группа	
1. Русские	великорусы, поморы, пустозеры, устьицелёмы, мешера, сибиряки, кержаки, «поляки» (на Алтае) ² , казаки ² , семейские, русско-устыинцы, затундренские крестьяне, колымчане, марковцы, камчадалы ²
2. Украинцы	малороссы, русины, руськи, лемки, бойки, верховинцы, гуцулы, закарпатцы, буковинцы, пинчуки ³ , полещуки ³ , казаки ³ пинчуки ⁴ , полещуки ⁴ , литвины ⁴
3. Белорусы	
4. Поляки*	
5. Чехи*	мораване, ганаки
6. Словаки*	
7. Сербы*	серби, срби, югославы
8. Болгары *	
Летто-литовская группа	
9. Литовцы	летувяй, лиетуви, летувис, лейши, летувеши, летувники, жмудины, жмудь, жемайты, занавики, аукштайты, дзуки, литвины ⁵
10. Латыши	латвиешы, латгалыцы
Романская группа	
11. Молдаване	молдовень, валахи
12. Румыны *	
Германская группа	
13. Немцы*	дейтше
Греческая группа	
14. Греки*	эллины, ромэн, бердзены, рум, урумы
Иранская группа	
15. Таджики	тоджик, хардури, чагайтай, горные таджики
16. Ягнобцы	
17. Припамирские народы	(припамирские таджики, памирские таджики):
а) язгулемцы	язгулямцы, згамик
б) бартангцы	бартангидж, орошорцы
в) рушанцы	рушни, рыхен
г) шугнанцы	хугнони, шугни
д) ваханцы	вух, вахи, хик
е) ишкашимцы	ишкошуми
ж) баджуйцы	баджуведж
з) хуфцы	хуфидж
18. Евреи среднеазиатские	бухарские евреи, иври, яхуди, джугут
19. Ирани (персы)*	фарс
20. Таты	таты-мусульмане, таты-иранцы, таты-армяне, таты-армяно-григорианцы
21. Евреи горские	даг-чугут, чугут, джугут, татские евреи, дагестанские евреи
22. Талыши	талышон
23. Курды*	курманджи, курды-езиды, езиды, иезиды
24. Белуджи*	балуч
25. Афганцы*	пахтанэ, пуштуны
26. Джемшиды*	джамшид, джамшидчи
27. Осетины	ирон, иронцы, тагаурцы, куртатинцы, алагирцы, дигор, дигорцы, моздокские осетины, туалыцы, туанлаг, двали
Индийская группа	
28. Цыгане	ром, рома, лом, боша, карачи, мазанг, джуги, люли, дом

¹ При составлении списка использованы работы: «Народы СССР. Краткий справочник», М.—Л. 1958; «Словари национальностей и языков», Госстатиздат, М., 1959; звездочкой отмечены народы, основная часть которых живет за пределами СССР.

² С родным русским языком.

³ С родным украинским языком.

⁴ С родным белорусским языком.

⁵ С родным литовским языком.

Основное название	Самоназвания, другие названия, названия отдельных групп этого народа
29. Армяне	Армянская группа хай, хайк, сомехи, ермени, франк, зоки, хамшены, хемшины
30. Албанцы*	Албанская группа арнауты, скипетары * * *
31. Евреи	идн Кавказская семья
32. Грузины	Картвельская группа картвели, гурийцы, имеретины, рачинцы, лечхумцы, карта- линцы, кахетинцы, тушины, хевсуры, пшавы, мтиулы, мо- хевцы, гудамхарцы, ынгилейцы, кизикцы, джавахи, враци, месхийцы, гюрджи, мегрелы, мингрелы, сваны, шванар, мушван, лазы, чаны, антинцы, аджарцы, аджары, аджарели
33. Евреи грузинские	Адыго-абхазская группа
34. Абхазы	апсуа, апсацва, азэга, абжуйцы, бзыбы, бзыбцы, самурзаканцы
35. Абазины	абаза, безхяг, тапанта, шкарауа
36. Кабардинцы	адыге ⁶ , кабардей, карбетей, кешик, бесленеевцы
37. Адыгейцы	адыге ⁷ , абадзехи, адзух, бжедуги, темиргоевцы, шапсуги, черкесы ⁸ , чемгуй, кемчуй
38. Черкесы	адыге ⁸
39. Чеченцы	Нахская группа нахче, нохчо, нахчий, шешен, мыркыш, ауховцы, аккинцы, ичкеринцы
40. Ингуши	галгай, гьалгьай, галга, хамхинцы, джераховцы, феаппи
41. Бацбийцы	бацбни, бацав, бацуо, туши, цова-тушины
42. Кисты	кистины
43. Аварцы	Дагестанская группа авары, аварал, маарулал, маарулчи, анцухцы, джарцы, хун- закау, цорцы
44. Андийцы	андисел, андисев, мунийцы, кванал, куаннал, кванхидатлинцы
45. Ботлихцы	буйхади, буйхатли, ботлкхал, ботликхев
46. Годоберинцы	гибдидь, годоберисел, хибдитли
47. Чамалалы	чамалинцы, чамалалду
48. Кванадинцы	багулалы, бегалал, квантл-геква, багвалалы, тлибушу-тлис- синцы
49. Тиндалы	тиндинцы, тиндисев, идари, идери, иберилал, ибери
50. Каратинцы	кирди, киртлеи, каратайцы, тухицинцы, калалалы
51. Ахвахцы	ашвадо, атлватли
52. Цезы	дидон, дидойцы
53. Гинухцы	гинухи
54. Хваршинцы	хуани, кедаэс-гиква
55. Бежтинцы	бешитль, капучины, хванал, бежтляс-суко
56. Гунзибцы	гунзебцы, хунзалы, гундзи, нахада
57. Арчинцы	аршашлиб
58. Лакцы	лаки, лаккучу, казикумухцы, тумал, вулугуки, яхолшу
59. Даргинцы	дарганте, даргва, угбук, арбуканы, аугвуган
60. Кайтаки	кара-кайтаки, кара-кайтаги
61. Кубачинцы	урбуганте
62. Табасараны	табасаранцы, кабан
63. Лезгины	лезгияр, лезги, кюрегу, ахтинцы, кюринцы, кубинцы
64. Агулы	агулар
65. Рутульцы	рутул, мехед
66. Цахуры	сахурлы
67. Хиналугцы	кеттитурду
68. Крызы	джеки, гапутлинцы, хапутлинцы, хапут
69. Будугцы	будухи, будуубер
70. Удины	уди

* С родным кабардинским языком.

⁷ С родным адыгейским языком.⁸ С родным черкесским языком.

Основное название	Самоназвания, другие названия, названия отдельных групп этого народа
Семито-хамитская семья	
Семитская группа	
71. Ассирийцы*	айсоры, сурая, сирийцы, арамен, халдеи, осураи
72. Арабы*	арабы среднеазиатские
Уральская семья	
Финская группа	
73. Эстонцы	эсты, эстласед, ээсти, ээсти-рахвас, сету, сетукезы
74. Ливы	ливи
75. Карелы	аунус, карьялайне, ливгиляйне, ливики, людики, лаппи
76. Ижорцы	ижора, ингры, инкерикот, водь
77. Финны*	суоми, савакот, эврмейсет
78. Вепсы	бепся, чухари, чудь, кайваны, людиникад
79. Саамы	саами, лопари, лапландцы
80. Коми	коми-зыряне, зыряне, коми-морт, ижемцы
81. Коми-пермяки	коми ⁹ , коми-морт ⁹ , коми-отир, пермяки, зюэдинские коми-пермяки, язвинские коми-пермяки
82. Удмурты	вотяки, ватка, калмез, бесермяне
83. Марийцы	мари, черемисы, горные марийцы, луговые марийцы, восточные марийцы
84. Мордва	мордовцы, мордвины, мокша, мокшилар, эзя, шокша, мокши-эзя, эзямокша, каратаи, терюхане
Угорская группа	
85. Ханты	ханти, хантэ, хантых, остяки ¹⁰ , остяки обские, остяки угорские, обские угры ¹⁰ , асьех, казым-ех, лар-ях, вогульские остяки (с реки Вогулки)
86. Манси	маньси, меньдси, моаньси, вогулы, асмахум, хонтанг-махум, остяки ¹¹ , сосвинские остяки, ляпинские остяки, обские угры
87. Венгры*	мадяры
Самодийская группа	
88. Ненцы	нэнэче-хасова, самоеды, юраки, яран, лесные ненцы, хасова, хандеяры
89. Энцы	эней-энече; самату, манду, манто, маду (тундровые энцы, пэ-бай, муггади, юги (лесные энцы); хантайские самоеды)
90. Нганасаны	карасинские самоеды, сольюди, сольюдины, ненцы ¹² , нганасаны, тавгийцы, самоеды-тавгийцы, авамские самоеды, таймырские самоеды, вадеевские самоеды
91. Селькупы	остяки ¹³ , селькуп (кум), шелькуп (кум) чумылькуп (кум) сюсескуп (кум), остяко-самоеды, ляки, сургуты, сургусы
Алтайская семья	
Тюркская группа	
92. Чувашы	чаваш, чавашин, вирьял (верховые чувашы), анатри (низовые чувашы), анат-енчи
93. Татары	татарляр, мишари, мишэр, мижер, карагаши, кундровые татары, казанские татары, глазовские татары, тептябрь-татары, касимовские татары, астраханские татары, литовские татары, мещеряки, сибирские татары, тюменские татары, ялаторовские татары, иртышские татары, томские татары, яушталар, эула-тинцы, чаты, татары тобольские, барабинцы, чулымские татары, чулымцы ¹⁴ , ясашные, исашные, бухарцы, кряшен, нагайбаки, крымские татары, ногай крымские, таты крымские
94. Башкиры	башкорт, башкурт, тептябрь-башкир
95. Ногайцы	ногай, караногайцы, акногайцы, ачикулакские ногайцы
96. Кумыки	кумуклар
97. Карачаевцы	карачай, карачайлы

*С родным коми-пермяцким языком.

¹⁰ С родным хантским языком.¹¹ С родным мансийским языком.¹² С родным энецким языком.¹³ С родным селькупским языком.¹⁴ С родным татарским языком.

Основное название	Самоназвания, другие названия, названия отдельных групп этого народа
98. Балкарцы	балкар, малкар, таулу, баксанцы, чегемцы, хуламцаны, безе- нгийцы
99. Казахи	киргизы ¹⁵ , киргиз-казахи, казах-киргизы
100. Киргизы	кыргыз, кара-киргизы, каменные киргизы, буруты
101. Каракалпаки	каролпак, калпак
102. Узбеки	озбак, конграт, локай, мангыт, дурмен, кураминцы, курама, кыпчаки, сарты ¹⁶ , тюрки ¹⁶
103. Уйгуры*	таранчи, кашгарцы, кашгарлык, илийцы
104. Туркмены	теке, текинцы, йомуды, йомуты, гоклены, сарыки, салоры, эрсари, чоудор, нухурли, имрели, емрели, алаэли, карадашлы, ата, трухмены
105. Азербайджанцы	азербайджанляр, тюрки ¹⁷ , айрумы, айрым, карапапахы, пада- ры, шахсевены, карадагцы, афшары, татары ¹⁷
106. Турки*	османы, османли
107. Гагаузы	
108. Крымчаки	евреи крымские
109. Караимы	
110. Алтайцы	ойроты, алтай-кижи, теленгиты, телеуты, тубалары, черневые татары, майминцы, маймалары, челканцы, лебединцы, ку-кижи, кумандинцы, телесы
111. Хакасы	хягас, качинцы, сагайцы, бельтиры, пелтир, койбалы, кызыль- цы, абаканские татары, минусинские татары, ачинские тата- ры, камасинцы, чулымцы ¹⁸
112. Тувинцы	тува, тыва-кижи, танну-тувинцы, урянхайцы, сойоты, саянцы, тоджинцы
113. Тофалары	тофа, туба, карагасы
114. Шорцы	шор-кижи, кузнецкие татары, кондомские татары
115. Якуты	саха, якутскай
116. Долганы	долган, дулган, ася, тыа-кихи, саха-кихи, саха ¹⁹
Монгольская группа	
117. Буряты	братья, братские люди, бурят-монголы, окинские сойоты, тун- кинские сойоты, баргуты, усть-ордынцы
118. Монголы*	халха
119. Калмыки	кальмак, хальмак, ойрат, торгоут, хошоут, дэрбэт
120. Сарт-калмаки	сарт-калмыки, олёт, сарт
Тунгусо-маньчжурская группа	
121. Эвенки	тунгусы, орочены, бирары, манегры
122. Негидальцы	элкенбэе, амгунцы
123. Эвены	ламуты, овен, ороchel, ороch-орач, мэнэ, тургэхал, дунха
124. Нанайцы	нанай, нани ²⁰ , гольды, хэдзены, киле, самагиры
125. Ульчи	нани ²¹ , ольчи, мангуны
126. Ороки	ульта
127. Удэгейцы	удэ, удэхе, удехейцы
128. Орочи	нани ²²
Палеоазиатские народы	
129. Чукчи	луораветланы, ораветланы, чавчу, чаучу (оленные чукчи), анкалын (приморские чукчи)
130. Чуванцы	этели
131. Коряки	нымыллан, нымылын (приморские коряки), каменцы, паренцы, апукинцы, кереки, алжоторцы, карагинцы, итканцы, паланцы, чавчыв (оленные коряки), рямкэкэн, этканол'о, войкынал'о, апоквамыл'о, алутыл'о, пойтылл'о
132. Ительмены	камчадалы ²³
133. Юкагиры	окул, деткилы
134. Нивхи	нивух, нивах, иибах, нихвиг, гиляки

¹⁵ С родным казахским языком.¹⁶ С родным узбекским языком.¹⁷ С родным азербайджанским языком.¹⁸ С родным хакасским языком.¹⁹ С родным долганским языком.²⁰ С родным нанайским языком.²¹ С родным ульчским языком.²² С родным ороchским языком.²³ С родным ительменским языком.

Основное название	Самоназвания, другие названия, названия отдельных групп этого народа
Эскимосско-алеутская семья	
135. Эскимосы*	иннуиты, юпигыт, нывокагмит (наукаские жители), указигмит, югыт
136. Алеуты*	сасигнан, унанган
Кетская группа	
137. Кеты	кет, енисейцы, енисейские остяки, кето-енисейцы, денг, дьян
Айнская группа	
138. Аины*	айно, айну
Китайская группа	
139. Китайцы*	хань, чжунго-жень, хань-жень
140. Дунгане*	хуэй-цзу, чжунюэнь-жень
Корейская группа	
141. Корейцы*	чосон-сарам

SUMMARY

The preparation for the USSR population census of 1970 poses a number of problems, among them those connected with the correct registration of the population's national affiliation and language. The authors scrutinize programs and results of previous censuses and propose to clarify the question on nationality by stressing its ethnic meaning. In questions on language preference should be given to the main language, currently spoken, this being practically the most important. It is desirable also to register bilingualism. To the article is appended a complete list of the peoples of the USSR with their self-denominations, other nominations and names of their ethnographic subdivisions.

И. А. Кривелев

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ СУЩНОСТИ И ЗНАЧЕНИЯ РЕЛИГИОЗНОГО ПОВЕДЕНИЯ

В своей практической жизни все умственно здоровые люди исходят из стихийно или сознательно воспринимаемых ими реальных закономерностей объективного мира. Это обнаруживается не только в процессе труда — центральном компоненте человеческой деятельности, но и во всех прочих ее сферах — в области политики, в общественном и личном быту, в охране своего здоровья и т. д. Во все исторические эпохи у всех народов и племен люди действовали, как действуют и сейчас, руководясь трезвым (в меру своих сил и понимания) учетом действительной обстановки, рассчитывая те средства, которые нужно и можно применять для достижения той или иной реальной жизненной цели. По существу это поведение — материалистическое, не связанное с религиозными представлениями и идеями.

Такое материалистическое поведение характерно для жизнедеятельности не только атеистов или людей, индифферентных в отношении к религии, но и для глубоко верующих, да и для представителей духовенства всех без исключения религий. В случае заболевания, например, современный верующий, а также иерарх церкви, синагоги, мечети прибегают, прежде всего, к помощи медицины и врачей, проявляя в общем довольно беззаботное отношение к тому, что, с религиозной точки зрения, исход болезни определяется волей сверхъестественных сил и что «ни один волос не упадет с головы человеческой без воли божьей».

Материалистический характер человеческого поведения явился важнейшим условием того, что общество людей не только выжило на земле, но и ушло далеко вперед от первобытности по пути технического, культурного и общественного прогресса. Не подлежит сомнению, что на всех ступенях развития общества основной, магистральной линией человеческой жизнедеятельности было, как является и сейчас, поведение, не вытекающее из религиозных и идеалистических взглядов.

Это материалистическое поведение может быть осознанным как таковое, оно может быть и стихийным. Не только мольтеровский герой, но и всякий другой человек может не осознавать того факта, что он всегда говорит прозой или, по меньшей мере, не раздумывать над ним. В применении к данному вопросу это значит, что свою, по существу, материалистическую жизнедеятельность человек может не осознавать как таковую. Это необходимо учитывать при гипотетической реконструкции поведения и сознания первобытного человека. Пока не возникла религия, он руководствуется в своем поведении стихийно улавливаемыми закономерностями объективного мира и его поведение является в силу этого стихийно-материалистическим; таковым же является и связанное с этим поведением сознание.

С момента возникновения религиозных верований и культов поведение и сознание людей раздваиваются: параллельно линии материалистического поведения и переплетаясь с ней, на всем протяжении истории

проходит и линия религиозного поведения, основанная на вере в сверхъестественные существа и явления, в исходящие от сверхъестественных сил рекомендации и запреты, в необходимость постоянного и периодического умилоствивления этих сил.

Понятие религиозного поведения можно трактовать и в широком, и в более суженном, специальном смысле.

Можно распространить это понятие на все те проявления человеческой деятельности, в которых сказывается влияние религиозных убеждений. В этом случае оно будет охватывать и соблюдение человеком норм морали, обосновываемых религиозными предписаниями. Такая трактовка понятия религиозного поведения была бы, однако, не во всем оправданной. Так как мораль, выраженная в религиозных заповедях, на самом деле имеет своим источником исторически складывавшиеся общественные отношения людей и является, следовательно, светской по своему происхождению и содержанию, а религиозной лишь по своей идеологической форме, то нет оснований включать соответствующее поведение в понятие религиозного. Мы будем в дальнейшем изложении придерживаться более узкой и, с нашей точки зрения, более точной трактовки этого понятия. К религиозному поведению мы будем относить собственно культовые действия — выполнение религиозных обрядов, посещение богослужений и участие в них, соблюдение праздников и постов, соблюдение ритуальных пищевых и прочих предписаний и заповедей.

Как подчеркивалось выше, религиозное поведение является побочной линией человеческой деятельности. Она факультативна в том смысле, что практикуется даже верующим человеком далеко не всегда, а многими людьми вовсе не практикуется. Само собой разумеется, что этого никак нельзя сказать о магистральной линии человеческого поведения, связанной с материалистическими и атеистическими взглядами.

Основная черта характеристики религиозного поведения заключается в том, что в жизнедеятельности верующего оно играет роль некоего дополнения и подкрепления по отношению к его реальной жизненной практике. Оно не заменяет и, само собой разумеется, не может заменить никакую практическую деятельность человека, будь то в области производственной, общественно-политической, бытовой или лечебной. Во всех промысловых культах — охотничьих, рыболовецких, земледельческих — жертвоприношения «хозяину» промысла или места, молебны и магические обряды, долженствующие способствовать плодородию полей, плодovitости скота и т. д., практикуются в качестве некоего дополнения к действительной деятельности человека. Молитвы «за здоровье», таинства соборования или елеосвящения призваны содействовать излечению больного, но, конечно, во всех случаях они практикуются лишь как дополнение к реальным медицинским средствам лечения. Последнее, впрочем, не полностью относится к шаманским и знахарским методам врачевания, которые, помимо своего магико-религиозного значения, в ряде случаев имеют значение и более реальное, воздействуя на больного средствами народной медицины. В силу всего сказанного религиозное поведение можно считать по его сущности суплементарным, дополнительным.

Не все формы религиозного поведения находятся в одинаковом отношении к религиозному сознанию. Некоторые из них лишь опосредованным образом связаны с ним, в них сам акт религиозного поведения непосредственно не обусловлен теми или иными специфически религиозными психическими переживаниями — ни интеллектуального, ни эмоционального порядка.

Одной из таких форм религиозного поведения является часто практикуемое привычно-механическое исполнение тех или иных религиозных обрядов; сюда же относится и столь же традиционное и прочно вошедшее в быт соблюдение религиозных предписаний и запретов. Верующий православный, проходя мимо церкви, почти автоматически крестится; иногда это действие может быть совершено по привычке и полуверующим человеком, даже утратившим свою веру, но сохранившим усвоенные с детства привычки и не придающим серьезного значения тому, продолжает ли он им следовать после того, как они потеряли в его глазах свой смысл. Таким же образом и набожный или даже не очень набожный еврей по привычке перед едой и после нее скороговоркой произносит молитву на древнееврейском языке, в большинстве случаев не понимая ее смысла и не испытывая при этом никаких религиозных эмоций. Богослужение люди тоже обычно посещают в порядке вошедшего в привычку традиционного действия. Такое поведение можно назвать привычно-автоматическим.

Нередко акты религиозного поведения предпринимаются в качестве дани общественному мнению, рассматривающему тот или иной минимум «благочестия» как свидетельство приличия и респектабельности. Такого рода религиозное поведение по существу связано не столько с религией, сколько с установившимися в данном обществе нормами и критериями житейского поведения, с постоянной оглядкой на то, как отнесутся соседи, знакомые, родственники к факту отступления данного индивидуума от общепринятых норм. Его можно условно назвать нормативным религиозным поведением.

Существуют, однако, формы религиозного поведения, непосредственно связанные с сознанием. Человек предпринимает определенные действия под влиянием тех или иных психических переживаний, а эти действия, в свою очередь, оказывают влияние на состояние его сознания — порождают или усиливают одни его явления, затормаживают частично или полностью другие. Все это происходит больше в сфере эмоций, чем в интеллектуальной и рациональной сфере. Тем не менее, необходимо видеть здесь сложное и противоречивое единство эмоционального и интеллектуального, так что последнее тоже играет свою роль в религиозной деятельности человека.

В состоянии горя от тех или иных жизненных невзгод верующий испытывает потребность в обращении за утешением к сверхъестественным силам; молитва или другой религиозный акт, создавая у человека иллюзию общения с потусторонними силами и даже духовного слияния с ними, может на время снять с него гнетущие отрицательные эмоции. С другой стороны, благоприятные жизненные обстоятельства, и в особенности какая-нибудь спорадическая удача или неожиданный поворот к лучшему в судьбе человека, могут вызвать у него страстное желание поделиться с кем-нибудь своей радостью или выразить благодарность тем силам, которые, по его мнению, содействовали в достижении желанной цели; верующий в таких случаях обращается с благодарственной молитвой к объекту своей веры. И в поисках утешения, и в стремлении выразить свою благодарность и радость верующий при помощи актов религиозного поведения может получить известную разрядку своей эмоциональной напряженности. Помимо указанных выше чрезвычайных ситуаций, и в обычной обстановке у некоторых верующих складывается своего рода рефлекс, побуждающий их стремиться к разряжающим эмоциональным переживаниям при выполнении тех или иных религиозных обрядов. Это — эмоционально-разрядочная функция религиозного поведения.

Потребность в обращении за помощью к потусторонним силам особенно часто возникает у верующего в обстановке, которая выглядит для него тяжелой или даже безнадежной. Невозможность достижения цели или выхода из положения при помощи реальных средств побуждает верующего искать выход на религиозно-магических путях. Это относится и к отдельному индивидууму, и к большим коллективам людей — к общественным классам и классовым группировкам. Наиболее тяжелые для народных масс периоды в истории человечества, как правило, сопровождались усилением мистических движений и религиозных исканий, широким распространением форм религиозного поведения. Ярким примером здесь может служить эпоха возникновения и распространения христианства на почве безысходного кризиса Римской империи и обусловленного им тяжелого положения народных масс.

Для верующего индивидуума в ситуации, которая является или кажется ему безнадежной, представляется вполне логичным и резонным обращение к потусторонним силам, которые, как он считает, могут сделать возможным невозможное. Так, больной, узнавший, что средствами медицины ему помочь невозможно, обращается с иступленной молитвой к богу, богородице или тому или иному святому в надежде, что они ему помогут. В условиях военных действий, когда обстановка на поле боя сложилась для данного подразделения, а следовательно, и для каждого из его участников безнадежно-катастрофическая, тот или иной верующий или полуверующий солдат или офицер может взмолиться к высшим силам. Можно даже представить себе, что человек, до сих пор считавший себя атеистом, в такой обстановке неожиданно предпримет акт чисто религиозного поведения. Само собой разумеется, однако, что идейный принципиальный атеист в любой обстановке сохранит в своем поведении ту последовательность, которая связана с неизбежностью его убеждений. Частным случаем такой ситуации является и положение безнадежно больного человека, знающего о своем состоянии и о близости неизбежного конца.

В жизненных ситуациях, будущий исход которых не ясен человеку, у него нередко появляется потребность в своего рода страховке на случай неблагоприятного результата. Большое количество зафиксированных этнографических фактов свидетельствует о том, что активность религиозного поведения обычно бывает прямо пропорциональна ненадежности и рискованности положения человека в его реальной деятельности. Там, где ее успех обеспечен, где реальные средства достижения этого успеха вполне достаточны, потребность в их дополнении средствами религиозно-магического воздействия на ход событий возникает значительно реже. Молебны, которые до революции служил на поле русский крестьянин перед началом полевых работ, довольно широко распространенные в древности обряды магического увеличения плодородия почвы при помощи символического или реального полового акта на поле, имели своей жизненной основой ту опасность, которая постоянно грозила урожаю в условиях примитивной техники земледелия. Молебны святым Флору и Лавру или Георгию Победоносцу, которые раньше служились в русской деревне перед выгоном скота на поле, также коренились в грозивших скоту действительных опасностях эпизоотий, нападения хищных зверей, угона ворами. В этих условиях совершаемые людьми акты религиозного поведения имели страховочную функцию. Надо помнить, однако, что эта страховочная функция является дополнительной в отношении реальных мер страховки от грозивших человеку бед, — мер, предпринимавшихся им в соответствии с теми возможностями, которыми он располагал.

В реальном религиозном поведении индивидуума может превалировать тот или иной из перечисленных аспектов. В разное время под влиянием различных обстоятельств объективного и субъективного порядка превалирующие аспекты поведения могут сменять друг друга у одного и того же индивидуума. Бывает и так, что в религиозном поведении данного индивидуума и даже в одном акте этого поведения наличествуют одновременно все или несколько перечисленных аспектов. Иначе говоря, они могут проявляться в тех или иных актах религиозного поведения по отдельности, могут фигурировать и в различных сочетаниях.

Жизненные обстоятельства, в которых для верующего становятся актуальными указанные выше аспекты и мотивы религиозного поведения, определяются наличной социальной обстановкой и теми условиями, которые вытекают из нее для данной общественной группы и для того или иного из ее членов. Уровень материальной и духовной культуры данного общества, господствующий в нем социально-экономический и политический строй, степень материальной обеспеченности данной общественной группы и индивидуума, наличие или отсутствие у него оснований к боязни за свое будущее,— все это непосредственно вытекает из условий общественного бытия и, в свою очередь, оказывает решающее влияние на степень приверженности общественной группы и индивидуума к религиозной вере и основанном на ней религиозном поведении. Поэтому анализ этого поведения и его мотивов в каждой данной ситуации должен неминуемо носить характер социологического исследования.

Социальные факторы, обуславливающие и стимулирующие религиозное поведение, действуют, отражаясь в сознании людей и воздействуя на него. Одни и те же условия могут у различных индивидуумов в разных социальных группах вызвать неодинаковую и даже противоположную реакцию в зависимости от состояния сознания этих людей. Здесь сказываются и различия в образовательном или просто интеллектуальном уровне, хотя устанавливать однозначную зависимость невосприимчивости человека к религиозным идеям от этого уровня нет оснований. Тем не менее, при прочих равных условиях образованный или очень умный человек будет сильнее психологически сопротивляться наступлению религиозных идей и эмоций на его сознание. Большую роль играет также принадлежность данной личности к той или иной психологической группе по характеру и темпераменту, по типу нервной системы. Человек с устойчивой психикой, трезво и хладнокровно мыслящий, не так легко как впечатлительный неврастеник, поддается отрицательным эмоциям, нередко порождающим или поддерживающим религиозность. Особенно большое значение имеет в этом отношении общая идеологическая установка, свойственная данной личности. Идеинный убежденный атеист не станет прибегать к религиозному поведению ни при тяжелой ситуации, ни в порядке страховки, ни из боязни осуждения соседями или родственниками.

Религиозное поведение оказывается, таким образом, результатом взаимодействия социальных и собственно психологических факторов. Его социологический анализ требует поэтому и серьезных психологических исследований, направленных на изучение состояния и особенностей общественного и индивидуального сознания в данных социальных условиях.

Психологическое исследование религиозного поведения тем существенней, что взаимоотношение последнего с религиозным сознанием представляет собой достаточно сложную проблему. Те разновидности или аспекты религиозного поведения, которые мы называли привычно-механическими и нормативными, могут практиковаться индивидуумами, по

существо лишены религиозного сознания. Да и другие проявления религиозного поведения далеко не всегда сопровождаются достаточно ясно выраженными признаками устойчивого религиозного сознания. В чрезвычайных обстоятельствах бывает, что акт религиозного поведения совершает человек, не имеющий твердых религиозных убеждений или даже атеист. В минуты душевной слабости и в состоянии аффекта он взмолился к богу, но из этого не следует, что он окончательно «обратился». Его отношение к религии можно охарактеризовать возгласом, который с большой психологической тонкостью Евангелие вкладывает в уста одного из своих персонажей: «Верую, Господи, помоги моему неверию» (Марк, IX, 24). В некоторой мере это относится и к тому аспекту религиозного поведения, который мы назвали страховочным. Здесь всегда в большей или меньшей степени наличествует логика знаменитого беспронимного «пари Паскаля»: если бога не существует, то я ничего не потеряю от того, что молюсь ему; если же он существует, то я выиграю очень много...

С другой стороны, религиозное сознание не всегда находит свое выражение в религиозном поведении. Люди, придерживающиеся религиозных взглядов философско-идеалистического порядка, могут пренебрегать исполнением обрядов, рассматривая их как пережиток магии и суеверия.

Все сказанное свидетельствует о том, что научное исследование религиозного поведения должно быть одновременно как социологическим, так и психологическим.

* * *

Религия представляет собой сложный комплекс следующих элементов); 1) собственно идеологическая сторона (верования, представления, мифы); 2) религиозная практика (=поведение); 3) связанные с верованиями и обрядами эмоциональные переживания; 4) церковные учреждения, вырастающие в результате объединения более или менее многочисленных масс населения на почве общих верований и обрядов вокруг людей, берущих на себя функции хранителей и истолкователей религиозной идеологии и исполнителей религиозно-магической практики; 5) совокупность моральных норм, которым соответствующая религия дает идеологическое выражение и освящение. При сопоставлении этих ингредиентов религиозного комплекса возникает вопрос — нельзя ли найти среди них тот, который определяет все остальные.

Можно стать и на такую точку зрения, по которой религию составляют все перечисленные элементы, так что искать среди них основной и определяющий нет надобности. Нам представляется такое решение вопроса эклектичным и основанным на стремлении обойти трудную проблему вместо того, чтобы сосредоточить усилия на ее решении.

Выделение основного признака нужно для того, чтобы иметь возможность при его помощи устанавливать в каждом конкретном случае, имеем ли мы дело с религиозным явлением или религиозная специфика в данном случае отсутствует. Как известно, коренным определяющим признаком любого понятия является тот, который образует содержание данного понятия в его специфической определенности, и, наоборот, отсутствие которого лишает понятие этой определенности и превращает в некое другое. И в случае с религией важно установить, какой из перечисленных элементов следует признать определяющим ее специфичность как религии. В связи с разбираемой в этой статье проблемой приобретает интерес вопрос о том, нельзя ли считать именно религиозное поведение основным и определяющим признаком религии в целом.

В иной терминологии этот вопрос предстает перед нами в плоскости соотношения обряда и мифа. Он сформулирован С. А. Токаревым в следующей точной формуле: «Религиозные обряды и мифы вообще тесно между собой связаны. Связь эта давно признана в науке. Но разногласия вызывает вопрос: что здесь является первичным, а что производным? Создавался ли обряд на основе мифа или миф сочинялся в обоснование обряда? Конечно, причинная связь может быть и взаимная, но что-то должно лежать в основе»¹. Процесс решения наукой этого вопроса С. А. Токарев делит на две стадии.

В прежние времена ученые «молчаливо исходили из того, что всякий обряд возникает из верования». Это представление С. А. Токарев считает наивным и устаревшим. Начало новой эры в решении проблемы он усматривает в подходе к ней В. Робертсона-Смита, который утверждал, что «почти во всех случаях миф вырос из ритуала, а не ритуал из мифа». Сделав несколько ссылок на зарубежных и советских авторов, которые, по мнению С. А. Токарева, стоят на той же позиции, он развивает концепцию «примата обряда над мифом» и в качестве конечного вывода формулирует положение о том, что «хотя мифология и играет важную роль в истории религии, как бы поставляя материал для самого содержания религиозных верований, она не является самой существенной стороной религии»². Такой самой существенной стороной признается обряд, т. е. акт религиозного поведения.

Ту же концепцию разделяет и отстаивает Ю. А. Левада³. Общий вывод, в котором формулируется содержание понятия религии, выглядит у него следующим образом: для истории общества «религия представляет собой не систему «взглядов», «объяснений», «иллюзий», а систему определенных общественно значимых действий, которые в какой-то форме соотносены с культовыми объектами... Вопрос о структуре религии при таком подходе выступает как вопрос о структуре «религиозной деятельности», или «религиозного поведения»⁴. Правда, в предшествующем тексте автор признает «вполне справедливым» замечание американского автора Клакхона, сопоставляющего проблему — «предшествовал ли ритуал мифу или наоборот, — со схоластической дилеммой, что было сначала — курица или яйцо». Но, видимо, это следует считать проявлением случайной непоследовательности в изложении Ю. А. Левады, ибо во всем тексте своей книги он твердо стоит на позиции первичности религиозного поведения относительно религиозной идеологии.

Всякая социальная деятельность, в том числе и религиозная, как считает Ю. А. Левада, проходит в своем развитии три фазы: традиционную, «идеологическую» и «привычную»⁵ — оба последних термина сам автор берет в кавычки. Первая фаза не «идеологична», только с ее разложением, с «членением этого исходного комплекса», выделяется мифология, как «особая система описания культового объекта». С появлением мифологии ритуал приобретает идеологический характер: «появившись на свет, мифология вводит ритуал в систему идеологических отношений...»⁶. Но и после этого в виде пережитка доидеологической фазы развития встречаются положения, когда ритуал проводится без осознания его мифологического смысла, например: «на вопрос о

¹ С. А. Токарев, Что такое мифология? Вопросы истории религии и атеизма. X, 1956, стр. 356.

² Там же, стр. 364.

³ Ю. А. Левада. Социальная природа религии, М., 1965.

⁴ Там же, стр. 105.

⁵ Там же, стр. 115.

⁶ Там же, стр. 117.

«смысле» коленопреклонения, крестного знамения и проч. ответят ученый-этнолог или ученый-богослов, но не «массовидный» христианин»⁷.

Приведя аналогичные высказывания некоторых зарубежных авторов, Ю. А. Левада сообщает читателю и ту мотивировку, на которую опирается данная концепция. Выдвигаются три аргумента, признаваемые Ю. А. Левадой достаточно вескими: 1) «ритуалистический характер всякой массовой религиозности, древнейшей или современной»; 2) «анализ огромного числа мифов..., который... показал правомерность их ритуалистического генезиса»; 3) «поразительная устойчивость ритуальных процедур на всем протяжении истории религии»⁸.

Нельзя сказать, чтобы эта аргументация выглядела особенно убедительно. Устойчивость ритуальных процедур никак не свидетельствует об их первичности, ибо существует много других, не менее устойчивых социальных явлений, никак не могущих претендовать на истинность и первичность. Ритуалистический характер всякой религиозности свидетельствует лишь о связи верования и обряда, оставляя в стороне вопрос о первичности того или иного из этих элементов. Что же касается заявления о том, что «анализ мифов показал правомерность их ритуалистического генезиса», то на этом вопросе следует специально остановиться.

В подкрепление своего утверждения автор дает примечание со ссылкой на то, что «наиболее фундаментальное обоснование» ритуалистического генезиса мифологии содержится в известной работе В. Я. Проппа»⁹. Нам представляется эта ссылка прямым недоразумением.

Основным предметом анализа является в книге В. Я. Проппа не миф, а сказка и, еще точнее, волшебная сказка. Автор не отождествляет эти жанры. Он рассматривает миф как специфически религиозное явление. «Под мифом, говорит он, здесь (во всей книге. — И. К.) будет пониматься рассказ о божествах или божественных существах, в действительность которых народ верит»¹⁰. На какой-то ступени развития происходит процесс «перерождения мифа в сказку», связанный с «профанацией» священного сюжета и означающий «момент рождения собственно сказки»¹¹. Заодно происходит и открепление сюжета и акта рассказывания от ритуала. Отсюда вытекает, что миф неразрывно связан с ритуалом. Но положения о первичности ритуала относительно мифа мы у В. Я. Проппа не находим. Он говорит об «обусловленности и того и другого хозяйственными интересами», о связи мифа «со всей действительностью народа, с производством, с социальным строем и верованиями»¹². Исторические корни как мифа, так и волшебной сказки автор усматривает вовсе не в ритуале, а во всем исторически определенном бытии общества. Анализ этого вопроса в ставшей уже классической работе маститого фольклориста ведется им в гораздо более широкой перспективе, чем приписываемая ему Ю. А. Левадой.

Генезис волшебной сказки В. Я. Пропп также не возводит исключительно к обрядам. Он говорит, что «многие из сказочных мотивов восходят к различным социальным институтам» и стводит при этом особую роль обряду посвящения, но тут же говорит и о большой роли, которую играют в происхождении сказочных мотивов представления о за-

⁷ Ю. А. Левада, Указ. раб., стр. 115. Верно, что такие положения «встречаются», хотя приведенный здесь пример и не удачен: на эти вопросы «массовидный» христианин ответит.

⁸ Там же, стр. 103.

⁹ В. Я. Пропп, Исторические корни волшебной сказки, Л., 1946.

¹⁰ Там же, стр. 16.

¹¹ Там же, стр. 334, 336.

¹² Там же, стр. 19, 333.

гробном мире, — «эти два цикла дают количественно максимальное число мотивов», — и добавляет, что «некоторые мотивы имеют иное происхождение»¹³.

И общетеоретическая концепция В. Я. Проппа, и ее преломление в анализе конкретных фольклористических сюжетов могут служить предметом особого рассмотрения. Мы коснулись ее здесь лишь в связи с тем, что на книге В. Я. Проппа Ю. А. Левада пытается основать свою концепцию. И он имеет при этом в виду не столько общетеоретические позиции В. Я. Проппа, сколько данный им конкретный анализ отдельных сказочных сюжетов. А уж в этом отношении надо прямо сказать, что обоснования «ритуалистической» концепции в книге В. Я. Проппа нет.

Убедительного этнографического и исторического материала для доказательства «ритуалистического» происхождения религии защитники этой теории не находят. Может быть, обоснование ее можно найти в общеметодологических соображениях?

Здесь трудность оказалась, прежде всего, в том, что эта теория не может быть даже сформулирована с достаточной степенью логической последовательности.

Каков критерий, дающий нам право признать тот или иной акт человеческого поведения религиозным? Д. М. Угринович, правильно критикующий разбираемую концепцию, приводит несколько элементарных примеров, обнаруживающих и необходимость такого критерия, и его отсутствие у «ритуалистов»: погружение в воду с целью искупаться или принять святое крещение, употребление хлеба и вина за обедом и в порядке причащения, коленопреклонение в церкви или по какому-нибудь другому случаю, — и в первом, и во втором из этих рядов образ поведения человека должен быть признан религиозным или нерелигиозным лишь в зависимости от того, связаны ли с ним религиозные верования¹⁴.

Сторонники «культовой» концепции находят критерий различения религиозного и нерелигиозного поведения в дюркгеймовском разделении сакрального и мирского. Но, по существу, здесь непонятное объясняется столь же непонятным, точнее сказать, те же понятия обозначаются лишь другими терминами, а их содержание не раскрывается. Можно назвать религиозное поведение сакральным, а нерелигиозное — светским; но что от этого прояснится?

Для распознавания религиозного или нерелигиозного характера того или иного акта религиозного поведения может быть применен лишь один критерий — в какой мере этот акт связан с религиозными верованиями. Даже по поводу ярко выраженных случаев привычно-автоматического и нормативного религиозного поведения нельзя забывать, что мировоззренческий смысл соответствующих обрядов лишь выветрился в сознании совершающих их людей, но что в самой религии, к которой данные обряды относятся, они обязательно имеют определенную семантическую нагрузку. Да и сам человек, совершающий данное действие, пусть даже без прямого осознания его религиозного смысла в данный момент, все же знает об этом смысле и вспоминает о нем, когда перед ним почему-либо возникает вопрос о значении его действий. Невозможно, следовательно, представить себе такой религиозный обряд, который не был бы связан с тем или иным религиозным представлением. Значит, не может возникнуть ни религия в целом, ни какая бы то ни было конкретная религиозная система лишь в виде совокупности обрядов без того, чтобы этим обрядам соответствовали религиозные представления.

¹³ Там же, стр. 329.

¹⁴ Д. М. Угринович, О специфике религии, М., 1961, стр. 50.

Если речь идет о каких-то обычаях и обрядах, не связанных с религиозными верованиями, то это нерелигиозные обычаи и обряды — либо они еще не успели стать таковыми, либо перестали ими быть.

Во взглядах С. А. Токарева и Ю. А. Левады есть здоровая материалистическая тенденция к ориентации на общественную практику человека, на его деятельность. Они совершенно правильно критикуют позитивистские и узко-рационалистические теории, по которым человек сначала «измышлял» какие-нибудь идеи, а потом строил свое поведение в соответствии с ними. Безусловно — вначале было дело. Но этот материалистический исходный пункт наши авторы применяют чересчур прямолинейно, что заводит их дальше, чем это позволяет диалектика самой исследуемой ими области явлений.

Положение о первичности практики относится к историческому процессу в целом и к обществу как цельной системе. Когда мы рассматриваем отношение материального и идеологического начал в жизни общества, когда мы выясняем движущую пружину развития общества в целом, для нас не подлежит сомнению, что в этом общем плане, в конечном счете, примат — за материальным началом, за материальной трудовой практикой общественного человека. Но следует ли при анализе идеологического явления искать в нем самом какие-то собственные внутренние материально-практические основы, определяющие его развитие? Нам думается, что, становясь на такой путь, можно прийти до экономического материализма и до грубой вульгаризации идеологических процессов.

То материально-практическое «дело», которое лежит в основе всякой идеологии, необязательно искать в самой этой идеологии. В конечном счете оно заложено в материальной сфере жизни общества в целом, в его базисе. И далеко не всегда идеологическая надстройка включает в себе самой свои материальные основания. Поэтому аргументировать теорию примата обряда перед верованиями общеметодологическим положением о примате практики в жизни общества нет оснований. Не помогает делу и ссылка на известное высказывание Маркса о том, что «производство идей, представлений, сознания первоначально непосредственно вплетено в материальную деятельность и в материальное общение людей, в язык реальной жизни»¹⁵. Разве исполнение религиозных обрядов и есть та материальная деятельность, тот язык реальной жизни, о которых говорит здесь Маркс?

Мы не видим никаких оснований отказываться от принятой в марксизме трактовки религии как, прежде всего, идеологического явления, как формы общественного сознания. При такой трактовке религиозное поведение приобретает свою специфичность лишь постольку, поскольку оно связано с религиозными верованиями. Отсюда и несостоятельность теории примата поведения в системе явлений, составляющих религию.

Не все обряды и обычаи, входящие в комплекс религиозного поведения, возникли на основе сформировавшихся религиозных представлений и верований. Бывало в истории религии и наоборот: обычаи и обряды, сложившиеся в быту под влиянием причин, не связанных с религией, в дальнейшем переосмысливались при помощи тех или иных мифологических и собственно религиозных сюжетов; некоторые из этих сюжетов и возникают, отвечая назревшей этиологической потребности. Тогда уже соответствующие обычаи и обряды оказываются ассимилированными и освященными религией, а их действительное светское происхождение постепенно забывается.

¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 24.

Во всем ходе своей истории религиозное поведение и религиозное сознание движутся параллельно, переплетаясь и взаимодействуя. В возникновении же религии приоритет принадлежит верованиям, говоря конкретней, вере в сверхъестественное, ибо только с появлением этой веры поведение могло приобретать религиозный смысл.

* * *

Вопрос о сущности и значении религиозного поведения имеет немаловажное теоретическое значение, в частности, для этнографической науки. Методы этнографического исследования распространяются, прежде всего, на внешние формы, в которых находит свое выражение общественный и семейный быт различных народов. Религиозные культы и их пережитки, составляющие более или менее значимый элемент этого быта, являются одним из объектов исследовательской работы этнографа. Само собой разумеется поэтому, что изучение быта того или другого народа включает в себя и исследование форм и степени интенсивности религиозного поведения, поскольку оно еще сохранилось в этом быту. Так как, однако, религиозное поведение неминуемо имеет идеологическую и психологическую основы, этнография не ограничивается анализом внешней стороны соответствующих явлений. Изучая религиозные пережитки в быту различных народов нашей страны, рассматривая религиозное поведение как таковое, мы делаем выводы о лежащих в основе этого поведения идеологических явлениях, способствуя этим не только более цельному теоретическому раскрытию проблемы, но и более успешному ходу процесса преодоления религиозных пережитков.

Проблема религиозного поведения приобрела теперь особую актуальность в связи с разработкой теоретических основ безрелигиозных обрядов и праздников. Создавая новые безрелигиозные формы социалистического быта, мы используем традиционные обряды и обычаи, наследуя то ценное, что есть в них, и отбрасывая пропитавшее их религиозное содержание. Но в чем заключается критерий, дающий возможность распознавать акты собственно религиозного поведения с тем, чтобы исключить их из нашей новой обрядности? Очевидно — лишь в связи соответствующих обрядов и обычаев с религиозными представлениями и верованиями. При этом не имеет существенного значения религиозный генезис этих обрядов и обычаев. Независимо от того, что было в далеком прошлом, любой акт поведения в настоящем теряет свой религиозный характер, если он не связан в сознании совершающего его человека или наблюдающих его других людей с теми или иными религиозными верованиями.

SUMMARY

The article is devoted to the elucidation of the essence of religious behaviour and of its place in the complex of phenomena embraced by the concept of religion. The author believes religious behaviour to be closely linked with religious consciousness in the broad sense of the word including also the emotional side of consciousness. Viewing religious behaviour as an aggregate of ritual and worship actions he brings out the various aspects of these actions in their relation to religious consciousness.

The author criticizes the widespread theory which regards the ritual and worship actions as prior to religious myths and beliefs in the process of formation of religion. From his point of view, certain acts of human behaviour may be viewed as either religious or non-religious, depending on whether they are connected with a belief in the reality of supernatural phenomena or not.

Я. Р. Винников

НОВОЕ В СЕМЕЙНОМ БЫТУ КОЛХОЗНИКОВ ТУРКМЕНИСТАНА

Туркмены на протяжении всей своей многовековой истории сохраняли родо-племенное деление. Еще в конце XIX — начале XX в. у них насчитывалось свыше 30 обособленных племен и сотни различных по структуре и численности «родовых» подразделений.

Хозяйство почти до 80-х годов XIX в. было натуральным и полунатуральным. Весь уклад жизни туркмен в этот период пронизывали патриархально-феодалыные отношения, территориальная, экономическая и политическая разобщенность, культурная отсталость. В этих социально-экономических условиях важную роль играла земельно-водная община, в рамках которой хозяйственно-производственный коллектив представляла в основном большая неразделенная семья. Существование таких семей в XIX в., как и в более ранний период, отмечено также у ряда других народов Средней Азии и Казахстана¹, Кавказа². О широком их бытовании в XIX в. у туркмен писали многие этнографы³. Это подтверждается и нашими полевыми материалами.

Большие семьи у туркмен состояли из родителей или одного из них с неженатыми сыновьями, незамужними дочерьми, несколькими женатыми сыновьями, их женами и детьми, а иногда и внуками. По рассказу 113-летнего Рахманбаба Кандымова, жителя селения Ислам Карабаба Каульского района, в семью его отца в 70-х годах XIX в. входили родители, их неженатые сыновья, незамужние дочери, три женатых сына и их 19 детей и три внука; всего в семье было 30 человек. По словам 102-летней Розыгуль Хыдыровой из кишлака Салагай (ныне территория колхоза «Совет Туркменистаны» Саятского района), в ее семье в конце XIX в. было 32 человека. Большие, неразделенные семьи из 15—20 близких родственников, по свидетельству многих информаторов, встречались часто. Женатые сыновья не выделялись при жизни отца. Экономическую основу семьи составляли земля и другие средства производства.

После присоединения Средней Азии к России под влиянием развития товарно-денежных отношений, накопления частной собственности начался процесс деления больших семей. В конце XIX — начале XX в. неразделенная семья существовала наряду с малой, а в некоторых местах малая (индивидуальная) семья уже преобладала.

¹ «Народы Средней Азии и Казахстана», т. I, серия «Народы мира. Этнографические очерки», М., 1962, стр. 323, 491, 612; т. II, М., 1963, стр. 270.

² М. О. Косвен, Семейная община (Опыт исторической характеристики), «Советская этнография», 1948, № 3.

³ К. Овезбердыев, Семейные отношения у туркмен Мервского оазиса в конце XIX — начале XX в., «Исследования по этнографии туркмен», Ашхабад, 1965, стр. 100—101; Г. П. Васильева, Туркмены-нохурли, «Среднеазиатский этнографический сборник», I, М., 1954, стр. 187; Д. М. Овезов, Племя мурчали, «Труды Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции», т. IX, Ашхабад, 1959, стр. 251; А. Джикиев, Семья и брак у туркмен юго-восточного побережья Каспийского моря в XIX—XX вв., «Изв. АН Туркменской ССР», № 2, 1958; «Народы Средней Азии и Казахстана», т. II, стр. 102—103.

Наибольшее развитие этот процесс получил в периоды проведения земельной реформы (1920—1921 и 1925—1927 гг.) и колхозного строительства. Стремление безземельных и малоземельных крестьян (дайхан) получить лишний надел земли и воды, а многоземельных (байских) хозяйств сохранить в своем владении больше земли приводило к выделению из большой семьи супружеских пар с неженатыми детьми. Дробление семьи происходило и при коллективизации, что было вызвано желанием получить право на приусадебный участок и иметь больше скота в личном пользовании. Малая семья, пришедшая на смену большой неразделенной семье, сохраняла черты патриархальности. Во главе ее стоял старший по возрасту мужчина — отец или дед, пользовавшийся неограниченной властью, его решения беспрекословно выполнялись всеми членами семьи. Брачно-семейная жизнь регламентировалась нормами шариата и обычного права — адата, которые утверждали господство мужчины над женщиной. Женщина была бесправным членом семьи, она во всем подчинялась мужу, отцу и всем старшим по возрасту мужчинам.

Полновластие главы семьи — отца (после его смерти — старшего или, иногда, наиболее способного сына, а при его отсутствии — ближайшего старшего родственника) и бесправное положение женщины определяли и форму брака. Отец нередко продавал за калым еще несовершеннолетнюю дочь.

В условиях господства патриархально-феодалных отношений, сплошной неграмотности, крайней отсталости быта у туркмен сохранялись и такие явления, как многоженство, левират (докылма), а во многих районах Туркмении и кайтарма, т. е. возвращение молодой женщины в дом родителей через 5—15, а местами и 25 дней после замужества. Бытование кайтармы объясняли необходимостью приготовления молодухой приданого в доме своих родителей. Однако обычай этот использовался ее родителями и для скорейшего истребования оставшейся неуплаченной части обусловленного калыма. У туркмен свадьбу устраивали обычно после уплаты большей его части. Используя же обычай кайтармы, родители держали дочь взаперти до полного получения калыма, это продолжалось от 1 до 5, а иногда 10 лет, в течение которых мужу строго запрещалось встречаться со своей женой.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции «Советская власть, — как писал В. И. Ленин, — более всех других, самых передовых стран осуществила демократию тем, что в своих законах не оставила ни малейшего намека на неправомерность женщины. Повторяю, — подчеркивал В. И. Ленин, — ни одно государство и ни одно демократическое законодательство не сделало для женщины и половины того, что сделала Советская власть в первые же месяцы своего существования»⁴.

В Средней Азии, в том числе и в Туркменистане, Советская власть прежде всего отменила такие патриархально-феодалные установления адата и мусульманского религиозного права — шариата, как многоженство, калым, брак несовершеннолетних и др., мешавшие фактическому раскрепощению женщин. Однако равенство по закону еще не есть равенство в жизни. «Для полного освобождения женщины и для действительного равенства ее с мужчиной, — писал В. И. Ленин, — нужно, чтобы было общественное хозяйство и чтобы женщина участвовала в общем производительном труде»⁵. В новых социально-экономи-

⁴ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 39, стр. 201.

⁵ Там же.

ческих условиях, Коммунистическая партия и правительство Туркменистана осуществили комплекс мер по фактическому раскрепощению туркменок, установлению их экономической и правовой независимости.

За 40 лет своего развития Туркменистан из отсталой колониальной окраины России превратился в цветущую индустриально-колхозную социалистическую республику. В ходе этого процесса происходили крупнейшие преобразования в области экономики, народного образования и просвещения, здравоохранения, науки и культуры.

В процессе социалистического строительства с ломкой старой экономики изменялся быт сельских жителей, в том числе и женщин, иной становилась их психология, повышался культурный уровень, изживались предрассудки, сдерживавшие фактическое раскрепощение туркменок. Важнейшее значение в этом отношении имело постепенное вовлечение женщин в производственную и общественную жизнь, повышение уровня их образования.

В результате трудовых успехов и культурного подъема туркменки, занятые общественно полезной работой в колхозах, промысловых артелях и различных отраслях народного хозяйства, быстро овладевали разнообразными профессиями, приобретали авторитет в обществе и добились экономической независимости в семье. К туркменским женщинам вполне применимы слова М. И. Калинина: «Только колхозное хозяйство поставило женщину в лучшие условия. Мы сейчас видим воочию, как развернулись организаторские и хозяйственные способности советских колхозниц, как богато наряду с этим проявились их душевные и моральные качества»⁶. Массовое участие туркменок в общественно полезном труде и в государственном управлении — один из важнейших показателей равноправного положения женщин.

В настоящее время женщины составляют около 48% рабочих и служащих промышленности республики и 52% лиц, занятых в сельском хозяйстве. Более трех тысяч женщин находится на руководящей работе: из них 284 — председатели и заместители председателей правлений колхозов, свыше двух тысяч — бригадиры, заведующие фермами, счетные работники, сотни механизаторов⁷. Среди учителей и медработников более 45% женщин. Много туркменок работает в научных учреждениях республики. Ныне из депутатов районных, поселковых и сельских Советов — 6448 женщин (40—45%), 99 женщин — депутаты Верховного Совета Туркменской ССР, 8 — депутаты Верховного Совета СССР, 192 — председатели или заместители председателей исполкомов местных Советов, 454 — секретари горкомов, райкомов и первичных партийных организаций⁸.

Утверждение этого нового положения туркменской женщины в производственной и общественной жизни влекло за собой преобразование семейного быта, сложение и укрепление современной колхозной семьи, основанной на взаимопонимании и равноправии всех ее членов.

Средний размер семьи у сельских жителей Туркменистана выше, чем в целом по СССР. Если в СССР семья на селе, по переписи 1939 г., в среднем состояла из 4,3 чел., а по переписи 1959 г. — из 3,9 чел., причем среди русских — даже 3,7 чел., то в Туркменистане за эти же годы, несмотря на потери военных лет и снижение рождаемости, она увеличилась с 4,8 до 5 чел. Отметим, что численность женщин в Туркменистане к

⁶ М. И. Калинин, О колхозном строе и колхозницах, Курск, 1945, стр. 7.

⁷ «Туркменская искра» от 13 августа 1964 г.

⁸ «Туркменская искра» от 7 марта 1965 г.

январю 1959 г. превышала численность мужчин — в городах на 9%, в сельских местностях — на 6,4%⁹. Однако демографические последствия войны изживаются за последние годы и равновесие полов восстанавливается. Этот процесс ведет к дальнейшему повышению среднего размера семьи.

Другая характерная особенность — в Туркменистане преобладают семьи, состоящие из 6 чел. и более. В этой связи определенный интерес представляют данные о семьях из 2—3 чел. Если в целом по СССР удельный вес таких семей увеличился с 1939 по 1959 г. с 37,2 до 48,2%, то в Туркменской ССР он, наоборот, снизился с 31,1 до 28,5%¹⁰. Что же касается семей из 6 чел. и более, то за этот период число их в Туркменистане увеличилось с 31,4 до 36,9%, а в среднем по СССР, наоборот, сократилось с 23,3 до 16,6%¹¹.

Эти тенденции постепенного, хотя и незначительного роста численности современной семьи колхозников Туркменистана обусловлены изменениями в возрастном и национальном составе, резким сокращением детской смертности (с 10,2 на 1000 чел. населения в 1950 г. до 6,6 чел. в 1961 г.), а также увеличением продолжительности жизни.

Число детей в семьях туркмен зависит главным образом от возраста супругов и таких социально-экономических факторов, как уровень благосостояния и культуры сельского населения, а также от национальных и религиозных традиций. Для Туркменистана характерен относительно ранний возраст вступления девушек в брак. Так, по переписи 1959 г. из 1000 туркменок 320 состояли в браке в возрасте 16—19 лет, а из 1000 русских — только 102; в возрасте 20—24 лет — соответственно 894 и 493. Таким образом, увеличение среднего размера семей колхозников Туркменистана объясняется в значительной степени национальными традициями. Для подтверждения этого приведем материалы нашего выборочного анкетного обследования и данные выборочной 5%-ной разработки переписи населения 1959 г. Последние свидетельствуют о том, что доля семей в 2—3 чел. составляет у туркмен около 30%, а у русских — около 50%, семей из 8 чел. и более у туркмен около 13%¹², а у русских — лишь около 2%¹³.

В 1960—1965 гг. преобладали, как показали данные анкетного обследования в двух сельсоветах средней Аму-Дарьи и сведения похозяйственных книг сельсовета «Ялкым» Байрам-Алийского района и «Джанахир» Кизыл-Арватского района, семьи в два поколения (их около 60—75%) — из супругов (или одного из них) и их детей. Семьи в три поколения — из стариков родителей, женатых сыновей и их детей — составляют примерно 20—40%. Характерной особенностью таких семей является, с одной стороны, равноправие, отсутствие деспотического своевластия главы семьи и господства старших по возрасту над младшими и, с другой, признание важности трудового участия в общественном производстве, взаимное уважение, искренность. Формирование нового отношения родителей к детям, внукам явилось следствием общего роста культуры населения, тесной связи родителей со школой и общественными организациями колхозного села, которые про-

⁹ «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. Туркменская ССР», М., 1963, стр. 24.

¹⁰ «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. СССР», М., 1962, стр. 248.

¹¹ Там же.

¹² «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. Туркменская ССР», стр. 142.

¹³ А. Г. Волков, Величина семей в республиках Средней Азии и некоторые факторы ее изменения, «Доклады, представленные на научную конференцию по проблемам народонаселения Средней Азии», М., 1965, стр. 120.

являют постоянную заботу об улучшении семейного быта, правильном воспитании детей в школе и семье.

Особенно важно отметить характерную для современной семьи черту — дружеские отношения свекрови и невестки. В большинстве семей, состоящих из трех поколений, старики, и в частности свекровь, выполняют почти все домашние дела, и тем создают молодежи, в том числе и невестке, условия для более активного участия в колхозном производстве, в общественной и культурной жизни. Так, в семье механизатора Дурсыгуль Одеевой и Джора Шукурова в колхозе им. Халтурина Чарджоуского района родители мужа, по рассказам колхозных активистов, соседей и нашим наблюдениям, в основном взяли на себя ведение домашнего хозяйства. Свекровь готовит пищу, выпекает хлеб, убирает дом, присматривает за внуками и т. д., т. е. делает все то, что в прошлом входило в обязанности невестки, свекор обрабатывает приусадебный участок, выполняет ряд других дел и, кроме того, по мере сил принимает участие в колхозном производстве и в общественной жизни.

Дружеские взаимоотношения между невесткой и свекровью сложились также в семьях Пирназара Широга, Бякима Омарова и многих других членов колхоза им. Жданова Керкинского района.

Равноправное положение мужа и жены в общественном и домашнем быту позволяет женщине не только оказывать помощь своим родителям, но и сделало возможным совместное проживание их с семьей замужней дочери. Таких семей в колхозе им. Халтурина Чарджоуского района — около 5% (семья Огуль Жумаевой и др.), в колхозе им. Жданова Керкинского района — около 4%, то же наблюдается почти во всех других колхозах республики. Теперь это уже ни у кого не вызывает осуждения, тогда как в прошлом проживание в одной семье зятя и тещи считалось позорным для туркмена.

Под влиянием производственно-технического и культурного развития женщин, их участия в производстве наравне с мужчинами произошли существенные изменения и в распределении труда в семье: муж постоянно помогает жене в домашних делах и в воспитании детей. Часто можно видеть, как он несет или ведет детей в детсад или ясли. Многие мужья вместе с женами идут на работу, в кино, в клуб. Раньше это вызывало осуждение даже со стороны женщин, но в наши дни уже становится характерной чертой быта семьи. Заметим, что домашний труд женщин вследствие повышения культуры быта, роста благосостояния, появления электроприборов, газовой плиты стал намного легче. Этому способствует и общественное питание, в частности, на полевых станках и фермах, в детсадах, яслях и в школах-интернатах, а также замена ряда продуктов домашнего приготовления покупными. Все эти новые явления в семейном быту туркмен отражают становление нового мировоззрения.

Принципиально новые черты появились и в браке, являвшемся прежде зависящей от чужой воли сделкой, основанной на материальной выгоде. Большинство браков теперь заключается по обоюдному выбору вступающих с одобрения и согласия родителей.

В созданных на основании таких браков семьях с первых же дней обычно устанавливается общность взглядов, дружеские отношения, основанные на равноправии, сознательном отношении к производственным, общественным и семейным обязанностям. Работа в общественном производстве наравне с мужчиной обеспечивает туркменской женщине экономическую независимость, фактическое равноправие и позволяет самостоятельно решать ряд хозяйственных вопросов. В современных

семьях, состоящих из двух и трех поколений, муж и жена вместе распределяют доходы семьи, которые находятся на хранении обычно у хозяйки дома.

Под влиянием роста культуры и нового общественного строя произошли заметные изменения не только в обычаях, соблюдавшихся при заключении брака (например, не соблюдается былая эндогамия), но и в свадебной обрядности. Обряды, связанные с заключением брака, свадебным торжеством, у разных локальных групп туркмен существенных различий не имеют¹⁴. Традиционный ритуал, нередко в основных чертах сохраняющийся в современной свадьбе, значительно упростился и приобрел новые черты: все возрастающую активность молодежи сельской интеллигенции, более широкое участие в свадебной церемонии друзей и товарищей по работе, учебе, причем не только со стороны жениха, но нередко и со стороны невесты, особенно в тех случаях, когда жених и невеста односельчане.

Повсеместным явлением становятся и комсомольские свадьбы. В организации и проведении их принимает участие колхозная общественность и сельская интеллигенция. Такие свадьбы пока не получили массового распространения, тем не менее проведение их способствует формированию новых традиций в быту. Комсомольские свадьбы можно и нужно сделать более привлекательными для молодежи, умело сочетая в этой церемонии новые обряды с прогрессивными национальными традициями. В старой туркменской свадебной церемонии много интересного. Эти свадьбы довольно часто сопровождались такими народными играми и состязаниями, как борьба, прыгание вверх за платком с подарком, перетягивание каната, скачки, а также песнями и (на средней Аму-Дарье) танцами.

С каждым годом в селах Туркменистана растет число смешанных в национальном отношении браков. В прошлом этому препятствовали социальные факторы, религия, родо-племенная и национальная обособленность. Наибольшее число смешанных браков зафиксировано в совхозных поселениях и особенно в городах. Только в одном Небит-Даге в течение 1957—1960 гг. зарегистрировано 106 смешанных браков¹⁵, преимущественно туркмен с девушками других национальностей. В городах республики, особенно среди учащейся в вузах молодежи, в последние годы отмечается увеличение числа браков туркменских девушек с русскими, азербайджанцами, татарами. Хотя в целом по республике смешанных в национальном отношении браков пока немного, число их с каждым годом растет. Прогрессивность смешанных в национальном отношении браков проявляется в первую очередь в том, что они оказывают благоприятное влияние на такие трудно поддающиеся изменениям сферы жизни, как семья, быт, обряды.

По нашим наблюдениям, смешанные семьи туркмен (в основном туркмено-русские, туркмено-узбекские) обычно дружны, супруги жи-

¹⁴ Г. П. Васильева, Указ. раб., стр. 183—205; Я. Р. Винников, Социалистическое переустройство хозяйства и быта дайхач Марыйской области Туркменской ССР, «Среднеазиатский этнографический сборник», I, 1954, стр. 62—75; Ата Джикиев, Туркмены Юго-восточного побережья Каспийского моря, Ашхабад, 1961, стр. 118—132; его же, Свадебные обряды у туркмен-салыров в конце XIX — начале XX в., «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР», т. VII, Ашхабад, 1963, стр. 118—138; К. Овезбердыев, Материалы по этнографии туркмен-сарыков Пендинского оазиса, «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии», т. VI, Ашхабад, 1962, стр. 153—164; Ш. Аннаклычев, Быт рабочих-нефтяников Небит-Дага и Кум-Дага (Историко-этнографический очерк), Ашхабад, 1961, стр. 103—107; Д. Овезов, Указ. раб., стр. 27—34.

¹⁵ Ш. Аннаклычев, Изменение общественно-бытового уклада туркмен в связи с индустриализацией республики, М., 1964, стр. 8.

вуют счастливо, относятся с уважением друг к другу и уделяют много внимания детям. В смешанных в национальном отношении семьях дети часто владеют языком отца и матери. В домашнем быту таких семей заметны местные национальные особенности, но преобладают городские черты.

К новым явлениям в быту туркменских колхозников следует отнести все возрастающую их сплоченность в трудовых коллективах (звене бригаде, ферме и др.). Члены этих коллективов заботливо относятся друг к другу, охотно помогают своим товарищам по работе, их семьям.

Эта сплоченность, дружба и взаимопомощь из сферы общественно-производственных отношений проникает и в область семейного быта. Теперь колхозники приглашают в гости на семейные торжества не только родственников и соседей, но и товарищей по работе, учебе или общественной деятельности. Яркими примерами этого могут служить комсомольские свадьбы, устройство в бригадах угощений и совместных развлечений в дни праздников.

С каждым годом все больше утверждается традиция отмечать трудовыми победами советские праздники, крупные общенародные события — годовщину Великого Октября, Первое мая, Международный женский день 8 марта, Новый год, день выборов в Советы, праздник урожая «харман той», день механизатора, день чабана и др.

Советские праздники не только делают жизнь колхозников более содержательной и разнообразной, но и способствуют преодолению религиозных пережитков в быту. Эти праздники служат целям политического, морального и эстетического воспитания.

Велико общественное и воспитательное значение праздников, рожденных революционной борьбой, праздников, прославляющих достижения в труде: они зовут людей на новые подвиги, оказывают действительное влияние на формирование трудолюбия, чувства коллективизма, создают интернациональную основу в культуре и традициях народов Советского Союза и служат средством сближения и укрепления дружбы между различными национальностями.

В последние годы в колхозах и совхозах труженики села все чаще отмечают такие события, как проводы в Советскую Армию односельчан и возвращение их из армии. Традицией стало торжественно отмечать в семейном кругу и окончание высшего или среднего учебного заведения, вселение в новый дом, день рождения ребенка, а нередко и день рождения взрослых членов семьи. В ряде колхозов члены совета старейшин при участии родителей сажают в честь новорожденного, особенно первенца, фруктовые деревья. Все это для Туркменистана совершенно новые явления. Раньше, например, туркмены не знали даже даты своего рождения.

К новым чертам быта следует отнести дружественные интернациональные связи людей на производстве, в общественной жизни. Теперь за праздничным столом туркмен часто можно видеть узбеков, русских, татар и людей других национальностей. На почве общих интересов, совместного проведения различных общественно-политических и культурно-массовых мероприятий возникает и тесное общение, в том числе и в домашнем быту, колхозников с рабочими совхозов и жителями городов. Становятся традиционными и торжественные проводы уходящих на пенсию колхозников. Так, в июне 1964 г. коллективы двух колхозов торжественно проводили на пенсию ветеранов труда — Эреш Базарова, Худайберды Мурадова и Ананияза Джумаева (колхоз им. М. Горького Саятского района) и бывшего председателя колхоза «Тезе ел» Байрам-Алийского района Героя Социалистического Труда Аннали Сапа-

рова. Их чествовали друзья и близкие, гости из соседних колхозов. С приветствием к ним обратились комсомольцы и пионеры.

В дни общественных торжеств во всех районах республики организируются игры, состязания в борьбе, пении, танцы с присуждением приза тому, кто окажется более сильным, ловким и талантливым.

Большое оживление в общественную и культурную жизнь села вносят выступления участников художественной самодеятельности. В начале 1966 г. в сельской местности было более 1800 коллективов, в которых принимали участие около 25 тыс. чел.¹⁶. Репертуар этих самодеятельных коллективов разнообразен, он включает интересные одноактовые пьесы туркменских драматургов, юмористические выступления, народные песни, музыкальные произведения. Высокую культуру исполнения показывают и танцевальные коллективы, ансамбли народных инструментов. Особенно любят игру на национальных музыкальных инструментах — туйдуках, дутарах, гиджихах.

Проводимый периодически во всех районах и в столице республики смотр художественной самодеятельности пользуется большой популярностью. Такой смотр стал не только ярким народным праздником с массовыми гуляньями, народными играми и спортивными соревнованиями, но и школой эстетического воспитания, духовного обогащения людей.

Жизнь показывает, что социалистический строй способствует как возникновению и развитию новых традиций, так и процветанию лучших, прогрессивных национальных традиций прошлого. Характерной особенностью новых традиций в быту является то, что, сохраняя национальную специфику, они развиваются благодаря творческому общению туркмен с другими народами Советского Союза.

Существенно изменилось в туркменских семьях воспитание детей; почти полностью изжито неравное отношение к мальчикам и девочкам. Теперь родители одинаково воспитывают их. Дети с момента рождения окружены постоянной заботой не только родителей и всех членов семьи, но и общественности. Современные колхозные и совхозные селения нельзя представить без детских садов и яслей, родильного дома и медпункта. В каждом из них создаются хорошие условия для детей. Ныне колхозники тратят значительную часть семейного бюджета на приобретение продуктов детского питания, детской одежды, книг и игрушек.

В подавляющем большинстве юноши и девушки, оканчивающие общеобразовательные школы, воспитаны в духе высокой ответственности перед семьей, народом. Для них характерны стремления к знаниям, пытливость и любознательность, желание понять окружающую действительность, выработать свой взгляд на события.

Дальнейшее изучение формирования и становления новых форм проведения досуга тружениками села, новых празднеств, обычаев и обрядов в обществе и в семье поможет раскрыть закономерности во взаимосвязях и борьбе между старым и новым и выявить все то, что из старого следует брать, развивать и совершенствовать на новой прогрессивной основе.

Как бы ни были отрадны те новые явления в современном семейном быту, о которых говорилось выше, следует подчеркнуть, что дальнейшее их развитие нуждается в постоянной поддержке, так как сопряжено с большими трудностями, с необходимостью преодоления многих религиозно-бытовых пережитков прошлого.

¹⁶ «Туркменская искра» от 5 марта 1966 г.

Нельзя не отметить повсеместный и значительный отход сельского населения Туркменистана от религии. Но отношение к религии неодинаково среди различных групп этого населения. Возьмем, к примеру, молодежь и людей в возрасте до 40—50 лет. Все они росли в советское время, учились в советской школе, грамотны. За редким исключением они работают в общественном социалистическом хозяйстве и, как показали наши наблюдения, не знают ислама, не верят в бога и в различные приметы и, что очень важно, не проявляют к этим вопросам интереса, относятся к религиозной обрядности как к явлениям прошлого. Если же отдельные из них и принимают участие в совершении старых обрядов, например на традиционной свадьбе, похоронах, поминках умерших, на то по случаю обрезания (сюннет той) или первой стрижки волос (сач той), то делают это под влиянием старшего поколения. Пожилые люди, особенно старухи, будучи неграмотными или малограмотными и по состоянию здоровья почти не участвующие в современной общественной жизни села, легче поддаются влиянию духовенства. Однако и они уже допускают отступления от религиозных канонов, нарушение их. Тем не менее еще можно наблюдать в современном быту туркмен некоторые религиозные пережитки и следы доисламских верований, среди которых наиболее распространены соблюдение поста — уразы, обереги от различных духов (джин, пери и др.), вера в «сглаз», почитание «святых мест» и паломничество к ним, особенно в дни религиозных праздников, в частности курбан-байрама. За последние годы паломничество к «святых местам» — мазарам, гробницам и др. — с принесением в жертву скота и раздачей различных пожертвований заметно сократилось, однако оно все же привлекает еще много стариков и старух. Еще бывают случаи, когда носителями пережитков прошлого, и в частности феодально-байского отношения к женщине, являются наряду со стариками даже образованные и нестарые люди — некоторые педагоги, студенты, руководители колхозов и бригад, т. е. те люди, которые призваны своим поведением показывать пример не только на производстве и в общественной жизни, но и в своем семейном быту.

Встречающееся еще отставание в развитии семейных отношений, культуры и быта сельского населения Туркменистана от современной экономики обусловлено цепкостью старых традиций.

Живучесть пережитков прошлого объясняется, на наш взгляд, не только слабостью атеистической работы или нежеланием молодежи, сельской интеллигенции и колхозного актива огорчить родственников преклонного возраста, но и бытованием ошибочных взглядов и суждений о том, что в связи с повышением культурного уровня населения многие из пережитков и верований постепенно сами собой отойдут в область прошлого и поэтому нет особой необходимости с ними бороться.

Однако процесс преодоления этого отставания и всякого рода пережитков в сознании людей является сложным и длительным. Это не раз отмечалось на пленумах ЦК КП Туркменистана и на сессиях Верховного Совета республики. Так, Верховный Совет Туркменской ССР в своем Постановлении от 23 июня 1966 г. потребовал усилить борьбу за новый быт, за преодоление пережитков прошлого среди сельского населения, особенно феодально-байских пережитков по отношению к женщине, являющихся серьезным тормозом ее политического роста, препятствием к активному участию в общественной жизни¹⁷.

¹⁷ «Туркменская искра» от 29 июня 1966 г.

Пережитки прошлого нередко проявляются «незаметно» и некоторым колхозникам-туркменам и даже сельской интеллигенции кажутся безобидными. Назовем в качестве примера сохранение обычая ношения яшмака — «платка молчания» многими туркменками в районах Копет-Дага, а также ношения различных амулетов — оберегов. В отдельных районах можно также наблюдать, что мужчины довольно часто посещают кино, театры и другие общественные места, в то время как их жены, дочери и сестры остаются дома.

Постоянная борьба за новый быт, за преодоление всякого рода пережитков прошлого среди сельского населения является неотъемлемой частью работы по претворению в жизнь решений XXIII съезда КПСС. Успешное проведение научно-атеистической работы во многом зависит от сознательности широкой советско-партийной и комсомольской общности. «Чем выше сознательность членов общества, — говорится в Программе КПСС, — тем полнее и шире разворачивается их творческая активность в создании материально-технической базы коммунизма, в развитии коммунистических форм труда и новых отношений между людьми»¹⁸. Современный социалистический уклад жизни сельского населения Туркменистана и всего Советского Союза, успехи в труде, росте культуры, широкое проникновение достижений современной науки в быт являются основой не только преодоления пережитков прошлого и некоторого отставания психологии людей от прогресса современной экономики, но и «дальнейшего существенного подъема материального и культурного уровня жизни народа», — говорится в резолюции XXIII съезда КПСС по отчетному докладу Центрального Комитета КПСС¹⁹.

SUMMARY

The big, undivided family prevailed among all Turkmen tribes nearly till the end of the XIX century. This family was based on near kinship, common economy and land ownership. The head of the family had unlimited authority. The small individual family which has superseded this big family retained many patriarchal features almost up to the nineteen twenties.

The great rise in the economy and culture of the Turkmens achieved in the years of socialist construction has led to basic changes not only in the form, size, and structure of the family of kolkhoz members but to a transformation of family life; this is now based on equality and amity among all its members.

Under the influence of new social relations, cultural growth, emancipation of the Turkmen woman, the cycle of marriage ritual has substantially changed; komsomol weddings and ethnically mixed marriages have become common.

The education of children in the Turkmen family is also widely different from what it was. The parents now bring up their boys and girls equally. They spend a considerable part of their family budget on special children's food, clothes, books and toys.

The new non-religious rituals, new progressive traditions and celebrations are becoming more and more widespread from year to year. They help to educate socialist consciousness and serve to cement friendship between different nationalities.

¹⁸ «Материалы XXII съезда КПСС», М., 1961, стр. 408.

¹⁹ «Известия» от 9 апреля 1966 г.

Р. С. Липец

К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ БЫЛИН

(ГОРОД В РУССКОМ ЭПОСЕ)¹

Русский эпос, как и эпосы других народов, типологически сходные с ним, обычно связан с городами — укрепленными пунктами и центрами княжеств (понимая последний термин широко).

В большинстве русских былин место действия, многие ситуации, характер общественных отношений, отдельные мотивы и целые сюжеты урбанистичны. Это не случайно. Ведь и сам эпос складывается в своем классическом, развитом виде в период становления раннеклассового общества. Замена древних родо-племенных связей территориальными идет в этот период наиболее интенсивно, и кульминацией этого процесса становится возникновение городов, где сливается пришлое население, вырабатывается смешанный говор, сплавляется сложная культура из местных этнических элементов и отдельных черт культуры народов других государств, с которыми налаживаются уже довольно тесные и, главное, постоянные связи.

Город — один из основных признаков образования государственности. М. Н. Тихомиров, заслуга которого в изучении городской, урбанистической культуры Древней Руси особенно велика, писал: «...Наличие государства само по себе говорит уже о зарождении городов как укрепленных административных пунктов», качественно отличных «от городка родо-племенного времени», и именно поэтому в Киевской Руси развитие городской жизни падает на «переломное время» — IX—X столетия. Высокая культура Киевской Руси, утверждал он, не может быть понята без учета ее городского характера, общественные отношения — без учета «городского строя»², более глубоко и повсеместно развитого на Руси, чем это представляется обычно. При характеристике жизни и бытовой обстановки в городах Киевской Руси М. Н. Тихомиров последовательно опирается и на русские былины.

Не следует только представлять себе древнерусский город каким-то искусственным образованием, чуждым народной жизни. Едва ли нужно доказывать теперь, что культура Киевской Руси генетически связана с культурой автохтонного населения страны, что именно богатства Руси привлекали в ее города иноземцев.

¹ В тексте статьи ссылки на сборники былин даны в следующем условном сокращении: Аст.— «Былины в записях и пересказах XVII—XVIII веков». Издание подготовили А. М. Астахова, В. В. Митрофанова, М. О. Скрипиль, М.—Л., 1960; БПК — «Былины Пудожского края», Петрозаводск, 1941; Г.— «Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г.», т. I—III, М.—Л., 1938—1951; Гул.— «Былины и песни Южной Сибири. Собрание С. И. Гуляева», Новосибирск, 1952; КД — «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым», М.—Л., 1958; Р.— «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым», т. 1, М., 1909; т. 2, М., 1910; Т.—М.— «Русские былины старой и новой записи». Под ред. акад. Н. С. Тихонравова и проф. В. Ф. Миллера, М., 1894; Шуб — Т. А. Шуб, Былины русских старожилов низовьев реки Индыгирки, «Русский фольклор. Материалы и исследования», т. I, М.—Л., 1956. Римские цифры в скобках означают том, арабские — страницу.

² М. Н. Тихомиров, Древнерусские города, М., 1956, стр. 11, 28, 437 и др.

Большинство советских исследователей признает, что Русь былин — это Русь домонгольская, притом периода «империи Рюриковичей», а не более позднего периода феодальной раздробленности, яркое доказательство чего — объединение приезжих богатырей вокруг эпического Владимира Святославича в «стольном» городе Киеве и бытовая обстановка былин. Без учета же конкретной исторической обстановки в былинах становится легко произвольно перебрасывать их то па тысячелетия назад, то в XVII век.

Русский героический эпос создавался, конечно, на основе тысячелетий развития устного народного творчества, черпая оттуда и сюжеты в их общей схеме, и художественные образы, и приемы, но как жанр он мог сложиться только к концу I тысячелетия н. э. Основная методологическая опасность при изучении былин заключается как раз в подмене анализа их как жанра анализом архаических прасюжетов, использованных и модернизированных эпосом, и традиционных элементов поэтики, которые существуют в нем наряду со многими другими компонентами (в том числе и с древнерусскими литературными источниками).

Древняя Русь — «страна городов», Гардарика скандинавских саг. Число этих городов бурно увеличивалось; в письменных источниках в IX—X вв. их упоминается свыше двух десятков, а в XI в. — уже около сотни, в конце XII в. — свыше двухсот, в начале XIII в. их около трехсот³. А между тем былины — высшее творческое достижение Древней Руси в области фольклора — ученые XIX — начала XX в. нередко связывали, вопреки содержанию и оформлению русского эпоса, с «глухими» деревнями. Городское происхождение былин ни в коей мере ведь не снимает того, что выражали они общенародные идеалы и интересы, что их эстетическая основа покоится на глубоких народных традициях.

* * *

При современном уровне исторических знаний о Древней Руси, и особенно благодаря подъему археологии, невозможно, изучая былины, игнорировать ее богатую городскую культуру. Взгляд на былины многих ученых XIX — начала XX в. как на почти исключительно крестьянское творчество базировался на устаревших в наши дни представлениях о целиком аграрном (и даже по преимуществу присваивающем) хозяйстве Киевской Руси и о низком уровне ее культуры. Немалую роль в формировании этого взгляда сыграли славянофильские, а затем и народнические традиции, оказавшиеся чрезвычайно цепкими в фольклористике.

Однако в дореволюционной русской фольклористике, несмотря на последовательную архаизацию былин большинством ученых, настойчиво повторялась мысль о городском, урбанистическом характере жанра былин.

До недавнего времени яркие слова В. Ф. Миллера о городской природе русских былин приводились лишь как один из пунктов обличения его якобы целиком ошибочных взглядов: «Слагались песни ...там, где был спрос на них, там, где пульс жизни бился сильнее... в богатых городах, где жизнь шла привольнее и веселее», поэтому «песенными центрами» были Киев, Новгород, а также, вероятно, Чернигов и Переяславль⁴.

Между тем здравый смысл заставлял многих исследователей самых различных направлений видеть городскую специфику эпоса. О создании

³ См. М. Н. Тихомиров, Указ. раб., стр. 12, 36, 39, 42.

⁴ В. Ф. Миллер, Очерки русской народной словесности, т. III, М.—Л., 1924, стр. 28.

былин в городах и о городской стихии в русском эпосе писали Н. Д. Квашнин-Самарин⁵, А. А. Котляревский⁶, А. Н. Веселовский⁷.

Четче всех высказал эту мысль И. Е. Забелин: «Нам кажется, что древняя былина вообще есть истинный свидетель и достоверная летопись о том именно времени, когда доисторическая русская жизнь, сложившись в независимое друг от друга городство, проходила этот своеобразный путь развития... По всему видимо, что былины воспевают именно быт нашего доисторического городства, быт первородного русского города, который сам олицетворен в образе стольного и ласкового князя Владимира»⁸.

В советское время городская специфика былины была наиболее ярко выявлена в трудах Б. А. Рыбакова и М. Н. Тихомирова.

М. Н. Тихомиров показывает, как в былинах утверждается объединительная роль Киева в создании русской «империи Рюриковичей», громадное культурное значение Новгорода, древняя политическая самостоятельность Чернигова, изощренность культуры Галича, былая слава Суздаля и других городов; как отражены в былинах борьба за «городские вольности», размах заморской торговли, особенности материальной культуры. Говоря об архитектурном искусстве при Владимире I и о восхищении современников «богатством и убранством» этих «красных» (красивых, прекрасных) построек, М. Н. Тихомиров отмечает, что именно тогда, когда создавалась в конце X—начале XI в. русская государственность, «произошли какие-то крупные сдвиги в развитии Киева, расширилась его территория, увеличилось население, появились каменные постройки, группировавшиеся вокруг Десятинной церкви, предположительно — дворцовые строения», в которых археологи видят остатки гридниц. «Недаром в былинах так часто встречаем, пишет М. Н. Тихомиров, — упоминание о светлой гриднице, где расхаживает князь Владимир Красное Солнышко со своими могучими богатырями»⁹.

Б. А. Рыбаков не только посвятил былинам, изучаемым им в историческом аспекте, значительную часть своего фундаментального труда «Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи», но обратился к ним и в ряде других крупных исследований — «Древности Чернигова», «Ремесло Древней Руси» и пр. Исследователь находит в былинах множество аналогий ситуациям, явлениям, бытовой обстановке жизни Древней Руси. Произвольность отнесения еще в начале нашего века былин к различным периодам русской истории он объясняет тем, что при состоянии

⁵ См. Н. Д. Квашнин-Самарин, Русские былины в историко-географическом отношении, «Беседа», М., 1871, кн. 4, стр. 80.

⁶ А. А. Котляревский, Сказания о русских богатырях, Соч., СПб., 1889, т. I, стр. 103.

⁷ А. Н. Веселовский, возражая М. Г. Халанскому, который прикреплял былинну с Дюке по бытовой обстановке, отраженной в ней, к московскому периоду русской истории, писал: «У нас есть сведения о великолепии Десятинной церкви в Киеве, о Киеве как одном из главных украшений «Греции» (Адам Бременский) с 400-ми церквями и 8-ю рынками (Титмар Мерзебургский), городе богатом, производившем именно такое впечатление на внука Чингисхана, посланного для его осмотра ханом Угедеем в 1239 году». В стиле «Дюковых убранства и построек», — писал он далее, — отразилась пора его жизненности на юге (т. е. в Киевской Руси. — Р. Л.), а не переживание его в XVI веке». (См.: А. Н. Веселовский, Русский эпос и новые его исследователи, «Вестник Европы», 1888, т. IV, кн. 7-я, стр. 158). Следует, конечно, оговорить, что сообщения средневековых хронистов содержат гиперболизацию, но показательно, что хронисты примерно так же описывали прославленные города прибалтийских славян и, значит, считали Киев стоящим с ними на одном уровне. Ходячее представление о большом культурном разрыве между прибалтийскими и восточными славянами опровергается, таким образом, первоисточниками.

⁸ И. Е. Забелин, История русской жизни с древнейших времен, ч. I, М., 1876, стр. 576.

⁹ М. Н. Тихомиров, Указ. раб., стр. 259, 289.

археологии в дореволюционной России, несмотря на большие достижения этой науки в отдельных отраслях, даже наиболее эрудированные исследователи фольклора не имели достаточного материала для сопоставлений; особенно же слабо изученной оставалась археология русских городов домонгольского периода, а в связи с этим и их роль в развитии древнерусской культуры.

Полемизируя с С. К. Шамбинаго, видевшим в былинах отражение только культуры Московской Руси XVI—XVII вв., Б. А. Рыбаков пишет: «Те соответствия былинных описаний реальной московской архитектуры XVI—XVII вв., которые установил в свое время С. К. Шамбинаго, на самом деле свидетельствуют лишь о том, что тогда, шестьдесят лет тому назад, историки еще очень плохо представляли себе архитектуру XI—XII вв. Мы теперь знаем, что в Киевской Руси были каменные и деревянные дворцы, гридницы, златоверхие терема, великолепные резные колонны, высокие неприступные башни и изукрашенные белокаменным узорочьем храмы. Мы знаем и роскошные одежды..., изобильно оснащенные золотом, финифтью и скатым жемчугом. Ни одна из бытовых деталей... не выходит за хронологические пределы Киевской Руси»¹⁰.

* * *

Основное ядро былин содержит воинские сюжеты, и соответственно действие в них происходит в значительной части на заставах — в пограничных со степью укреплениях и в «чистом поле», но возвращаются богатыри в Киев, а нередко и выезжают оттуда на свои подвиги.

Во многих же киевских былинах (о ссоре Ильи Муромца с князем Владимиром, о Хотене, о Соловье Будимировиче и др.) и в новгородских былинах (о Василии Буслаевиче, Садко, госте Терentyище) действие протекает только в городе. Новгородские былины слагались на другом конце пути «из варяг в греки», но также в крупнейшем древнерусском городе, куда киевские князья имели обыкновение посылать на княжение своих сыновей, позднее нередко оказывавшихся на «златом столе» в самом Киеве.

Центры городской жизни Древней Руси — Киев и Новгород прославляются и воспеваются в былинах. Красота Киева, роскошь его убранства и высокая культура привлекают приезжих. О нем «идет слава великая» «по всем землям» (Р., 2, 208) и даже «в далеке-далече чистом поле» (Р., 2, 318):

А приехал посмотреть вашего города.
Скажут, ваш город на красы стоит, на угожестве,
Скажут, солнышко Владимир князь богато живет.
(Р., 2, 195)

Мать Дюка, стремящегося поехать в Киев, хотя бы и без ее благословения, предупреждает его об опасностях, подстерегающих приезжего в большом городе, движение в котором и неисчислимый людской поток даны через образ текучей воды в полноводной реке:

Ведь много во Волхови воды течёт,
А много во Киеве людей живёт.
(БПК, 401)

Огромные размеры города с его сложной планировкой, может быть, отразились в метании матери Софьи, в поисках зелья для дочери и ее возлюбленного: «Закидалась, забросалась по Кий городам» (БПК, 455).

На первый план при описании городов в былинах выступает «стена городовая», делающая его «крепким» для врагов, с «наугольными»

¹⁰ Б. А. Рыбаков, Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи, М., 1963, стр. 125—126.

башнями, с запертыми и охраняемыми стражей воротами. Древнерусский город в эпосе — прежде всего крепость, и за его стенами — и княжий двор, и святыни, и дружина князя. Там сосредоточена и вся дипломатическая жизнь.

Ставер «похваляется» на пиру у Владимира в первую очередь не роскошью своего феодального двора «на семи верстах», а тем, что тот «крепче города Киева», и говорит:

Что это за крепость по Киеве
У великова князя Владимира?
У меня-де, Ставра-боярина,
Широкой двор не хуже города Киева.
(КД, 90)

В другом варианте:

А что это за ограда во Киеве
У ласкового князя у Владимира?
(Т.— М., 197—198)

Эта опасная похвальба, возможно, отчасти и приводила в развитии сюжета к заточению Ставра, соединившись далее с общефольклорным мотивом о мудрой жене, выручающей мужа.

Ворота «городовых» стен — символ их неприступности — играют в эпосе заметную роль:

Ворота у города железны,
Крючки-засовы все медные.
(КД, 43)

В одном варианте упомянуты даже знаменитые Золотые ворота Киева (Р., 1, 433).

Богатырям обычно удается проникнуть в Киев или преодолев сопротивление стражи — «приворотников» и «придверников», или перескочив на своем чудесном коне через стену. Так же поступают и дерзкие послы враждебных государств. В своеобразном пудожском варианте былины о Ставре, записанном от 90-летнего сказителя Родина, мнимый посол — жена Ставра — как бы берет приступом горд:

Подъезжает она ко Киеву —
Ворота все призаперты.
Она сошла со добра коня
И ударила кулаком богатырским
И заехала она во Киев-град
Ко солнышку князю Владимиру;
Вошла она во гредни столовые.
(БПК, 413)

Недаром древнерусское речение «отворити ворота» было синонимом сдачи города.

Большое место уделено в былинах торгу — центру посада в древнерусских городах. Особенно это сказалось в былине о Садко: с торгом связана формула, в которой Садко выразил свое бессилие перед мощью новгородских купеческих корпораций, товары которых ему так и не удалось купить на торгу:

А й как лучше пусть не я да богатею,
...А й как пусть побогатеет меня славный Новгород.
(Г., 1, 648)

По былинам, на торгу можно совершать самые различные сделки: продать в рабство беспутного сына замсрским купцам (былина об Иване Гостином сыне) и купить «сердечный гвоздь» (Р., 2, 67) для казни Потяка; наполнить драгоценным грузом — начиная с бочек жемчуга — трюмы судов и в «темном ряду» купить глиняные горшки (КД, 189), а

в «червленом ряду» запастись свинчатой палицей, как это сделали скорохи (былина о госте Терентьище, КД, 19).

Наиболее полно отражена в эпосе заморская торговля Руси. В былинах о Соловье Будимировиче, Глебе Володьевиче, Садко-богатом госте показано оживление на речных и морских пристанях, где теснятся суда, украшенные резьбой и росписью, со сложной снастью и бело-снежными парусами. Описаны морские караваны в открытом море, гостиные дворы, полные товаров и золотой казны.

«Гости», т. е. купцы, ведшие торговлю с иноземными странами, а частично — иноземцы, приходившие на Русь из этих стран, — постоянные участники княжеских пиров в былинах. Вспомним, что Владимир Мономах в своем «Поучении» особенно настаивал на необходимости ласкового обращения с этими «гостями», разносящими по всем землям добрую или худую славу о князе (и пополняющими, конечно, его сокровищницу). Былины пестрят названиями иноземных стран и городов: «земли Лабской» (прибалтийского Поморья с рекой Лабой?), Леденца (Венеции?), Царя-града, Ерусалима и др., а также морей — Хвалынского (Каспийского), Вирянского (Балтийского) и др. «Гости» были одной из самых подвижных частей населения Руси и невольно служили проводниками на Русь культуры Востока и Запада (как и культуры Руси в чужих странах). Знакомство с этой иноземной культурой явственно и многообразно выступает в эпосе; не случайно и узоры на заморской ткани — камке, и «тѣнцы» — мелодии гуслиаров-виртуозов, по былинам, связаны с далекими странами и городами, а на ювелирных изделиях в былинах — излюбленный восточный орнамент: львы, чудовищные звери и т. п.

«Посадские мужики», «посадские люди» — в числе эпизодических, безымянных, но зачастую упоминаемых лиц в былинах (см.: КД, 60, 187). Действуют они организованно и нередко настроены оппозиционно к социальным верхам. Так, они противостоят Василию Буслаевичу; для них должен также «доспеть» обед Садко, чтобы быть принятым в Новгороде.

Вообще, надо полагать, что былины слагались и бытовали в прогрессивных и довольно широких слоях населения, горожан в первую очередь. Это сказывается в насмешках над феодальной знатю — «князьями-боярами» и борьбе с ними любимцев эпоса — богатырей, в двойственном, критическом отношении к князю Владимиру его дружинников и пр. Отражено в былинах и возмущение народных масс ростовщицеством, приводившее к ряду восстаний в XI—XII вв. Так, Ставер хвалится тем, что у него «золота казна не держитца», так как он дает деньги в рост (Аст., 229). Чесова вдова в былине о Хотене, закабалившая множество должников, терпит полное поражение от Хотена, сватовством которого к дочери она оскорблена, так как он «роду нищегого, кошельчата» (Р., 2, 15). Хотен заставляет затем Чесову вдову вернуть кабальные записи ее «подневольным» людям, высланным было против него:

Неси, вдова, записи закладные,
По которым золота казна роздѣвана!
(Г, III, 449—450)

Явно звучит сочувствие городским низам в знаменитых эпизодах былин, где Илья Муромец выступает предводителем «голей». Б. А. Рыбаков в своих работах связывает эти эпизоды с киевским восстанием 1068 г.¹¹ Справедливо полагать, что классовая борьба была весьма

¹¹ Б. А. Рыбаков, Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи, стр. 93, 351 и др.

остра и в домонгольской Руси и незачем относить эти эпические сцены к XVII в. Конечно, некоторые наслоения на древние былины могли иметь место; позднее свое прозвище «старого казака» в отдельных текстах Илья Муромец получил именно тогда.

Герои ряда других былин — Дунай, Иван Годинович, даже молодой Добрыня — слуги, зависимые люди. Некоторые богатыри — потенциальные холопы, так как они закладывают свою «голову» (обычно, свободу, а не жизнь, как это иногда трактуется) при всяких спорах и состязаниях. Не случайно брак с таким женихом отпугивает невесту и возмущает ее привилегированную родню: «За Иваном быть — холопкой слыть» (КД, 103), — говорят невесте Ивана Годиновича. Король, решивший было простить разгневавшего его Дуная, бывшего ему некогда верным слугой, все же заточает его узнав о предполагаемом браке с Дунаем своей дочери.

Между тем все эти герои — дружинники, близкие к князю; но дружина тогда была уже сильно дифференцирована в социальном отношении. В ряды защитников Новгорода, Киева, Чернигова и других городов, как и «застав» — укрепленных пограничных черт, вливались все новые и новые массы переселенцев и беглецов со всей Руси, в том числе и смердов.

Конечно, симпатии и интересы именно «молодшей дружины», в мирное время несшей и хозяйственные обязанности, отражены в какой-то мере в эпосе, как это неоднократно отмечалось исследователями, в особенности подробно А. В. Марковым; в наши дни эта мысль глубоко аргументирована на основе археологических и исторических изысканий Б. А. Рыбаковым в его работах¹².

* * *

Наиболее ярко, может быть, сказался городской строй в эпосе при описании общественных пиров: у князя Владимира (включая сюда отчасти и известное описание «пиров Владимировых» в «Повести временных лет» под 996 годом, в основе которого, видимо, лежит также эпическое предание) и пиров городских братчин в былинах о Садко и Василье Буслаевиче.

Корпоративный характер пиров городских братчин в новгородских былинах ясен (запрет приходить незванным, «ссыпь» — доля складчины для пира или, возможно, взнос за право состоять в этой корпорации, новгородские «настоятели» — распорядители на пиру). Пирьы Владимира в исторической действительности, как можно судить по летописи, отражали сложные взаимоотношения князя с городской общиной. Кроме его ближних советников и дружины, непосредственно в гриднице пиროвали и совещались с ним и представители городского самоуправления — «старцы градские», «сотские» и «десятские», а для остального населения Киева отводился двор, где раздавались угощение и деньги, так как расположением рядовых киевлян князь тоже должен был дорожить.

При относительной слабости государственной власти на Руси в X—XI вв. князь не случайно стремился опереться на древние общинные институты, но в Киеве он имел дело уже с городской общиной. Его пиры имитировали всенародное празднество, тогда как значительная социальная дифференциация не давала уже возможности организовывать эти пиры по-прежнему¹³.

¹² А. В. Марков, Бытовые черты русских былин, М., 1904, стр. 46—55; Б. А. Рыбаков, Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи, стр. 57, 58, 72 и др.

¹³ Такое же сужение состава пирующих проследил для Эллады Ю. А. Андреев в статье «Мужские союзы в поэмах Гомера», доказывая, что форма всенародных

Тонко выявил своеобразный характер становления городской жизни Л. Нидерле, несмотря на известные преувеличения. Проследив различные пути и причины образования городских поселений, он старается показать, что территориальные, «политико-экономические городские области» были еще в то время на Руси в известной мере и «племенными объединениями» с еще реальными компонентами родо-племенного строя. «Я не думаю,— писал он,— что уже в X веке идея рода и кровного союза „замутилась“ так сильно»¹⁴.

По сравнению с летописными пирами Владимира с их противоречивостью, в эпосе пиры упрощены. Сказители, сохранив в большинстве текстов былин близкий к летописи состав гостей — богатырей и «князей-бояр», из городского населения вводят довольно часто «гостей торговых», реже — «мужиков посадских», а также крестьян под различными наименованиями, т. е. пир действительно становится всесловным, причем все пируют в самой гриднице. Особенно разнообразен состав гостей у сказителей, склонных к импровизации, — у них появляются бурлаки, корабельщики, рыболовы и даже «сироты» — нищие, не говоря уже о вовсе случайных персонажах.

На пирах Владимира новое их содержание маскировалось в обветшалое одеяние прошлого и было данью еще сильным общинным традициям, почему князь и «пиры устави» по старому обычаю. Летописцы-монахи давали коллективистическим пережиткам на пирах объяснение в духе христианской морали: якобы на князя — недавнего язычника — благотворно повлияло чтение церковных книг о пользе «милостыни» для спасения души. Народный же эпос XIX—XX вв., сохранив в преобладающей массе вариантов ограниченный состав участников пира, в остальных создает утопическую картину подлинно всенародного пира, что удовлетворяло и у сказителей, и у их аудитории жажду социальной справедливости и равенства, будто бы возможных при сохранении господствующих классов. В их изложении пир Владимира Святославича стал сказочным пиром «на весь мир».

Исследователи эпоса XIX — начала XX в., желая показать русскую старину в идеализированном виде, а древнерусского князя — всесловным князем, упорно повторяли версию об «открытых настежь дверях» гридницы (О. Ф. Миллер), «неограниченном гостеприимстве» Владимира (Н. И. Костомаров) и т. п. Ученые, стоявшие на более реальных исторических позициях (Л. Н. Майков, А. В. Марков, В. Ф. Миллер и др.), не могли не заметить, что социальный состав пирующих в канонических былинах, как и в летописях, должен был быть довольно резко ограничен. Последняя точка зрения поддерживается и большинством советских исследователей.

* * *

Один из признаков сложения былин как жанра в городской среде — почти всеобщая грамотность их героев, широкое применение ими письменности. В русском эпосе идет оживленный обмен «грамотами скорописчатыми» — посольскими грамотами и частными письмами; «руку прикладывают» к письменным договорам: дипломатическим, по пово-

пиров представляла в то время уже арханзм (ВДИ, 1964, № 4, стр. 41). Отметим, кстати, что О. Ф. Миллер, архаяизируя общественные отношения в Киеве, забывал о городских общинах с их «братчинами» и утверждал, что «князь, в складчину (? — Р. Л.) угощающий в стольном Кieve... это князь того *былевого* строя, в котором и Киев-град являлся только большим прекрасным селом» («Илья Муромец и богатырство киевское»), СПб., 1869, стр. 565—566). «Селом» назван Киев у одного олонечского сказителя (Р., 2, 91, 104). Продолжая эту мысль, пришлось бы признать, что селом в эпосе был и Новгород с его «братчинами»!

¹⁴ Л. Нидерле, *Славянские древности*, М., 1956, стр. 154, 164.

ду пари — «закладов» на состязаниях, копят и уничтожают кабальные «записи». «Поруки держат», т. е. выступают в качестве поручителей при заключении договоров третьи лица и в случае невыгодности договора одной из сторон его не так-то легко аннулировать:

Пробы поруки крепкия,
Записи все изодранья!

объявляет князь Владимир, но поручитель захватывает заложенные ко рабли на Непре-реке и прибавляет: «А князи-де и бояра никуда от нас не уйдут» (КД, 51—52).

В былинах упоминаются школы, куда с семилетнего возраста отда- ют учиться будущего героя («грамота ему в наук пошла», КД, 59), зна- ние «четья-петья церковного» требуется даже от невесты князя, т. е. грамотны и женщины. Богатырь, заключенный в «погреб» — темницу (Илья Муромец, в отдельных вариантах — Дунай), где он проводит иногда долгие годы, забытый князем, читает при свече книгу.

В былинах есть и многочисленные надписи на предметах, так хоро- шо известные по археологическим находкам эпохи домонгольской Руси. В былинах это надписи на дорожных камнях, на шатрах, стрелах, ча- шах, как и на знаменитой чаше XII в. черниговского князя Владимира Давыдовича. Надпись на чаре входит в сюжет былины о ссоре двух богатырей — Добрыни и Дуная, так как на этой чаре, «котора она сто- ила во петьсот рублей», вместо обычных в Древней Руси благопожела- ний на сосудах, содержится грозный запрет пить из нее (нарушенный возмущенным Добрыней):

А на цярочки страстемн потписано,
Со великими угрозами подрезано.
(Гр., III, 104—105).

При этом любой богатырь, который «наехал» в поле на такие «подрезы» на камне или шатре, свободно читает их. Алеша Попович в одном ва- рианте читает сам надпись на камне, слезая для этого с коня (Гул., 102), а в другом — поручает ее чтение своему «паробку» Екиму Ивановичу — «в грамоте поученному человеку» (КД, 126).

* * *

Не рассматривая детально отражение отдельных областей матери- альной и духовной культуры Древней Руси в былинах, напомним лишь, что жилища в них — гридница, палаты (часто «белокаменные»), терема, сени — отличаются сложной развитой архитектурой и большими разме- рами, разнообразным и богатым декором, что характерно для города.

Сказочная роскошь индийского города передана в образе сияющих золотых кровель, зарево от которых над городом прибывшие иноземцы принимают за пожар. Но и сам Киев в былинах украшен такими же «златоверхими» зданиями.

Полы в этих зданиях — металлические («пол-середа одново серебра», КД, 91) или «кирпищатые» (видимо, керамические, из майоликовых пли- ток); стены расписаны, убраны мехами. Мебель — из дуба, с инкруста- циями из резного «рыбьего зуба» (как называли в Древней Руси мор- жовые и мамонтовые клыки) или «слоновъх костей»; она «потянута» рытым бархатом и пр. Гридница в былинах — «светлая», т. е. с больши- ми оконными проемами, к тому же застекленная; постоянно упомина- ются «стекольчатые оконенки». Круглые стеклянные линзы с закраина- ми, найденные в Киеве и других городах, были роскошью даже в горо- дах Руси. С уверенностью можно сказать, что в деревнях X—XII вв. оконных стекол еще не знали.

Привозные ткани, которые «на злате и серебре не погнутся» (КД, 11), аксамит, камку и др., употребляли только в городах. В городах изготовляли и такую роскошную одежду, какая описана в былинах: «немного на ней шелку: вся в серебре», или «в красном золоте», «в скатном жемчуге», «вся в камнях драгоценных» (Р., 2, 650—651).

Ювелирные украшения, металлическая пиршественная утварь, вооружение из драгоценных металлов и лучшей стали, упоминаемые в былинах, могли быть сделаны только искусными руками городских ремесленников; едва ли в этом можно видеть лишь эпическую идеализацию повседневного быта.

Конечно, всегда могут возразить, что былина — художественное произведение, и поэтому в ее оформлении действуют свои тенденции: гиперболизации, идеализации, хронологического смещения. Чтобы избежать произвольных выводов, следует, по нашему мнению, исходить при анализе былин из определенной установки: те или иные реалии могут считаться истинными, исторически конкретными для былин, если им находят аналогии в домонгольской Руси, хотя бы они бытовали и позднее; рассматривать их надо в комплексе с другими явлениями и ситуациями древнерусской социальной жизни, отраженными в былинах (например, в былине о Дюке — значение Галича как культурного центра, летописное описание конских ристаний под 1150 г.); главное же — учитывать общую идейную направленность былины (например, роль Киева как центра Русского государства, двойственный характер ранних взаимоотношений с кочевниками — то врагами, то союзниками).

Характерно, что А. П. Скафтымов, подчеркивая «идеализирующую тенденцию» в эпосе и то, что «бытовая историческая документация» отдельных черт в нем может быть сделана лишь с учетом этой тенденции, тут же делает существенную оговорку: «Конечно, идеальные представления откуда-то тоже должны были возникнуть..., поэтому раскрытие источников таких представлений способно во многом осветить бытовую реальную почву, на которой создавалась былина»¹⁵.

Нельзя не отметить, что форма самих былин очень изощрена и сложна; она стоит на одном уровне с городским ювелирным, архитектурным, живописным, литературным искусством домонгольской Руси, явно неся отпечаток высокого профессионального мастерства.

Мысль В. Ф. Миллера о профессионализме сказителей былин, обслуживавших и феодальные круги¹⁶, в настоящее время подтверждается аналогиями в других областях культуры. При становлении государственности в Древней Руси в X—XII вв., как это единогласно признается историками и археологами, так обстояло дело со всеми мастерами — ювелирами, зодчими и др., а не только со сказителями.

Вероятно, новый жанр устного народного творчества мог распространяться в сельских местностях, входивших к тому же в городские округа, именно многочисленными «молодыми дружинниками», часть которых к тому же жила по селам, пока их не вызывали на военный сбор в Киев или другие города, бродячими скоморохами (за одного из которых признают Добрыню на пиру), гостебниками — разносчиками товаров и самими крестьянами, посещавшими, конечно, города, хотя бы те же рынки. Но и воин-поэт, и скоморох были выходцами из народных масс. Новый эпический жанр, сильно отличаясь от традиционной поэзии и обрядового фольклора сложностью и изысканностью формы, новизной многих образов и коллизий, сугубым историзмом (и в то же вре-

¹⁵ А. П. Скафтымов, Поэтика и генезис былин, Саратов, 1923, стр. 124.

¹⁶ В. Ф. Миллер, Очерки русской народной словесности, т. I, М., 1897, стр. 52—64 и др.

мя актуальностью, — например, борьба со степью), находил в сельской аудитории также горячий прием. Иначе он не сохранился бы именно в этой среде. Былины были таким же новшеством, как и те гордские изделия — оружие и украшения, по которым отличают погребения дружинников и их семей в сельских могильниках. Но все эти изделия, хотя и были городского происхождения, принадлежали ведь не феодалам, а рядовым дружинникам. Это были относительно дешевые массовые изделия городских ремесленников, работавших уже частично на рынок.

Как известно, былины сохранялись до XX в. главным образом у «черных» крестьян Севера, не знавших крепостного права, и у казаков, мигрировавших из разных мест, но отдельные записи получены из самых различных местностей России, и последнее обстоятельство наиболее интересно для истории бытования былин¹⁷. Несомненно все же, что основной массив былин — на Севере — располагался вдоль водных трактов, в прошлом оживленных и связывавших населенные пункты типа посадов и факторий, а не в «медвежьих углах».

Былины оставались близки русским средневековым крестьянским массам. В новых образах героев эпоса, действующих в пышной обстановке богатого города, крестьяне легко угадывали прототипы этих образов — своих исконных поэтических героев, генетически связанных нередко еще с тотемистическими представлениями: в Вольге — охотника-оборотня, в Садко — удачливого рыболова и музыканта-чародея, в Добрыне — борца с чудовищем и т. д. Элементы сельского быта, содержащиеся, конечно, в былинах, играют все же подчиненную, а не организующую роль в них. Большой вклад в национальный эпос был внесен видимо, на «заставах богатырских» ратниками пограничных укреплений и выявление этого вклада могло бы послужить темой специальных исследований в фольклористике.

С ростом городов к концу домонгольского периода городская культура, все более обильно проникая в сельские местности, должна была захватывать другие жанры фольклора, не только повествовательное и песенные, но и пословицы, загадки и даже заговоры. Городским влиянием в фольклоре открывалась широкая дорога, но именно былины из всех разделов фольклора оставались в наибольшей степени урбанистическими.

SUMMARY

In Russian epos the scene of action, elements of material culture, many situations, social relations, some motifs and whole themes are closely connected with urban life.

This is the result of the fact that epos in its classical form is developed during the period of formation of early class society, urbanization being one of the main traits of the emergence of the state.

The bylinas which are the highest creative achievement of folklore in Kiev Russia cannot be interpreted without taking into consideration the old Russian urban culture of X—XII centuries.

This does not deny that the deepest roots of Russian epos may be traced back to traditional oral folklore; from this treasury it has drawn protothemes, images and methods. But epos as a genre could be formed only by the end of the first millennium A. D. after incorporating of certain other components.

¹⁷ Картографирование мест записи былин (по современным нам данным), необходимость которого для изучения эпоса давно уже назрела, позволило бы, возможно, установить в какой-то мере и пути их распространения. Однако как раз в древнерусских городах, где сказывались некогда былины, уже много столетий их нет, и эти города все равно не попали бы на такие карты.

В. А. Дрёмов

**ДРЕВНЕЕ НАСЕЛЕНИЕ ЛЕСОСТЕПНОГО ПРИОБЬЯ
В ЭПОХУ БРОНЗЫ И ЖЕЛЕЗА
ПО ДАННЫМ ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИИ**

Археологическое изучение лесостепного Приобья значительно развернулось за последнее десятилетие. Исследованию памятников бронзы и железа и обсуждению связанных с ними проблем посвящены работы М. П. Грязнова, Н. Л. Членовой, В. И. Матюшенко, А. И. Мартынова, Т. Н. Троицкой, М. Ф. Косарева. Основной вывод всех исследователей сводится к тому, что на протяжении тысячелетий лесостепное Приобье было ареной взаимодействия различных групп древнего населения степного и таежного происхождения. При дальнейшей конкретизации этого основного положения между отдельными авторами возникают большие разногласия. Они касаются систематики археологических культур, их происхождения, характера и форм отношений племен лесного и степного круга в различные исторические эпохи.

Трудности при решении этногенетических вопросов осложнялись тем, что выводы строились до сих пор в основном только на археологических данных, поскольку антропологические материалы этого времени были крайне скудны, а к северу от Новосибирска вовсе не известны. Но по мере расширения археологических работ в Новосибирской, Томской и Кемеровской областях шло постепенное накопление антропологического материала. В настоящее время мы располагаем небольшой коллекцией черепов эпохи поздней бронзы и более многочисленными краниологическими сериями железного века¹. Эти материалы представляют большой интерес для выяснения этнической истории коренного населения Западной Сибири.

* * *

Черепя эпохи бронзы происходят из трех пунктов. Большинство получено из могильников XI—VIII вв. до н. э. у с. Еловка на левом берегу Оби, раскопанных в 1962—1966 гг. экспедицией Томского университета под руководством В. И. Матюшенко². Приблизительно в 60 км к югу от Еловки по берегу Оби у с. Красный Яр экспедиция Новосибирского педагогического института, возглавляемая Т. Н. Троицкой, в 1959—1960 гг. исследовала курганный могильник верхнеобской культуры, где было обнаружено несколько могил поздней бронзы, отнесенных к новосибирскому варианту карасукской культуры³. Наконец, небольшой антропологический материал доставлен в 1960 г. экспедицией Кемеровского педагогического института (руководитель А. И. Мартынов) из могильника эпохи поздней бронзы у с. Пьяново на р. Инь, правом притоке

¹ Все черепа хранятся в Кабинете антропологии Томского университета.

² Датировка устно сообщена В. И. Матюшенко.

³ Л. Кузькина, Памятники карасукской культуры на реке Уень, «Тезисы II научной студенческой конференции, Новосибирский ун-т», Новосибирск, 1964.

Оби⁴. Памятники бронзы на р. Ине А. И. Мартынов выделяет в особый инской вариант карасукской культуры⁵.

Таким образом, все черепа получены из могильников, расположенных на близкой территории и датируемых концом II — началом I тысячелетия до н. э. Распределение черепов по могильникам следующее:

	целые черепа м	(в скобках — фрагментарные) ж
Еловка	6 (5)	2 (3)
Красный Яр	(1)	1
Пьяново	2 (1)	(1)

Средние и некоторые индивидуальные размеры и указатели черепов бронзовой эпохи приведены в табл. 1, 2 и 4. Они имеют массивную, мезо-бахикранную средневысокую мозговую коробку. Преобладают овоидные

Таблица 1

Некоторые индивидуальные размеры и указатели мужских черепов эпохи бронзы из лесостепного Приобья

Место Инв. номер Шифр	Пьяново			Еловка					
	356	367	371	420	421	422	566	567	609
	7—2	2—3	2—2	ЕК 2—1	ЕК 3—2	ЕК 2—3	ЕК—II 68	ЕК—II 3—3	ЕК—II 23—6
1. Продольный диаметр	182	169	—	180	190	179	180	180	176
8. Поперечный диаметр	148	—	—	149	149	136	146	146	150
17. Высотный диаметр (ba—b)	135	122	—	137	133	136	134	130	—
9. Наименьшая ширина лба	100	95	93	96	102	97	92	101	101
32. Угол лба (n—m)	77	86	87	90	87	86	86	77	—
45. Скуловой диаметр	140	—	—	148?	141	—	142?	138	—
48. Верхняя высота лица	71	64	70	69	68	65	68	78	68
40:5. Указатель выступания лица	96,2	101,1	—	102,9	104,8	99,0	102,0	96,2	—
52:51. Орбитный указатель (от mf)	68,1	70,7	70,5	72,2	71,4	71,7	73,2	67,4	77,8
54. Ширина носа	24	24	22	22	25,5	23	23	26	24
54:55. Носовой указатель	46,2	55,8	44,0	44,0	51,0	46,9	50,0	49,1	50,0
DS:DC. Дакриальный указатель	83,3	50,0	67,0	51,9	55,6	58,1	58,1	84,9	47,3
SS:SC. Симотический указатель	77,6	58,8	63,3	57,1	42,2	49,3	58,8	93,3	43,2
75 (1). Угол выступания носа	28	34	20	33	21	31	10!	44!	21
77. Назомаллярный угол (fmo—n—fmo)	139	147	142	145	143	141	140	138	145,5
Зигмаксиллярный угол (zmn'—ss—zmn')	132,5	—	139,5	125,5	140	—	137,5	132	138,5
72. Общий угол лица	88	83	90	81	85	86?	85	91	—
74. Угол альвеолярной части лица	82	79	73	81	62	86?	73	91	—
Глубина клыковой ямки (в мм)	6,9	5,0	4,0	4,1	6,0	—	2,5	3,0	4,5

формы. Лоб средней ширины и на мужских черепах прямой. У трех женских черепов наклон лба оказался значительным. По сильному развитию надбровья черепа мало чем уступают афанасьевским и андроновским. Лицо широкое, но низкое. Орбиты угловатые и также очень низкие. Переносье значительно выступает. Угол носа в мужской группе колеблется от очень большого до очень малого, у трех женских черепов он состав-

⁴ Предварительная характеристика черепов Пьяновского могильника дана Н. С. Роговым и приведена в статье: А. И. Мартынов, Новый район карасукской культуры «Сов. археология», 1964, № 2.

⁵ Там же.

ляет 12, 20 и 10°. Горизонтальная уплощенность лица средняя. По общему углу лица мужские черепа ортогатны, но альвеолярный угол и указатель выступления лица в отдельных случаях сильно варьируют. Женские черепа характеризуются выраженной прогнатностью как по углам, так и по указателю.

Таблица 2

Некоторые индивидуальные размеры и указатели женских черепов эпохи бронзы из лесостепного Приобья

Место Инв. номер Шифр	Красный Яр	Еловка	
	389	604	607
	КЯ 16—1	ЕК—II 51—2	ЕК—II 51—6
1. Продольный диаметр	170	168	172
8. Поперечный диаметр	136	146	137
9. Наименьшая ширина лба	91	92	94
32. Угол лба (п—п)	80	78	81
Угол лба (gl—п)	69	73	72
Надбровье (1—6 по Мартину)	4	2	2
45. Скуловой диаметр	—	132	132
48. Верхняя высота лица	69	67	66
40:5. Указатель выступления лица	106,9 ²	105,1	107,1
52:51. Орбитный указатель (от mf)	75,0	76,2	79,6
54. Ширина носа	28	24	25
54:55. Носовой указатель	57,1	51,1	53,2
Форма нижнего края грушевидного отверстия	f. pr.	inf.	f. pr.
DS:DC. Дакриальный указатель	47,6	52,8	49,8
75 (1). Угол выступления носа	12 ²	20	10
77. Назомалярный угол (fmo—п—fmo)	147	146	140
Зигомаксиллярный угол (zm'—ss—zm')	—	129,5	130
72. Общий угол лица	76	77	79
73. Угол средней части лица	80	79	84
74. Угол альвеолярной части лица	57	72	67
Глубина клыковой ямки (в мм)	—	1,9	2,4

Рассмотренные признаки свидетельствуют о смешанности населения лесостепного Приобья в эпоху поздней бронзы, включавшего европеоидные и монголоидные элементы. Наряду с признаками, одинаково характерными для всех черепов (массивность, брахикrania, низкое лицо и др.), в некоторых случаях наблюдаются большие различия крайних вариантов, говорящие о том, что смешение еще не привело к возникновению однородного переходного антропологического типа. Из всей серии удаётся выделить отдельные черепа со скоплением европеоидных или монголоидных особенностей строения.

Согласно общепринятому представлению, лесная зона Западной Сибири была первоначально заселена представителями азиатского расового ствола. В степях Южной Сибири, начиная с неолита, отмечается европеоидное население. В пограничной полосе между лесом и степью уже в неолитическую эпоху происходило интенсивное смешение древних европеоидов и монголоидов⁶. Черепа поздней бронзы из лесостепного Приобья являются, следовательно, новым примером такого взаимодействия.

⁶ В. П. Алексеев, Палеоантропология Алтае-Саянского нагорья эпохи неолита и бронзы, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. LXXI, М., 1961; М. М. Герасимова, Неолитические погребения у Долгого озера (Канск), «Вопросы антропологии», вып. 18, 1964.

Сравнение черепов европеоидного облика с известными краниологическими сериями доказывает большое сходство с черепами палеоевропейского типа, представленного в сериях афанасьевской и андроновской эпох Южной Сибири и Казахстана⁷. Более точная диагностика на нескольких черепах затруднительна. Можно лишь указать, что в некоторых отношениях черепа стоят ближе к андроновским, чем к афанасьевским. Они имеют прямой лоб, низкие лицо и орбиты. В то же время черепа из лесостепного Приобья обладают такими особенностями строения, которые отличают их как от афанасьевцев, так и от андроновцев. Мозговая коробка их короче и ниже, лоб уже, горизонтальная уплощенность лица выражена сильнее. Причины этих отличий до конца не ясны, но можно предположить, что они являются результатом влияния таежных монголоидов. Примечательно, что близкое строение обнаруживают немногочисленные черепа афанасьевского и андроновского времени из с. Ордынского на верхней Оби, где также фиксируется монголоидная примесь⁸.

Определение места монголоидного компонента гораздо сложнее. Монголоидные и европеоидные черепа нашей серии наиболее отчетливо дифференцируются по трем угловым размерам: выступанию носа, зигмаксиллярному и альвеолярному углам. По назомаллярному углу, глубине клыковой ямки, выступанию переносья, высоте лица и орбит монголоидные черепа не отличаются от европеоидных. Таким образом, количество признаков, служащих в данном случае критерием для отнесения некоторых черепов к монголоидным, оказывается очень ограниченным. Поскольку краниологические материалы этого времени из таежной зоны Западной Сибири неизвестны, мы не имеем представления об антропологических особенностях лесного населения, а поэтому трудно сказать, является ли близость монголоидного компонента с европеоидным в лесостепном Приобье результатом их взаимного влияния, или смешение европеоидов и монголоидов происходило уже в таежной зоне в более раннее время, или, может быть, монголоидный компонент имел некоторые своеобразные черты, напоминающие европеоидные. Во всяком случае по отношению к высоте лица последнее решение может быть принято с большой долей вероятности. У трех черепов с очень слабым выступанием носа она дает типичную для андроновцев величину — 68 мм. Принимая во внимание многочисленные свидетельства о низколицести древних монголоидов Сибири в антропологической литературе⁹, следует, очевидно, признать, что монголоидные элементы, вошедшие в состав населения лесостепного Приобья, отличались небольшой высотой лица.

Другая особенность исходного монголоидного компонента, которая выявляется вполне определенно, заключается в значительном прогнатизме. Особенно ярко он представлен на женских черепах (табл. 2), где сочетается с широким носом и покатым лбом. Этот тип не чужд и мужским черепахам. Один из них (№ 421) имеет широкий нос (25,5 мм), альвеолярный угол 62° и указатель выступания лица 104,8. Перечисленный комплекс признаков уже неоднократно был отмечен на черепах из Ми-

⁷ Г. Ф. Дебец, Палеоантропология СССР, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. IV, М.—Л., 1948; В. В. Гинзбург, Древнее население восточных и центральных районов Казахской ССР по антропологическим данным, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. XXXIII, М., 1956; В. П. Алексеев, Указ. раб.

⁸ В. П. Алексеев, Указ. раб.

⁹ См. обзоры литературы в статьях: Н. С. Розов, Антропологические исследования коренного населения Западной Сибири, «Вопросы антропологии», вып. 6, 1961; В. П. Алексеев, Палеоантропология Хакасии эпохи железа, «Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР», вып. XX, 1961.

нусинской котловины и района Красноярска¹⁰. В. П. Алексеев считал возможным связать подобные черепа с проникновением представителей тропического расового ствола. Однако их широкое распространение и находки в лесостепном Приобье делают это предположение маловероятным. На наш взгляд, «негроидные» признаки, точно так же, как и малая высота лица, являлись особенностями таежного населения Западной Сибири, сохранявшего некоторые черты древнего недифференцированного расового типа¹¹.

Сопоставим результаты антропологического исследования с данными археологии. Согласно наиболее распространенному мнению, лесостепное Приобье во II тысячелетии до н. э. входило в обширную область андроновской культуры¹². С севера к андроновским племенам примыкала культура таежных охотников и металлургов, во многом продолжавшая традиции урало-сибирского неолита. В. И. Матющенко назвал ее томской культурой и определил район распространения в низовьях р. Томи и на прилегающем участке Оби¹³. Существует другая точка зрения. По мнению М. Ф. Косарева, таежная культура, называемая им самусьской, простиралась к северу от устья р. Томи. Южнее бытовала культура, испытывавшая некоторое влияние со стороны андроновской; на нее М. Ф. Косарев переносит название томской культуры. Собственно же андроновские племена не заходили севернее Новосибирска. В конце II тысячелетия до н. э. на территорию томской и самусьской культур, по М. Ф. Косареву, продвигаются племена с Иртыша, положившие начало еловской культуре¹⁴.

Не менее спорным остается вопрос о культурах лесостепного Приобья в эпоху поздней бронзы. Большое сходство материалов Томского могильника с карасукской культурой Минусинской котловины позволило в свое время С. В. Киселеву говорить о продвижении части карасукцев в низовья р. Томи¹⁵. М. П. Грязнов отрицает проникновение карасукского населения за пределы Минусинской котловины и считает, что культуры карасукского типа на Оби и Томи сложились на местной основе¹⁶. Самоприложение термина «карасукской» к культурам Алтая, Оби и Казахстана встречает сейчас большие возражения многих археологов¹⁷. За культурой лесостепного Приобья закрепилось предложенное

¹⁰ См. литературу в статье: В. П. Алексеев, Антропологический состав населения древней Индии, в сб.: «Индия в древности», М., 1964.

¹¹ См. Я. Я. Рогинский, Некоторые проблемы происхождения человека, «Сов. этнография», 1956, № 4.

¹² М. П. Грязнов, Древняя история племен верхней Оби, «Материалы и исследования по археологии СССР», № 48, М.—Л., 1956; Н. Л. Членова, О культурах бронзовой эпохи лесостепной зоны Западной Сибири, «Сов. археология», XXIII, 1955; Т. Н. Троицкая, Древняя история племен верхнего Приобья по материалам Новосибирской археологической экспедиции, «Тезисы докладов к X научной конференции, Новосибирский педагогический ин-т», Новосибирск, 1966.

¹³ В. И. Матющенко, Томская культура эпохи бронзы, «Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока», Новосибирск, 1961; его же, Датировка археологических памятников эпохи бронзы в низовьях р. Томи, «Труды Томского ун-та», т. 165, Томск, 1963.

¹⁴ М. Ф. Косарев, Бронзовый век лесного Обь — Иртышья, «Сов. археология», 1964, № 3; его же, Некоторые проблемы древней истории Обь — Иртышья, «Сов. археология», 1966, № 2.

¹⁵ С. В. Киселев, Древняя история Южной Сибири, М., 1951, стр. 149—150.

¹⁶ М. П. Грязнов, Некоторые вопросы истории сложения и развития ранних кочевых обществ Казахстана и Южной Сибири, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. XXIV, 1955; его же, Древняя история племен верхней Оби, стр. 41.

¹⁷ Н. Л. Членова, Указ. раб.; М. Ф. Косарев, О происхождении ирменской культуры, «Памятники каменного и бронзового века Евразии», М., 1964; С. С. Черников, Восточный Казахстан в эпоху бронзы, «Материалы и исследования по археологии СССР», № 88, М.—Л., 1960, стр. 107, 114.

Н. Л. Членовой название ирменской. Относительно ее происхождения существуют две точки зрения. По мнению Н. Л. Членовой, она является результатом взаимодействия андроновских и северных лесных племен. М. Ф. Косарев полагает, что ирменская культура возникла на основе еловской при участии переселившихся из Минусинской котловины карасукцев. Положение о продвижении карасукского населения в бассейн Оби нашло отражение также в диссертации А. И. Мартынова¹⁸.

Антропологический материал, имеющийся в нашем распоряжении, по времени и территории в основном соответствует еловской и ирменской культурам, причем еловским временем определенно датируются всего два полных женских черепа (№ 604, 607) и мужской череп без лицевой части (№ 608) из Еловки. Женские черепа характеризуются теми же «монголоидно-негроидными» признаками, что и третий женский череп из Красного Яра. Мозговая коробка мужского черепа еловского времени отличается от остальных лишь большой высотой (140 мм). Проследить различия еловских и ирменских черепов на этом материале не удастся.

Приведенная выше характеристика краниологической серии наиболее полно согласуется с точкой зрения Н. Л. Членовой о происхождении ирменской культуры. Несмотря на малочисленность черепов, они все же позволяют считать андроновский компонент одним из основных в антропологическом типе местного населения. Проникновение в Приобье карасукских племен не находит подтверждения в имеющемся антропологическом материале. Индивидуальное рассмотрение европеоидных черепов убеждает нас в отсутствии карасукского комплекса признаков.

В дополнение к антропологическому материалу рассмотрим еще одну любопытную находку, которая была сделана В. И. Матющенко на поселении Самусь IV на р. Томи. В одной из землянок обнаружена небольшая скульптурная головка человека из серого камня¹⁹. Она неоднократно была опубликована в работах В. И. Матющенко²⁰. Согласно В. И. Мошинской, такие скульптуры изображали предков²¹, т. е. конкретных представителей местного населения. Скульптура из поселения Самусь IV дает портрет человека европеоидного облика. Об этом свидетельствует длинное узкое лицо, высокий прямой нос с выступающим переносьем, выдающийся подбородок, широкий разрез глаз. Затылок имеет извилистый контур (волнистые волосы?).

Поселение Самусь IV В. И. Матющенко и М. Ф. Косарев относят к таежной культуре эпохи бронзы. В конце II тысячелетия до н. э. по археологическим данным прослеживается проникновение на север степных племен. Наряду с находками андроновской керамики на поселении Самусь IV свидетельством этого продвижения, очевидно, может служить скульптурное изображение человека.

* * *

В. И. Матющенко обратил внимание на то, что некоторые элементы духовной культуры древнего населения Приобья эпохи неолита и бронзы находят близкие аналогии в более позднее время и в культуре совре-

¹⁸ А. И. Мартынов, Обь — Чулымская лесостепь в эпоху бронзы и раннего железа, Автореф. дис., Новосибирск, 1963, стр. 13.

¹⁹ Музей истории материальной культуры Томского университета, № 6794—2628.

²⁰ В. И. Матющенко, К вопросу о бронзовом веке в низовьях р. Томи, «Советская археология», 1959, № 4; его же, Тайна курганов Томской земли, Томск, 1960; его же, Новые находки из низовьев реки Томи, «Краткие сообщения Ин-та археологии АН СССР», вып. 84, 1961; его же, Zur Kunst der alten Stämme an der Mündung des Tom, «Glaubenwelt und Folklore der sibirischen Völker», Budapest, 1963.

²¹ W. Moschinskaja, Über einige alte anthropomorphe Darstellungen aus Westsibirien, там же.

менных народностей Западной Сибири²². В работах М. Ф. Косарева эти сопоставления получили развернутую аргументацию²³. На основании данных археологии, этнографии и топонимики он связывает самусьскую культуру с древними уграми, продвижение еловских племен с Иртыша на Обь — с самодийцами, а карасукцев, переселившихся из Минусинской котловины, — с кетами. Население ирменской культуры, согласно М. Ф. Косареву, было смешанным самодийско-кетским, а примыкавшей к ней с севера молчановской культуры — самодийско-угорским.

Если присоединиться к широко распространенному мнению о кето-язычности карасукцев, то, поскольку переселение карасукских племен на Обь антропологическими материалами не подтверждается, должно быть отвергнуто и предположение о проникновении в Приобье в ирменское время кетов. Кстати, привлекаемые М. Ф. Косаревым данные лингвистики о кетских топонимах в Приобье также мало согласуются с его этногонической схемой. Ареал кетских топонимов²⁴ и территория ирменской культуры совпадают лишь в очень ограниченном томском районе, а широкое распространение кетских топонимов в Нарымском Приобье у М. Ф. Косарева не находит никакого объяснения. В остальном сопоставления, приводимые М. Ф. Косаревым, безотносительно к конкретным этническим процессам, представляют большой интерес. Они свидетельствуют о том, что основы материальной и духовной культуры современных народностей Приобья сложились уже в эпоху бронзы.

Археологические параллели не обязательно влекут за собой близость антропологического типа. Однако сравнение средних размеров ирменских черепов с поздними сериями Западной Сибири²⁵ показывает определенное сходство между ними. Оно проявляется в пропорциях мозговой коробки, а также в некоторых размерах лицевого скелета. Тем не менее хронологический разрыв между сравниваемыми сериями настолько велик, что их непосредственное сопоставление еще не может служить доказательством их связи и нуждается в проверке на дополнительном материале, промежуточном во времени.

Из последующих исторических этапов на этой территории лучше других представлена вторая половина I тысячелетия н. э. В результате археологических раскопок Т. Н. Троицкой в 1959—1965 гг. на р. Уени в пойме Оби (Новосибирская область, Колыванский район) получена краниологическая серия, состоящая из 17 мужских и 6 женских черепов различной сохранности. Черепа датируются в основном фоминским этапом верхнеобской культуры (VII—VIII вв.), но среди них не исключены более ранние и поздние, от IV до X в.²⁶ Другая серия этого времени происходит из курганов на Рёлке у с. Молчаново на Оби (Томская

²² В. И. Матюшенко, Духовная культура томских племен эпохи неолита и бронзы, «Труды Томского ун-та», т. 167, Томск, 1964.

²³ М. Ф. Косарев, Бронзовый век среднего Обь — Иртышья, Автореф. дисс., М., 1964; его же, Некоторые проблемы древней истории Обь — Иртышья.

²⁴ А. П. Дульзон, Кетские топонимы Западной Сибири, «Уч. записки Томского педагогич. ин-та», т. XVIII, Томск, 1959; его же, Былое расселение кетов по данным топонимики, «Вопросы географии», сб. 58, М., 1962.

²⁵ Г. Ф. Дебец, Антропологические исследования в Камчатской области, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. XVII, М., 1951; Н. С. Розов, Материалы по краниологии чулымцев и селькупов, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. XXXIII, М., 1956.

²⁶ Т. Н. Троицкая, К вопросу о культе медведя в Приобье, «Изв. Сибирского отделения АН СССР», 9, серия обществ. наук, вып. 3, Новосибирск, 1963; ее же, Древняя история племен верхнего Приобья; Г. Юрченко, Памятники I тысячелетия н. э. у с. Юрт-Акбалык, «Тезисы II научной студенческой конференции, Новосибирский ун-т», Новосибирск, 1964.

область). Раскопки проводились В. И. Матющенко в 1963—1964 гг. и Л. А. Павленок в 1966 г. В общей сложности из Молчаново мы имеем 7 мужских и 12 женских целых и фрагментарных черепов. Могильник на Рёлке принадлежит древнеселькупской культуре (VI—VIII вв.)²⁷.

Таким образом, культурная принадлежность черепов с Уени и из Молчаново различна. В предварительной публикации²⁸ для получения более представительной серии они были объединены, так как было замечено их большое антропологическое сходство. Тогда же было указано, что суммарная серия по всем основным показателям попадает в пределы уральской группы типов. Сравнение с черепами селькупов, томских и чулымских тюрков, происходящих с той же или близкой территории, привело к выводу о наибольшем сходстве черепов VI—X вв. с селькупамы XVII—XVIII вв.

В табл. 4 произведен отдельный подсчет размеров и указателей черепов с р. Уень и из Молчаново. Цифровые характеристики подтверждают близость антропологического типа населения этих двух районов. Обе группы не противоречат прежней диагностике черепов VI—X вв. как уральской серии.

В то же время выявляются заметные различия между черепами с Уени и из Молчаново. Первая группа отличается более крупной мозговой коробкой и в то же время малой высотой лица и орбит. Различия в высотных размерах лица заслуживают особого внимания. На черепах с Уени высота лица составляет в среднем 68,8 мм, на черепах из Молчаново — 74,2 мм, высота орбит соответственно равна 33,1 и 36,25 мм. Не случайный характер различий по средним величинам подтверждается размерами на отдельных черепах (мужские черепа):

	высота лица		высота орбит	
	до 69 мм	свыше 70 мм	до 34 мм	свыше 34,5 мм
Уень	63,6%	36,4%	69,2%	30,8%
Молчаново	20,0%	80,0%	25,0%	75,0%

Для того чтобы понять значение этих различий, а также определить место черепов VI—X вв. в системе уральской группы типов, целесообразно провести сравнение средневековых черепов с поздними сериями в более широком плане, чем это было сделано в предварительной публикации. В табл. 3 для сопоставления с черепами VI—X вв. по некоторым признакам взяты следующие группы: манси, ненцы, обдорские ханты, селькупы из разных мест²⁹, юганские ханты³⁰, сургутские ханты³¹, селькупы Оби, Кети и Чулыма³², томские и чулымские тюрки³³.

Сравнительная таблица показывает определенные закономерности распределения признаков на территории Западной Сибири в зависимости от этнического и географического факторов. Различия между само-

²⁷ Л. А. Павленок, А. А. Каприелов, Молчановский могильник на Рёлке, «Вопросы истории, археологии и этнографии Западной Сибири», вып. 2 (в печати).

²⁸ Н. С. Розов, В. А. Дрёмов, Материалы по палеоантропологии среднего Приобья VII—X вв. н. э. (предварительное сообщение), «Сов. этнография», 1966, № 5.

²⁹ Г. Ф. Дебец, Антропологические исследования в Камчатской области.

³⁰ П. Липтак, Материалы по краниологии хантов, «Acta ethnographica», т. I, fasc. 1—4, Budapest, 1950.

³¹ Черепа добыты С. М. Чугуновым и опубликованы им (С. М. Чугунов, Материалы для остеологии остяков, «Изв. Томского ун-та», кн. 6, Томск, 1894). В настоящее время хранятся в Томском медицинском институте. Заново измерены мною. Один череп утерян, его измерения восстановлены по С. М. Чугунову.

³² Н. С. Розов, Материалы по краниологии чулымцев и селькупов.

³³ Г. Ф. Дебец, Палеоантропология СССР; Н. С. Розов, Материалы по краниологии чулымцев и селькупов.

* Из 17 черепов у двух отмечен альвеолярный прогнатизм, у пяти — сильный альвеолярный прогнатизм.

* Дана следующая описательная характеристика Леренс-сыя: низкое — 1 случай, низкое узкое — 3 случая, средненизкое — 4 случая, средненизкое узкое — 7 случаев.

Дана следующая описательная характеристика переноса: низкие — 1 случай, низкое узкое — 3 случая, средненизкое узкое — 4 случая, средненизкое — 7 случаев.

*** Углы горизонтальной профилировки, обитый указатель от m_i . Дакриальные и симотические размеры — по черепам из Тянова городка (неоугликованные измерения Н. С. Розова).

Размеры мозговой коробки — без черепов с искусственной деформацией.

дийскими и угорскими группами наиболее отчетливо проявляются в форме мозговой коробки. У угров она мезокранная и низкая, у самодийцев — брахикранная и более высокая. Кроме того, по некоторым признакам группы среднего Приобья (селькупы тюрки, отчасти ханты) отличаются от нижнеобских групп (манси, обдорские ханты, ненцы). В среднем Приобье концентрируются низкое лицо и низкие орбиты, сильнее выраженный общий и альвеолярный прогнатизм, более выступающее переносье. Тюрки проявляют большую близость к селькупам как в строении мозгового черепа, так и лицевого скелета, что служит указанием на единство их происхождения.

Сравнение с уральскими группами черепов VI—X вв. приводит к двум важным выводам. Во-первых, черепа VI—X вв. с Уени и из Молчаново имеют отношение не к угорскому, а к самодийскому этногенезу. Об этом свидетельствует прежде всего форма мозговой коробки. Во-вторых, из таблицы становится ясной большая близость черепов VI—X вв. и поздних групп среднего Приобья. Те черты строения, которые отличают их от нижнеобских групп, на средневековых черепах с Уени и из Молчаново представлены в особенно подчеркнутом виде. Правда, черепа из Молчаново по высоте лица и глазниц сближаются с северными хантами и ненцами, но их сходство не распространяется на другие признаки. Поэтому молчановские черепа не могут быть прямо сопоставлены с северными группами. Скорее следует говорить об общих элементах, участвовавших в сложении антропологического типа средневекового населения из Молчаново и поздних групп нижней Оби.

В целом близость черепов из Молчановского могильника и с Уени проявляется настолько, что можно говорить о родстве населения этих двух районов. Вероятнее всего, родственными были и племена, обитавшие выше по Оби, представленные черепами верхнеобской культуры из могильников на Ближних Елбанах³⁴.

В I тысячелетии н. э. коренное население лесостепного Приобья находилось в тесных контактах с южными районами, о чем, в частности, свидетельствуют находки в могильниках у деревень Умна и Юрт-Акбалык на Уени 8 черепов со следами искусственной деформации. В. П. Алексеев отметил сходство деформированных черепов II—VI вв. из Ближних Елбан с материалами Кенкольского могильника. Это позволило ему говорить о продвижении среднеазиатских гуннов в предгорья Алтая. Что касается черепов с Уени, то они не обнаруживают близости к гуннам, а отличия от последних в строении мозгового и лицевого скелета выражены на них еще более отчетливо. Различия между деформированными и недеформированными черепами с Уени наблюдаются только по признакам, непосредственно связанным с деформацией. Вероятно, гуннское влияние на этой территории ограничилось лишь распространением обычая искусственного деформирования головы и не привело к заметному изменению расового типа. В то же время в могильнике у с. Красный Яр на Уени найдено два недеформированных мужских черепа с отчетливо выраженными признаками центральноазиатского типа. Скорее всего, эти черепа следует связать с начавшимся в конце I тысячелетия проникновением в лесостепное Приобье тюрков из степей Южной Сибири. Связи с южными районами по антропологическим данным прослеживаются только на черепах с р. Уени. Население Молчановского могильника было более изолировано от посторонних влияний.

³⁴ В. П. Алексеев, Палеоантропология лесных племен северного Алтая, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. XXI, 1954.

Средние размеры и указатели черепов из лесостепного Приобья

Датировка Место раскопок Автор раскопок	Бронза, XI—VIII вв. до н. э.										Железо, VI—X вв. н. э.									
	Еловка, Красный Яр, Пьяново										Молчаново									
	Матющенко, Троицкая, Маргенов										Матющенко, Павленок									
	Пол										♀									
	♂					♀					♂					♀				
Параметры	n	M	n	M	n	n	M	n	M	n	n	M	n	M	n	n	M	n	M	
1. Продольный диаметр	10	180,8	4	171,5	6	182,5	2	170,5	5	176,6	10	169,3								
8. Поперечный диаметр	8	145,4	4	139,25	5	147,4	1	143,0	5	143,8	9	136,3								
8:1. Черепной указатель	8	79,0	4	81,25	5	80,7	1	83,6	5	81,5	9	80,4								
17. Высотный диаметр (ba — b)	8	133,4	3	128,25	5	133,5	1	128,0	4	131,9	6	127,3								
17:4. Высотно-продольный указатель	8	74,0	3	75,5	5	73,1	1	74,8	4	74,7	6	75,0								
17:8. Высотно-поперечный указатель	7	93,4	3	92,1	5	90,9	1	89,5	4	92,2	6	93,6								
20. Высотный диаметр (po — b)	9	116,6	4	111,25	4	116,7	1	110,0	4	113,75	7	108,4								
5. Длина основания черепа	8	102,0	3	99,0	5	102,8	2	95,0	4	101,5	6	94,5								
9. Наименьшая ширина лба	11	96,1	4	93,0	10	98,8	2	90,7	6	97,2	11	93,1								
10. Наибольшая ширина лба	8	118,0	4	114,75	7	122,6	2	113,5	6	119,5	10	114,4								
9:8. Лобно-поперечный указатель	8	67,6	4	66,8	5	66,5	1	66,4	5	67,7	9	68,1								
9:10. Лобный указатель	8	82,1	4	81,1	7	80,1	2	81,9	6	81,4	10	81,1								
Указатель высоты изгиба лба	14	21,6	4	21,4	8	21,5	2	23,7	6	23,25	11	24,0								
11. Ушная ширина	8	129,9	4	123,5	5	134,8	2	127,5	5	132,4	7	122,8								
12. Ширина затылка	11	112,0	4	108,0	5	106,4	2	105,5	5	117,6	9	106,4								
32. Угол лба (n — m)	8	84,5	3	79,7	5	81,6	2	81,5	2	81,25	7	84,2								
Угол лба (gl — m)	8	75,8	3	71,3	5	74,4	2	71,5	2	74,75	7	78,6								
Надбровье (1—6 по Мартину)	11	3,7	5	2,2	11	3,8	3	2,0	6	3,2	11	1,8								
Сосцевидный отросток (1—3)	12	2,1	6	1,5	9	1,9	3	1,7	6	1,8	10	1,1								
Наружный затылочный бугор (0—5 по Брока)	12	1,25	6	0,7	6	0,7	2	0,5	5	2,0	11	0,2								
	—	—	—	—	1	12,5	—	—	—	—	1	9,1								
Ellipsoidea	9	81,8	4	75,0	5	62,5	1	50,0	4	66,7	7	63,6								
Ovoides	1	9,1	1	25,0	—	—	1	50,0	2	33,3	2	18,2								
Pentagonoides	—	—	—	—	2	25,0	—	—	—	—	—	—								
Sphenoides	1	9,1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—								
Sphaeroides	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—								
Rhomboides	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—								
45. Скуловой диаметр	6	141,3	2	132,0	10	139,6	1	136,0	2	143,5	7	129,0								
40. Длина основания лица	7	31,4	3	105,3	9	102,0	1	90,0	3	97,3	6	94,0								

DC. Дакриальная хорда	9	20,9	3	22,4	9	21,7	2	19,65	4	22,15	41	20,6
DS. Дакриальная высота	9	12,9	3	11,2	9	10,5	2	7,45	4	10,85	11	9,3
DS:DC. Дакриальный указатель	9	62,9	3	50,1	9	49,2	2	39,1	4	49,6	11	45,9
50. Максиллофронтальная хорда	9	19,5	3	21,1	13	19,6	4	19,8	5	20,7	11	18,1
Максиллофронтальная высота	9	7,5	3	6,8	12	7,1	4	6,0	5	6,8	11	5,6
Максиллофронтальный указатель	9	39,2	3	32,3	12	36,6	4	30,1	5	33,3	11	31,4
SC. Симитическая хорда	9	7,7	3	8,4	14	7,5	5	8,3	5	8,4	11	7,1
SS. Симитическая высота	9	4,5	3	4,4	14	3,9	4	2,7	5	3,8	11	2,5
SS:SC. Симитический указатель	9	60,4	3	54,15	14	53,0	4	32,55	5	45,4	11	36,1
75 (1). Угол выступления носа	9	26,9	3	14,0	10	20,8	2	11,5	2	19,0	8	17,4
43 (1). Биорбитальная хорда (fmo—fmo)	11	101,4	4	100,15	15	100,8	4	96,0	4	102,7	11	95,6
Высота назона над fmo — fmo	11	17,1	4	16,5	15	16,4	4	14,8	4	16,65	11	14,4
77. Назомаллярный угол (fmo—p—fmo)	11	142,6	4	144,1	15	143,8	4	146,0	4	143,75	11	145,95
Зигомаксиллярная хорда (zm'—zm')	7	97,5	2	97,8	11	100,8	2	98,0	4	107,3	9	90,1
Высота субназале над zm'—zm'	7	20,0	2	22,7	11	21,8	2	21,5	4	22,1	9	19,6
Зигомаксиллярный угол (zm'—ss—zm')	7	135,1	2	129,75	11	132,8	2	132,5	4	134,75	9	132,5
72. Общий угол лица	8	36,4	3	77,3	10	82,9	3	84,3	2	83,0	7	85,6
73. Угол средней части лица	8	88,5	3	81,0	9	86,9	3	89,7	2	88,5	7	89,4
74. Угол альвеолярной части лица	8	78,4	3	65,3	8	72,75	3	65,2	2	68,5	7	73,9
65. Глубина клыковой ямки (лев., в мм)	10	4,5	3	2,4	13	4,0	2	2,5	2	1,5	8	2,7
66. Мышечковая ширина	5	117,0	2	124,0	6	126,6	2	119,5	—	—	2	104,25
68. Бигонимальная ширина	10	101,1	4	101,25	9	108,0	4	96,7	—	—	2	92,25
68 (1). Длина нижней челюсти от углов	10	86,0	3	84,7	13	89,5	5	81,8	4	93,4	5	85,8
70. Высота ветви нижней челюсти полная	8	108,8	3	109,3	12	115,1	5	107,6	3	118,5	5	108,2
70. Высота ветви нижней челюсти	10	62,4	3	54,3	13	62,0	5	53,9	4	62,5	5	50,2
71а. Наименьшая ширина ветви нижней челюсти	11	35,2	3	34,3	14	34,8	5	31,5	4	36,0	5	34,6
79. Угол ветви нижней челюсти	10	115,7	3	122,0	13	117,0	5	123,2	4	117,25	5	122,0
Угол подбородка (inf—po)	9	70,8	2	70,5	12	71,4	5	66,2	2	69,5	5	70,0

* Размеры мозговой коробки — без черепов с искусственной деформацией.

Если мы теперь сопоставим черепа VI—X вв. с сериями поздней бронзы и уральской группы типов, то окажется, что они во многих отношениях занимают промежуточное положение (табл. 3). Учитывая единство территории и археологические данные, мы приходим к основному выводу о том, что краниологические серии эпохи бронзы в VI—X вв. отражают последовательные этапы развития, ведущего к антропологическим типам современных народностей Западной Сибири. Оно протекало в лесостепной и лесной зонах на основе древних контактов европеоидного и монголоидного населения.

Заслуживает особого внимания то, что черепа VI—X вв. и поздней уральские группы, проявляя близость к суммарной серии эпохи бронзы, отличаются от нее по углу носа, а группы среднего Приобья — также по альвеолярному углу, и сближаются только с черепами монголоидного облика. Поскольку эти два признака наиболее отчетливо различают европеоидные и монголоидные черепа в серии эпохи бронзы, а по многим другим признакам различия между ними менее определены, возможно считать, что позднее население генетически связано прежде всего с монголоидным компонентом. Это таежное монголоидное население обладало некоторыми чертами древнего нерасчлененного расового типа, но не исключено, что оно в свою очередь также имело европеоидную примесь.

Характерное для этих монголоидов низкое лицо отмечается в I тысячелетии н. э. на черепах с р. Уень. Севернее проживало население, близкое во многих отношениях, но имевшее высокое лицо, о чем свидетельствуют черепа из Молчановского могильника. Позднее низкое лицо прослеживается сплошным ареалом в Нарымском Приобье — у селькупов, томских и чулымских тюрок, юганских и сургутских хантов, а по соматологическим данным также у васюганских³⁵ и ваховских³⁶ хантов. Высокое лицо отмечается только в низовьях Оби, у обдорских хантов и ненцев.

Таким образом, прямая связь населения эпохи бронзы и VI—X вв. с р. Уень устанавливается лишь с ограниченным кругом современных этнических групп. Поэтому материал, представленный в этой статье, решает проблему происхождения уральской расы во всей ее сложности, а показывает пути сложения в Приобье одного из ее локальных вариантов.

SUMMARY

New anthropological materials of the late bronze and iron age from the mixed steppe and forest territory of the Ob Basin are very important for a reconstruction of the ethnical history of the Western Siberia. A series of skulls of the bronze age (the end of II — the beginning of I millennia B. C.) includes 9 male and 3 female skulls. It demonstrates a mixed composition of the population of this period. Some marked irregularities in the distribution of features of Europeoid vs. Mongoloid origine can be noticed.

The Europeoid component is morphologically near to the Andronovo type.

The craniological series of the iron age (6.—10. centuries A. D.) includes 24 male and 18 female skulls in various states of preservation.

An analysis of features indicates an intermediary position of this series between the bronze age skulls and craniological collections on the modern aboriginal population of the middle part of the Western Siberia. The features of Mongoloid origine prevail.

³⁵ Н. С. Розов. Антропологические исследования коренного населения Западной Сибири.

³⁶ А. А. Ивановский, Сургутские остяки (по материалам С. М. Чугунова) «Русский антропологический журнал», 1905, № 3—4; Г. Ф. Дебец, Селькупы, «Грудь Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. 2, М.—Л., 1947.

3. Ясевич

ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ НА ЗАПАДНЫХ И СЕВЕРНЫХ ПОЛЬСКИХ ЗЕМЛЯХ

В 1967 г. минуло 22 года со времени, когда после победы Советской Армии над гитлеровской Германией Польша получила древние славянские земли по Одре, Нейсе Лужицкой и Балтийскому морю. Потсдамская конференция приняла постановление о переселении немцев. В границы Польского государства вошла область в 101 тыс. км², составляющая 32% его площади.

В международном отношении установление границы по Одре и Нейсе Лужицкой было важным политическим событием, имеющим целью обеспечение мира в Европе. Для польского народа, который понес огромные потери во время второй мировой войны, это было актом справедливости, сделавшим возможным возвращение исторических польских земель. Несмотря на открытую германизацию, изгнание и истребление польского населения, эти земли никогда не утрачивали своего славянского характера. Наоборот, в течение последних 100 лет немецкого господства здесь наблюдалось укрепление польского элемента, усилившееся благодаря выезду части немецкого населения в западные промышленные области Германии. Перепись населения, проведенная польскими властями в 1945—1946 гг., показала, что на Западных и Северных землях¹ сохранялось 1,2 млн. коренного польского населения. В 1965 г. здесь жило уже 8,3 млн. человек², среди которых, кроме автохтонов, есть и другие группы населения. В этих районах весьма многочисленна молодежь, родившаяся там уже после войны.

Процессы социальной и культурной интеграции на Западных землях являются следствием произошедших здесь миграций и общественно-культурных преобразований. Термин «социальная интеграция» принят для определения процесса формирования новых территориальных общностей, возникших в связи с заселением определенной местности: деревни, города или района. Предметом исследований проблематики социальной интеграции является постепенное нарастание общественных связей, превращающих чужих до этого, а теперь живущих по соседству людей в функционально связанное целое. Культурной интеграцией в польской литературе называется процесс унификации культуры на Западных землях, заселенных группами населения, приехавшими из разных мест и отличающимися особенностями своей культуры. Процесс интеграции как социальной, так и культурной, является развитием при благоприятных условиях начального процесса адаптации. Социальной и культурной адаптацией мы называем тот этап сближения разных групп населения, чуждых до этого друг другу, когда они уже установили

¹ Этим термином называются области, которые вошли в состав Польского государства после второй мировой войны. В дальнейшем тексте статьи они названы сокращенно Западные земли.

² Z. Nowak, 1945—1965, «Rocznik Ziemi Zachodnich i Północnych 1965», s. 15.

общественные связи, необходимые для организации производства и для других нужд, но сохранили обособленное положение, а также некоторые элементы своей прежней культуры. Термин «интеграция», примененный для определения процессов формирования на Западных землях новых территориальных (локальных) общностей с единой культурой, подчеркивает многочисленность и активность групп жителей, вовлеченных в эти процессы. По своему содержанию этот термин близок понятию «консолидации».

Выделение двух комплексов явлений и определение их разными терминами — интеграция социальная и интеграция культурная — не означает, что у польских ученых отсутствует понятие культуры как единого целого, в котором элементы общественной организации связаны самым тесным образом с ее остальными разделами³. Оно соответствует только разным областям исследований представителей двух научных дисциплин: социологов и этнографов. Для первых предметом исследований служат прежде всего общественные отношения между людьми и регулирующие их общественные институты. Отсюда употребляемый ими термин — социальная интеграция. Этнографы, исследуя процесс культурной унификации Западных земель, называемый культурной интеграцией, охватывают тематически более широкую область. Не оставляя в стороне проблемы общественных отношений и институтов, они занимаются также другими разделами широко понимаемой культуры, созданными в ходе удовлетворения человеком его материальных и духовных потребностей. Существенным же ограничением области этнографических исследований является ограничение их сельской проблематикой.

Опыт исследований, проводившихся этнографами и социологами на Западных землях в течение 20 лет, позволяет утверждать, что эти исследования прекрасно дополняют друг друга и что невозможно представить какую-нибудь проблему более общего характера из области современных общественно-культурных преобразований, не учитывая одновременно и социологических и этнографических работ.

Остановимся теперь на миграционных движениях, которые положили начало процессу социальной и культурной интеграции, на главных факторах, определяющих их направление.

Миграциями были охвачены 12 млн. человек: более 7 млн. немцев, которые переселились на запад, и около 5 млн. поляков.

Немецкое население переселялось с Западных польских земель двумя волнами. Около 5 млн. немцев было эвакуировано из Восточных областей Германской империи в последний период второй мировой войны вследствие приближения фронта⁴. В результате этого польская администрация получила Западные земли наполовину опустошенными; с этих земель, согласно постановлениям, принятым в Потсдаме, были выселены остатки немецкого населения. Затем сюда переселилось около 5 млн. поляков. Они прибыли из разных мест, а это означало, что в прошлом у них были разные судьбы; имелись отличия и в культуре. Кроме переселенцев из ныне центральных и восточных воеводств Польши на Западные земли приехали репатрианты из СССР, а также реэмигранты

³ Автор знает о попытках в советской и польской литературе определить значение терминов «культура» и «общество», см.: Z. Bauman, *Kultura a społeczeństwo*, Preliminarium, Warszawa, 1966, s. 10 и сл.; А. Г. Здравомыслов, *Методологические вопросы этнографии*, «Вопросы философии» 1965, № 1; М. Н. Талантова, *Симпозиум по вопросам культуры*, там же, 1966, № 1. Дискуссии, касающиеся определения интересующих нас понятий, не приводят и не могут привести к их противопоставлению. Автономия культуры и общества может трактоваться только как относительная.

⁴ J. Ziółkowski, *Przeobrażenia demograficzne i społeczne na Ziemiach Zachodnich*, «Kultura i Społeczeństwo», 1959, № 2, s. 29.

из Франции, Германии, Югославии, Румынии и других стран. Преобладали поляки, были небольшие группы украинцев, евреев и греков⁵.

Происхождение населения, жившего на Западных землях ко времени окончания миграционных движений, показывает прилагаемая таблица (данные 1960 г.)⁶.

	Число человек в тыс.
Дети и молодежь, родившиеся и живущие на Западных землях	2810
Местное польское население	900
Репатрианты из СССР периода 1945—1948 гг.	1510
Репатрианты из СССР периода 1955—1958 гг.	200
Репатрианты из других стран	180
Переселенцы из Центральной и Восточной Польши	2100
Общее число жителей Западных земель	7700

Спецификой миграционных процессов на значительной части Западных земель было то, что поселенцы занимали местности, где не было прежнего населения. Однако и здесь преобразования в культуре определялись не только особенностями региональных культур отдельных переселенческих групп. Переселенцы столкнулись с культурой района, который, несмотря на значительные опустошения, доставил им много образцов разного рода изделий, особенно ценных своей связью с местной хозяйственно-географической средой.

Рассматривая факторы, определяющие характер интересующих нас процессов интеграции, нужно прежде всего помнить, что они протекали в границах государства, которое строило основы социализма. Деятельность марксистской партии и государства, имеющая целью интенсивное восстановление и развитие хозяйства, распространение культуры и просвещения на Западных землях, создала основы для динамичных процессов социальной и культурной интеграции, важных для всего народа.

Исследования социальных и культурных процессов, связанных с заселением Западных земель, были начаты уже в 1945 г. Они проводились так называемым Научным советом по проблемам возвращенных земель и были вызваны практическими потребностями. В 1951—1955 гг. в этих исследованиях наступил перерыв. Они возобновились в 1956 г. и с этого времени непрерывно развиваются. Большинство исследователей занимались проблематикой интеграции — процессами формирования новых локальных общностей и их культурной унификации. Сейчас, через 22 года после начала процесса заселения Западных земель со всеми связанными с ним последствиями мы наблюдаем уменьшение заинтересованности проблематикой интеграции. Она уступает место исследованиям преобразований, общих для всей Польши и связанных с современным периодом индустриализации и урбанизации.

В работе на Западных землях несомненный приоритет имеют социологи как в отношении численности кадров, так и времени проведения исследований. Среди научных организаций, занятых этими исследованиями, следует назвать прежде всего университетские кафедры социоло-

⁵ A. K. Wilecki, Liczebność i rozmieszczenie grup mniejszości narodowych na Ziemiach Zachodnich, «Przegląd Zachodni», 1964, № 4.

⁶ Rozwój gospodarczy Ziemi Zachodnich i Północnych Polski, «Praca zbiorowa», Warszawa, 1962, s. 79.

логии: в Варшаве (С. Оссовский, С. Новаковский), в Кракове (К. Добровольский, Р. Рыбицкий), в Познани (В. Маркевич, Е. Жулковский), в Лодзи (К. Жигульский). Следует упомянуть также Социологическую секцию Западного института в Познани (З. Дульчевский, А. Квилецкий). Этнографические исследования современных преобразований в культуре Западных земель получили размах только после 1959 г., когда их начала вести Кафедра этнографии Познанского университета (Ю. Буршта, З. Ясевич, Б. Линетте, В. Собисяк и др.). Проблематику культурной интеграции учитывают в своих исследованиях также и вроцлавские этнографы (К. Квасневски, Я. Павловска, З. Сташчак). В нашей статье, имеющей целью информировать о достижениях в исследовании проблем социальной и культурной интеграции на Западных землях, мы рассматриваем работы и социологов и этнографов (иногда их трудно разграничить) как общий вклад в одно дело — познание современных преобразований в культуре и общественной жизни.

Публикации, выбранные для показа достижений в исследованиях социальной и культурной интеграции на Западных землях⁷, можно разделить на пять групп:

1. Работы, представляющие собой попытку обобщения исследований процессов интеграции на Западных землях в целом или в разных их районах, а также разработки отдельных важных вопросов в границах проблематики интеграции.

2. Работы, посвященные городскому населению.

3. Работы, посвященные сельскому населению.

4. Работы, посвященные региональным и этническим группам.

5. Работы, информирующие об исследованиях интеграции и о литературе.

Прежде всего следует сказать о попытках синтеза процесса социальной интеграции для Западных земель в целом⁸. Довольно многочисленны также обобщения этого процесса в отдельных районах: в Опольщине, Любушской земле, в Западном и Гданьском Поморье⁹.

⁷ Здесь сообщается только о наиболее существенных работах, посвященных исследованию социальной и культурной интеграции на Западных землях. Выборка была необходима прежде всего из социологических работ по интересующей нас проблематике, так как в польской литературе этих работ насчитывается свыше 300. Этнографических работ меньше, и информация о них может быть полной.

⁸ Z. Dulczewski, Społeczne aspekty migracji na Ziemiach Zachodnich, Poznań 1964; его же, Les processus d'intégration sociale dans les Territoires de l'Ouest et du Nord de la Pologne, de 1945 à 1950 «Cahiers Pologne — Allemagne», 1960, № 3; W. Markiewicz, Społeczeństwo i kultura na Ziemiach Zachodnich w latach 1945—1960, «Kultura i Społeczeństwo», 1960, № 3; его же, Sociological problems in the Western Territories, «Polish Western Affairs», 1965, № 2; S. Nowakowski, Nowa społeczność na Ziemiach Zachodnich, «Nowe Drogi», 1960, № 6; его же, Z zagadnień adaptacji i integracji w środowisku wiejskim i miejskim Ziemi Zachodnich, «Przegląd Zachodni», 1966, № 3; J. Ziśkowski, Socjologiczne aspekty przemian ludnościowych na Ziemiach Zachodnich, «Ruch Prawniczy, Ekonomiczny i Socjologiczny», 1963, № 2; A. Kwilecki, Kształtowanie się nowego społeczeństwa na Ziemiach Zachodnich, «Przegląd Zachodni — Pomorski», 1965, № 5.

⁹ K. Zygułski, Formowanie się nowego społeczeństwa na Opolszczyźnie, «Kwartalnik Opolski», 1960, № 1; S. Popiołek, Procesy integracyjne na Śląsku Opolskim, «Kwartalnik Opolski», 1962, № 1; A. Kwilecki, Proces integracji ludności rodzimej i napływowej w świetle badań socjologicznych (woj. zielonogórskie), «Rocznik lubuski», 1966, z. 4; Z. Dulczewski, Niektóre aspekty tworzenia się nowego społeczeństwa na Pomorzu Zachodnim, «Ruch Prawniczy, Ekonomiczny i Socjologiczny», 1961, № 1; Z. Dulczewski, K. Golczewski, K. Kersten, Przeobrażenia społeczne na Pomorzu w latach 1945—1947, Poznań, 1964; B. Maroszek, Badania nad procesem integracji społecznej ludności województwa gdańskiego, «Ruch Prawniczy, Ekonomiczny i Socjologiczny», 1962, № 2; его же, Stabilizacja i integracja społeczna ludności województwa gdańskiego w latach 1945—1947, «Ruch Prawniczy, Ekonomiczny i Socjologiczny», 1964, № 1.

О процессе культурной интеграции, несмотря на то, что его изучение проводится с недавнего времени, имеются уже предварительные теоретические обобщения. Нужно сказать, однако, что они основаны исключительно на исследованиях сельского населения¹⁰.

В отдельных работах показана особо важная роль в процессах социальной интеграции Польской Рабочей Партии и ее преемницы — Польской Объединенной Рабочей Партии¹¹, а также роль школы и учителей¹². Очень рано исследователи стали интересоваться проблемами взаимоотношений автохтонов с прибывшим населением¹³.

Труды, посвященные городскому населению, представляют собой социологические исследования; в них нет высказываний о культурных преобразованиях в широком значении этого понятия. Наряду с трудами, представляющими попытку синтеза социальных преобразований в городах Западных земель¹⁴, имеется целый ряд публикаций, показывающих на основе исследований в разных городах формирование городского общества¹⁵. Предметом особой заинтересованности была стабилизация городского населения и причины, ее вызвавшие¹⁶. Отдельные исследования городского населения касались проблемы смешанных браков, заключенных между людьми разных региональных или этнических групп. Смешанные браки не без основания рассматривались

¹⁰ J. Burszta, *Etnografia a współczesność. Nieco refleksji metodologicznych w związku z badaniami na Ziemiach Zachodnich*, «Etnografia Polska», 1965, t. 9; еrо же, *Ethnographische Probleme des Umsiedlungsprozess in den polnischen Westgebieten*, «Deutsches Jahrbuch für Volkskunde», 1964, h. 1; A. Nasz, *Les migrations de population et leurs conséquences culturelles*, «La Pologne au VII Congrès International des Sciences Antropologiques et Ethnologiques», Wrocław, 1964; K. Kwasniewski, *Adaptacja i integracja kulturowa ludności Śląska po II wojnie światowej*, Opole, 1966.

¹¹ B. Maroszek, *Rola Partii w integracji ludności województwa gdańskiego*, w pracy zbiorowej *Sesja naukowa poświęcona 20-tej rocznicy powstania Polskiej Partii Robotniczej*, Gdańsk, 1963; S. Kulbiak, *Z zagadnień rozwoju i działalności Polskiej Partii Robotniczej w Wielkopolsce i Ziemi Lubuskiej*, Poznań, 1964.

¹² K. Popiołek, *Rola nauczyciela na Ziemiach Odzyskanych*, «Przegląd Zachodni», 1946, № 4; R. Kwilecki, *Rola społeczna nauczyciela na Ziemiach Zachodnich w świetle pamiętników nauczycieli-osadników*, Poznań, 1960; B. Sada, *Udział szkoły i nauczycieli w procesach integracji ludności wiejskiej województwa szczecińskiego w latach 1945—1960*, Poznań, 1963.

¹³ S. Gołachowski, *Współżycie ludności napływowej z miejscową na Opolszczyźnie*, «Strażnica Zachodnia», 1946, № 7—8.

¹⁴ S. Nowakowski, *Miasta Ziemi Zachodnich*, «Studia Socjologiczne», 1964, № 2.

¹⁵ S. Nowakowski, *Adaptacja ludności na Śląsku Opolskim*, Poznań, 1957; I. Turnau, *Studia nad strukturą ludnościową polskiego Wrocławia*, Poznań, 1960; Z. Dulczewski, *Autochtonizacja ludności na Ziemiach Zachodnich. Fragment badań longorójskim*, Poznań, 1961; J. Konieczny, *Kształtowanie się nowej społeczności na Ziemiach Zachodnich. Szkice i materiały z badań socjologicznych w województwie zielonogórskim*, Poznań, 1961; J. Konieczny, *Kształtowanie się nowej społeczności na gruzach miasta (Kostrzyn nad Odrą)*, tam же; Z. Pióro, B. Rząd-Górnicki, *Spółczesność lokalna miasteczka Trzcina — Zdroju*, w pracy zbiorowej «Trzcina — Źródło», Warszawa, 1958; Z. Dulczewski, *Studia i materiały do przebiegu zasiedlenia Ustki w latach 1945—1946*, «Studia i Materiały do Dziejów Wielkopolski i Pomorza», 1955, t. 1, z. 2.

¹⁶ A. Siciński, *Rozwój miasta a świadomość jego obywateli*, «Kultura i Społeczeństwo», 1961, № 1; A. Stasiak, *Niektóre problemy stabilizacji ludności małego miasta Ziemi Zachodnich na przykładzie miasta Bytowa*, «Przegląd Zachodni», 1959, № 3; A. Kwilecki, *Wpływ odbudowy miasta na stabilizację mieszkańców w Kołobrzegu*, «Szczecin», 1962, № 11—12; J. Węglanski, *Dynamika procesu stabilizacji mieszkańców Swinoujścia*, «Przegląd Zachodnio-Pomorski», 1963, № 3; A. Marchlewski, *Poczucie stabilizacji mieszkańców Swinoujścia*, «Studia Socjologiczne — Polityczne», 1965, № 18.

исследователями как один из важных показателей социальной интеграции¹⁷.

В исследованиях не обойден существенный вопрос изменений условий интеграции в городах в связи с происходящими там социальными и экономическими переменами¹⁸.

Предметом исследований в деревне являются общественные и культурные процессы, приводящие к возникновению сельских общностей с единообразной культурой. В этих исследованиях, кроме социологов, широко участвуют также этнографы. Их работы привели к расширению исследовательской тематики. Кроме общественных отношений, они изучают различные разделы сельского хозяйства, годовые и семейные обычаи, народную музыку и литературу. Среди трудов, посвященных деревне, на первое место нужно поставить те, что представляют собой попытки обобщения этой проблематики, а также методологические работы, определяющие рамки и методы исследований¹⁹. Много ценных материалов и выводов дали публикации исследований процессов социальной и культурной интеграции в границах одной или нескольких деревень²⁰. Отдельные работы касались таких характерных для проблемы интеграции в деревне тем, как региональные и общенародные связи, стабилизация, роль молодежи и совместная деятельность сельского населения в процессах интеграции, социальное своеобразие деревни с индивидуальными хозяйствами и государственного сельского хозяйства, последствия этого своеобразия для интеграции²¹. Исследо-

¹⁷ K. Zygmalski, Małżeństwa mieszane w Opolu w latach 1945—1957, «Studia Śląskie», 1959, nowa seria, t. 2; E. Piasecki, Integracja ludności miasta Wrocławia w świetle statystyki małżeństw i rozwodów, Wrocław, 1963; H. Dutkiewicz, Rolę małżeństw mieszanych w procesie integracji społecznej, «Zaranie Śląskie», 1966, № 3.

¹⁸ S. Nowakowski, Zmiany w warunkach integracji w procesie i rozwoju miast na Ziemiach Zachodnich, «Studia Socjologiczne», 1962, № 1.

¹⁹ J. Burszta, O badaniach przeobrażeń kulturowych wsi na Ziemiach Zachodnich, w pracy zbiorowej «Stare i nowe w kulturze wsi koszalińskiej», Poznań, 1964; егo же, Die ethnographische Erforschung des gegenwärtigen Dorfes in Grosspolen und Westpommern, «Ethnographica», 1962, t. 3—4; егo же, Integracja kulturowa wsi koszalińskiej, «Przegląd Zachodnio—Pomorski», 1965, № 5; B. Chmielowska, Społeczne przeobrażenia środowisk wiejskich na Ziemiach Zachodnich, Poznań, 1965; A. Kwilecki, Z badań nad przemianami społeczno-kulturalnymi wsi na Ziemiach Zachodnich, «Przegląd Zachodni», 1961, № 1; A. Nasz, Z badań nad procesem adaptacji i integracji społeczno—kulturalnej imigrantów na Opolszczyźnie, «Kwartalnik Opolski», 1963, № 4; K. Kwaśniewski, Adaptacja kulturowa ludności na Dolnym Śląsku po 1945 roku, a etnograficzne badania społeczności niejednolitych kulturowo, «Zeszyty Etnograficzne Muzeum Śląskiego we Wrocławiu», 1963, t. 1.

²⁰ S. Nowakowski, Przeobrażenia społeczne wsi opolskiej, Poznań, 1960; J. Burszta, Z. Jasiewicz, Zderzenie kultur na Ziemiach Zachodnich w świetle materiałów ze wsi koszalińskich, «Polska Sztuka Ludowa», 1962, № 4; B. Chmielowska, Kształtowanie się struktury społeczno-demograficznej wsi na Ziemiach Zachodnich w latach 1945—1959 na przykładzie wsi Zagowo i Gluchowo, w pracy zbiorowej «Tworzenie się nowego społeczeństwa...»; J. Komorowska, Przemiany społeczno—gospodarcze a stosunek ludności rodzimej do osadników we wsi Kluki, powiat słupski, «Przegląd Zachodni», 1959, № 4; Z. Staszczak, Kształtowanie się współczesnej kultury ludowej na Ziemiach Zachodnich na przykładzie dwu wsi powiatu kłodzkiego, «Zeszyty Etnograficzne Muzeum Śląskiego we Wrocławiu»; B. Jałowicki, Z badań nad procesem adaptacji i integracji społecznej na Dolnym Śląsku. Struktura demograficzna i gospodarcza wsi Gogolowice w powiecie Lubin, «Roczniki Etnografii Śląskiej», 1963, t. 2; R. Kukier, Integracja kulturowa mieszkańców wschodniej części ziem województwa koszalińskiego, «Przegląd Zachodnio—Pomorski», 1965, № 5; J. Pawłowska, Dolnośląska wieś. Prace w powiecie milickim. Cz. I. Kultura materialna, Wrocław, 1966.

²¹ S. Ossowski, Zagadnienie więzi regionalnej i więzi narodowej na Śląsku Opolskim, «Przegląd Socjologiczny», 1947, t. 9; B. Chmielowska, Problem stabilizacji ludności wiejskiej na Ziemiach Zachodnich, «Ruch Prawniczy, Ekonomiczny i Socjologiczny», 1963, № 2; M. Strzeszewski, Stabilizacja mieszkańców i tworzenie się jednolitej społeczności na wsi koszalińskiej, «Studia Socjologiczne—Polityczne», 1965, № 1.

вались также связанные с интеграцией преобразования в земледелии, в домашних занятиях женщин, в годовой и семейной обрядности, в народной музыке и литературе²².

Для большинства исследователей процессов интеграции на Западных землях предметом изучения была не локальная группа, а группы польского населения, происходящие из разных мест, и непольские этнические группы, участвующие в процессах интеграции²³. Во всех этих группах в ходе поселения на Западных землях и взаимных контактов между ними происходили интересные социальные и культурные преобразования. Изучались автохтоны²⁴, переселенцы из других районов Польши²⁵, репатрианты из СССР (особый интерес представляла группа, прибывшая в Польшу в 1955—1958 гг.)²⁶, многочисленные группы реэмигрантов из Франции, Румынии и Югославии²⁷, а также население, относящееся к разным этническим группам: украинцы (главным образом, лемки), евреи, греки, русские (старобрядцы — филипоны)²⁸.

Следует специально упомянуть о ценном издании таких источников, какими являются воспоминания людей, поселившихся на Западных зем-

№ 18; W. Sobisia k, Młodzież wiejska a kultura środowiska, w pracy zbiorowej «Stare i nowe w kulturze...»; Z. Jasiewicz, Pomoc wzajemna i niektóre inne formy współdziałania, там же; H. Ostrowska, Dwie społeczności — wieś i Państwowe Gospodarstwo Rolne, там же.

²² J. Burszta, Tradycja i postęp w kulturze rolniczej, w pracy zbiorowej «Stare i nowe w kulturze...»; A. Jasiewicz, Znajomość środowiska geograficznego warunkiem intensyfikacji rolnictwa Ziemi Zachodnich, «Wiś Współczesna», 1967, № 4—5; M. Burszta, E. Stachowiak, Stare i nowe w gospodarstwie kobiecym, w pracy zbiorowej «Stare i nowe w kulturze...»; J. Pawłowska, Pożywienie ludności w dolnośląskiej wsi. Prace w powiecie milickim w latach 1945—1960, «Prace i Materiały Etnograficzne», 1964, t. 23; J. Dydowiczowa, Rok obrzędowy wczoraj i dziś, w pracy zbiorowej «Stare i nowe w kulturze...». A. Wojciechowska, Obrzędowość rodzinna, там же; B. Linette, Kultura myzyczna w nowym Środowisku, там же; J. Pawłowska, Uwagi nad przemianami w zakresie literatury ludowej we wsi dolnośląskiej w latach 1945—1960, «Prace i Materiały Etnograficzne», 1964, t. 23.

²³ J. Burszta, Kategorie społeczno — kulturowe ludności Ziemi Zachodnich, «Przegląd Zachodni», 1966, № 1.

²⁴ S. Nowakowski, Przeobrażenia społeczne wsi opolskiej, Poznań, 1960.

²⁵ K. Dobrowolski, Badania nad migracjami ludności małopolskiej na Śląsk. «IV Sesja Rady Naukowej dla Ziemi Odzyskanych», 1947, z. 2; Z. Dulczewski, A. Kwilecki, Społeczeństwo wielkopolskie w osadnictwie Ziemi Zachodnich, Poznań, 1962; Z. T. Wierzbicki, Adaptacja emigracji ze wsi Zmłaca (powiat limanowski) na Ziemiach Zachodnich, «Przegląd Zachodni», 1960, № 1; J. Pawłowska, Niektóre zwyczaje Górali Podhalańskich we wsi Krajanów, powiat Nowa Ruda, «Prace i Materiały Etnograficzne», 1964, t. 23.

²⁶ K. Żygulski, Repatrianci na Ziemiach Zachodnich, «Studium socjologiczne», Poznań, 1962; M. Latuch, Migracje zewnętrzne na Pomorzu Zachodnim w latach 1955—1959, towarzyszące im zmiany i niektóre zagadnienia przystosowania się repatriantów do nowego środowiska, «Lud», 1965, t. 49.

²⁷ S. Nowakowski, Przeobrażenia społeczne i adaptacja reemigrantów w Polsce, «Myśl Współczesna», 1950, № 7; W. Markiewicz, Przeobrażenia w świadomości narodowej reemigrantów polskich z Francji, Poznań, 1960; K. Pudło, T. Skarżyński, Z badań nad kulturą ludową reemigrantów polskich z Zrancji, «Zeszyty Etnograficzne Muzeum Śląskiego we Wrocławiu»; M. Meysner-Rostworowska, Z badań nad kulturą ludową reemigrantów polskich z Rumunii na Dolnym Śląsku, там же; K. Kwaśniewski, Z badań nad kulturą ludową reemigrantów polskich z Bośni, там же.

²⁸ A. Kwilecki, Liczebność i rozmieszczenie grup mniejszości narodowych na Ziemiach Zachodnich, «Przegląd Zachodni», 1964, № 4; ero же, Grupa Lemków na Ziemiach Zachodnich, w pracy zbiorowej «Tworzenie się nowego społeczeństwa...», S. Bronnsztein, Ankiety badanie ludności żydowskiej Dolnego Śląska, «Biuletyn Żydowskiego Instytutu Historycznego», 1963, № 47—48; K. Hofman-Liandzis, K. Pudło, Z badań nad kulturą ludności greckiej na Dolnym Śląsku, «Zeszyty Etnograficzne Muzeum Śląskiego we Wrocławiu»; L. M. Szwengrub, Filipini. Grupa taroobrzędowców w powiecie Mrągowo, województwo olsztyńskie, «Euhemer», 1958, № 2—3.

лях²⁹. Нужно также отметить и статьи, представляющие собой отчеты об исследованиях и информации о публикациях результатов этих исследований³⁰.

В заключение необходимо сказать о значении социологических и этнографических исследований на Западных землях. Эти исследования сыграли большую роль в развитии научных дисциплин. Для польских социологов они были первыми организованными после войны полевыми работами и значительно обогатили методику этих работ. Для этнографов они имеют иную ценность. Проведение этих исследований в районах, где традиционная крестьянская культура или перестала существовать, или же подвергалась быстрым изменениям, направило их внимание на современные культурные преобразования. Итоги этих исследований оказывают влияние на широкий круг польских этнографов, вызывают у них интерес к современной проблематике.

Другим положительным фактом в исследованиях на Западных землях является совместная деятельность представителей разных научных дисциплин: этнографии, социологии, демографии, географии, истории и др. Это ведет к расширению тематики исследований и обогащает их методы. Несомненно, что благодаря этим исследованиям получен материал для разработки многих важных теоретических проблем, и в частности — проблем миграции и поселений, теории формирования локальных групп, а также теории культурных влияний и преобразований в результате миграции.

Исследования на Западных землях служат не только научным целям. С самого своего начала они были связаны с практическими потребностями. Они помогали и помогают решать целый ряд проблем, связанных с организацией общественной и культурной жизни на этих землях. Нужно при этом подчеркнуть, что именно на Западных землях возникли более тесные, чем в других областях, контакты представителей властей с научными работниками. Исследования социальных и культурных преобразований на Западных землях имеют также важное значение для развития общественного и политического сознания их населения.

Выводы этнографических и социологических исследований, показывающие организационную деятельность и активность общества, широко популяризируются путем проведения отчетов, передач по радио, публикации статей в прессе.

Нужно, наконец, подчеркнуть значение исследований на Западных землях для международной политики, в особенности для полемики с западнонемецкими ревизионистами, которые пытаются подкрепить тер-

²⁹ «Pamiętniki osadników Ziemi Odzyskanych», Poznań, 1963; «Tu jest mój dom. Pamiętniki z Ziemi Zachodnich i Północnych», Warszawa, 1965; см. также: Z. Dulczewski, Pamiętniki osadników jako materiały naukowe do historii i socjografii osadnictwa na Ziemiach Odzyskanych, «Przegląd Zachodni», 1958, № 1.

³⁰ J. Burszta, Przegląd i perspektywy badań etnograficznych na Pomorzu Zachodnim, «Lud», 1965, t. 49; B. Chmielowska, Rozwój badań socjologicznych na Pomorzu Zachodnim w latach 1945—1961, «Przegląd Zachodnio—Pomorski», 1964, № 1; Z. Dulczewski, Problematyka badań socjologicznych na Ziemiach Zachodnich, «Przegląd Zachodni», 1959, № 1; его же, Publikacje socjologiczne i demograficzne o Ziemiach Zachodnich i Północnych 1945—1960, «Przegląd Zachodni», 1960, № 1; его же, W sprawie badań socjologicznych nad tworzeniem się nowych społeczności regionalnych na Ziemiach Zachodnich, «Przegląd Zachodni», 1966, № 4; Z. Gostkowski, K. Zygulski, Badania socjologiczne na Śląsku Opolskim, «Przegląd Socjologiczny», 1960, t. 15, z. 2; A. Kwilecki, Organizacja i problematyka badań socjologicznych na Ziemi Lubuskiej w latach 1945—1960, «Rocznik Lubuski», 1962, t. 3; его же, Tematyka i znaczenie badań socjologicznych na Ziemiach Zachodnich, «Kultura i Społeczeństwo», 1965, № 3.

риториальные претензии лживыми аргументами о культурном регрессе и общественной дезорганизации на этих землях. Прекрасной отповедью на них являются польские научные работы, основанные на методичных и длительных полевых исследованиях, показывающие общество этих земель, динамично развивающее свою культуру.

S U M M A R Y

The processes of social and cultural integration in Poland's Northern and Western territories are a consequence of migrations and of social and cultural changes. The term «social integration» is designed to nominate the process of formation of new territorial communities emerging in the course of peopling a certain locality: village, town or district. The subject of study in the problems of social integration is the gradual development of communal ties rendering primarily strange but now neighbouring people to a functionally linked society.

Cultural integration is the process of the cultural unification of various groups. Ethnological and sociological studies of social and cultural integration of Poland's Northern and Western territories are of a considerable practical significance. They contribute to the solution of a number of problems connected with the organization of social and cultural life in these territories. These studies disprove the fabrications of West German revisionists about cultural regress and social disorganization in the population of Northern and Western territories of Poland.

Л. М. Сабурова

**ПО ПОВОДУ СТАТЬИ Г. Г. ГРОМОВА
И Ю. Ф. НОВИКОВА «НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ
АГРОЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ»**

Статья Г. Г. Громова и Ю. Ф. Новикова «Некоторые вопросы агроэтнографических исследований»¹ имеет целью привлечь внимание исследователей к методологическим вопросам указанного раздела науки, показать правильный принцип подхода к этнографическому изучению сельскохозяйственной техники. Такая цель сама по себе заслуживает всяческого поощрения. Осведомленность авторов в чисто технических вопросах работы пахотных орудий дает им возможность привести новые и, с нашей точки зрения, интересные для специалистов данные (например, о зависимости различных форм креплений орудий от почвы и др.). Однако характер статьи и ее рекомендации вызывают возражения.

Г. Г. Громов и Ю. Ф. Новиков считают, что орудия, как и другие элементы культуры, связаны прежде всего с общественно-экономическими и географическими условиями жизни народа и лишь во вторую очередь и в значительно меньшей степени могут считаться следствием особенностей культуры и быта, присущих какой-либо этнической общности (стр. 92). Аргументируя тезис о зависимости орудий от социально-экономических и географических условий, авторы говорят о неприятии его зарубежными и в известной мере советскими учеными. Это утверждение (как и некоторые другие) требует уточнения. Оговоримся сразу, что мы имеем в виду только советских этнографов.

Нельзя не согласиться с авторами статьи в том, что при агроэтнографических исследованиях, в частности при изучении сельскохозяйственных орудий, необходимо учитывать социально-экономические факторы и естественно-географические условия: ландшафт, почву, климат и т. д. Не подлежит также сомнению, что комплексный подход к решению проблемы чрезвычайно перспективен. Вероятно, есть смысл настаивать на этом еще раз, хотя советские этнографы, как правило, учитывают эти факторы. Для краткости сошлемся на работы Д. В. Найдич, уделявшей много внимания изучению пахотных орудий восточных славян. В ее статье «О принципах классификации пахотных орудий», хорошо известной Г. Г. Громову и Ю. Ф. Новикову и цитируемой ими, говорится: «Каждое пахотное орудие было приспособлено к ландшафту местности, где оно применялось (степи, лесу), и почвам: тяжелому чернозему, каменистой, лесной, легким песчаным почвам. Решающее значение при создании того или иного орудия имела система земледелия (поднятие целины, залежная система, с перелогом, подсека с лесным перелогом, пар-

¹ См. «Сов. этнография», 1967, № 1.

вая)... Крестьяне прекрасно знали, какая деталь и при каком именно расположении по отношению к другим деталям дает наилучший результат»². Как видим, в исследовании Д. В. Найдич речь идет как раз о тех факторах, которые берут под защиту авторы обсуждаемой статьи.

В написанном Д. В. Найдич разделе о пахотных орудиях в томе «Народы Европейской части СССР» также говорится, на каких почвах и при каких системах земледелия применялись те или иные пахотные орудия (соха, косуля, плуг, рало)³.

Такая же определенность в отношении социально-экономических и почвенно-климатических факторов прослеживается и в посмертно публикуемой статье Д. В. Найдич «Пахотные и боронильные орудия», в которой говорится: «В разных районах соха имела разное устройство в зависимости от различия почв и рельефов, систем земледелия и этнических традиций, степени богатства хозяев и свойств разводимых растений»⁴. Таким образом, здесь учитываются самые разнообразные факторы, в том числе и этнические традиции (но не только они). В той же статье Д. В. Найдич подчеркивает, что «сохи отличались в зависимости от почвенных условий различной формой, установкой, шириной рассохи и полицы, размерами сошников, местом прикрепления тягловой силы»⁵.

Число примеров можно увеличить, однако и из приведенных видно, что первое положение, которое, по мнению авторов, требует своего утверждения, давно принято советскими этнографами. Как видно из сказанного, между авторами статьи и остальными советскими этнографами нет разногласий по вопросу о значении почвенно-климатических и иных факторов для конструкции пахотных орудий.

Этого нельзя сказать относительно общей концепции авторов. Однако для того, чтобы выяснить ее, необходимо свести воедино имеющиеся в статье на этот счет высказывания, так как их нельзя рассматривать как однозначные.

Объявляя сельскохозяйственную технику областью народной культуры (стр. 80), авторы в то же время считают, что она не имеет отношения к этническим особенностям (стр. 81), что в ней отражаются не этнические, а культурные традиции. На стр. 92 читаем: «Учет этих факторов (социально-экономических, почвенно-климатических и др.—Л. С.) в агроэтнографических исследованиях позволит по достоинству оценить значение и степень влияния тех причин (?! — Л. С.), которые столь часто называют этническими, и которые отражают лишь устойчивое бытование культурной, а не этнической традиции у тех или других групп населения, традиции, являющейся формой закрепления рациональной, практической деятельности человека». При сопоставлении цитат отчетливо выявляется их противоречивость, так как получается, что сельскохозяйственная техника — это область народной культуры, не имеющая ничего общего с этносом, т. е. с народом, а являющаяся результатом культурных традиций.

К культурным традициям авторы относят особенности орудий труда, пищи, покроя одежды, конструкции жилища, к этническим — керамику, орнамент, обряды, фольклор. Культурная традиция, по мнению авторов, и, видимо, в противовес этнической является формой закрепления рациональной, практической деятельности человека.

² «Сов. этнография», 1959, № 1, стр. 41.

³ «Народы Европейской части СССР», т. I, М., 1964, стр. 167—169.

⁴ «Русские (Историко-этнографический атлас)» (в печати), стр. 32.

⁵ Там же.

Заметим, что разделение на этнические и культурные традиции на не кажется сколько-нибудь аргументированным и вообще оправданным, к чему мы еще вернемся несколько ниже. Авторы обсуждаемой статьи придерживаются на этот счет другого мнения и объявляют об отсутствии этнических признаков в пахотных орудиях, а также, как они даются, и в других сторонах материальной культуры — жилище, одежда, режим питания (стр. 92).

По отношению к сельскохозяйственным орудиям эта мысль довольно определенно выражена в следующем абзаце: «Соха-цапулька и саба не схожи не потому, что употреблялись разными этническими группировками, а потому, что выполняли совершенно различные технологические функции» (стр. 82).

Отрицание национальной основы сельскохозяйственных орудий является новым. Об этом говорилось еще 30 лет назад и даже в более язвительной форме. Так, критикуя работу Д. К. Зеленина «Русская соха и ее виды», П. Н. Третьяков писал: «Бесчисленное многообразие форм сохи является, по Зеленину, также фактом позднейшего порядка, вытекающим из „недремлющего ума“ русского крестьянина-землепашца, изыскивающего все время лучшее устройство пахущего орудия, отвечающего тем или иным конкретным условиям. Индо-европейская, формалистическая подоплека этой схемы совершенно ясна, если даже опустить многочисленные высказывания Д. К. Зеленина относительно русской национальной культуры, продуктом которой будто бы и является соха... Происхождение сохи следует искать в подсечном земледелии, форме хозяйства, не связанной ни с какой национальной культурой»⁶.

Разительное сходство этих положений бросается в глаза, хотя автор обсуждаемой статьи и не столь последователен в своих взглядах. На первый взгляд представляется, что при наличии предшественников по выдвигаемой идее авторам не следовало бы ограничиваться простым ее воспроизведением. Читатель вправе ждать какой-то системы доказательств в пользу выдвигаемого положения, хотя бы объяснения, например, почему соха возникла на территории расселения русских и даже получила название «русская соха». Несмотря на многообразие ее видов, их приспособленность к определенным микроклиматическим и почвенным условиям, в ней, действительно, прослеживается общая схема развития.

Конечно, соха возникла вследствие определенных почвенно-климатических и социально-экономических условий, но на территории расселения определенной этнической общности, и впоследствии была заимствована другими этническими группами с переходом их к земледелию. Об этом свидетельствует и терминология — названия орудия и его отдельных частей, — например, у народов Поволжья.

В статье Г. Г. Громсза и Ю. Ф. Новикова утверждается, что этнографы меньше занимаются изучением орудий для характеристики хозяйственного быта и в большей степени «изучают конструктивное своеобразие орудий земледелия, ареалы распространения этих своеобразных черт и связанные с этим проблемы культурных взаимовлияний, миграций этнических групп и т. д. и т. п.» (стр. 81). Это утверждение также не совсем верно. В работах советских этнографов первый аспект представлен более полно, чем второй. Об этом свидетельствуют вышедшие в свет тома серии «Народы мира» и этнографические монографии. Такая направленность вытекает из принципов комплексного изучения традиционной и современной культуры народа, который принят в советской этно-

⁶ П. Н. Третьяков, Подсечное земледелие в Восточной Европе. «Известия ГАИМК», т. XIV, вып. 1, М.—Л., 1932, стр. 25.

графии. Советские этнографы исходят из того, что хозяйственная жизнь того или иного народа или этнографической группы, в том числе и характер сельскохозяйственной техники, является важным показателем развития производительных сил. Поэтому изучение этих вопросов проводится не только комплексно, но и в историческом разрезе, что позволяет правильно понять те изменения, которые происходят у различных народов в определенные исторические периоды и в различных местностях. Этнографы руководствуются при этом указанием В. И. Ленина о том, что «земледелие в Калужской губернии не то, что в Казанской... Не учитывать во всех этих вопросах местных отличий значило бы впасть в бюрократический централизм...»⁷.

С такими же критериями этнографы подходят и к изучению современности, стремясь проследить определенные процессы в развитии культуры.

Второй аспект, который кажется авторам преобладающим в этнографических исследованиях, представлен в них значительно слабее.

Следовало бы говорить о необходимости развертывания обоих направлений в работах советских этнографов, так как неразработанность их делает затруднительной и в известной степени малозффективной полемику по этим вопросам. Проведенные работы имеют еще фрагментарный характер как в тематическом отношении, так и по охвату территории.

Вероятно, неразработанность вопроса повинна в том, что авторы обсуждаемой статьи строят свои доказательства на отдельных примерах, а не на совокупности фактов. Очевидно, что до тех пор, пока доказательства будут базироваться на отдельных примерах, что неизбежно при современном уровне изученности вопроса, выводы вряд ли можно будет назвать бесспорными.

О недостаточном внимании этнографов к разработке этой тематики говорит и число работ, на которые ссылаются авторы статьи: всего несколько названий (включая и тезисы докладов) — и это почти за тридцатилетний период (с 1938 г.).

Правда, при таком небольшом числе работ, которые находились в поле зрения авторов, можно было ожидать более внимательного их прочтения или объяснения мотивов критики.

Так, в тезисах Н. Н. Чебоксарова (названных в первой по порядку ссылке не совсем точно) говорится, что различия в орудиях выделяемых трех подобластей на территории Прибалтики обуславливаются «разными причинами — неравномерностью темпов социально-экономического развития, особенностями естественно-географических условий и, наконец, исторически сложившимися этническими традициями, частично восходящими к глубокой древности — к периоду первобытнообщинного строя»⁸. При характеристике каждой подзоны автор также останавливается на конкретных социально-экономических и естественно-географических условиях, на защиту которых встают Г. Г. Громов и Ю. Ф. Новиков.

Далее в тезисах указывается, что границы между подобластями, «не совпадая ни с современными, ни с позднефеодальными этническими границами, отражают, в известной степени, более раннее размещение основных племенных групп населения Прибалтики, существовавшее до обра-

⁷ В. И. Ленин, О двойном подчинении и законности, Собр. соч., т. 33, стр. 327.

⁸ Н. Н. Чебоксаров, Основные итоги работ Прибалтийской этнографо-антропологической экспедиции 1954 г., «Тезисы докладов на сессии Отделения исторических наук, на пленуме Института истории материальной культуры и сессии Ученого совета Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, посвященных итогам археологических и этнографических исследований 1954 года», М., 1955, стр. 19.

зования литовской, латышской и эстонской народностей»⁹. Видимо, это положение и упоминание об этнических традициях и квалифицируется в обсуждаемой статье как «упрощенная схема развития истории земледельческой техники» (стр. 81), хотя авторы и не говорят, почему столь одиозно такое сопоставление, раз совпадение на самом деле имеет место.

Из крупных работ Г. Г. Громов и Ю. Ф. Новиков упоминают лишь книгу П. И. Кушнера «Этнические территории и этнические границы», что следует считать, однако, недоразумением. Думается, что П. И. Кушнеру менее всего можно адресовать упрек в том, что он якобы следует «проторенной дорогой формально-типологических классификаций» (стр. 81).

На наш взгляд, гибкость в использовании этнических определителей — одна из основных особенностей книги П. И. Кушнера, которая никак не может быть отнесена к разряду формалистических. В работе выделены главные и второстепенные признаки для определения этнических общностей: к первым отнесен язык, ко вторым — некоторые стороны материальной культуры, однако сельскохозяйственная техника в этом разделе книги не рассматривается (стр. 8—9). Далее говорится об использовании в качестве этнических определителей таких данных, как этническое происхождение, топонимика, археологические источники (стр. 9—10); в то же время большинство явлений духовной культуры рассматриваются как неустойчивые и потому малодоказательные для установления этнических различий (стр. 9). По мнению П. И. Кушнера, не содержание, а форма культуры хранит этнические, народные, национальные черты (стр. 7).

Не привлекается сельскохозяйственная техника и во второй части исследования, посвященной этническому прошлому народов Прибалтики. Раздел этой части книги, в котором используются этнографические данные, называется «Географическое распространение западно-литовского жилища, национальной одежды и орнамента в Восточной Пруссии в начале XX в.» и полностью соответствует своему названию. Лишь в главе «Археологические источники, касающиеся истории древнейшего населения юго-восточной Прибалтики» приводятся все вещественные памятники по археологическим материалам (в том числе и отдельные части орудий), как это принято у археологов.

Ссылаясь на П. И. Кушнера, авторы пишут: «В подобных работах орудия земледельческого производства ставятся в один ряд с типом бытующей в данной этнической области керамики, с характером орнаментов на одежде, с такими явлениями, как обрядность, фольклор и пр.» (стр. 81). Как уже отмечалось, в работе П. И. Кушнера современная сельскохозяйственная техника не рассматривается; оценка фольклора и обрядности как этнических определителей также противоположна той, которую предлагают Г. Г. Громов и Ю. Ф. Новиков. Это, к сожалению, не единственная неточность в статье. Такое отношение к источникам, тем более со стороны этнографов и в этнографическом журнале, крайне удивляет.

Мы вовсе не хотим сказать, что работы советских этнографов лишены недостатков и не подлежат критике (в том числе и в отношении учета тех факторов, о которых идет речь в статье Г. Г. Громова и Ю. Ф. Новикова). Возможно, в отдельных случаях не полностью учитываются эти факторы или же это делается недостаточно убедительно. Детальный анализ этих, на первый взгляд общеизвестных, положений иногда вы-

⁹ Н. Н. Чебоксаров, Указ. раб., стр. 21.

падает из поля зрения исследователей. Не лишена таких недостатков и обсуждаемая статья Г. Г. Громова и Ю. Ф. Новикова. Необходимость исторического подхода в ней, по существу, лишь декларируется, некоторые положения статьи демонстрируют как раз отсутствие такого подхода.

Изложение ведется по принципу единого потока, без учета исторических периодов, естественно-географических и социально-экономических условий. Приводимые примеры относятся к различным историческим эпохам, к разным странам и народам, к различным природным, климатическим и географическим зонам (Китай, Англия, Россия, долина Тигра и Евфрата и т. д.). Так, на стр. 90 читаем: «Если с помощью мотыги земледелец может обработать не более пяти сотых га, то, включив в этот процесс силу животных, он может обработать до одного га». Авторы не уточняют, на каких данных основано их утверждение, о каком времени, каких почвах и орудиях идет речь, хотя совершенно ясно, что оно не является универсальным.

Так же безотносительно ко времени и территории говорится, что степная залежная система существовала одновременно с подсечной, и т. д. Лаконизм и категоричность суждений наряду с отсутствием учета тех факторов, на важности которых справедливо настаивают авторы, приводят их иногда к неправильным формулировкам. Так, они пишут: «Подсечная система не могла развиваться в степных зонах, при относительно засушливом климате» (стр. 86). То обстоятельство, что в степях отсутствуют леса, на сведения которых базируется подсечная система, совершенно не смущает авторов.

Характер обсуждаемой статьи несколько необычен: очевидные и признанные положения объявляются спорными, а действительно спорные приводятся как само собой разумеющиеся, без всяких доказательств. К ним прежде всего относится предлагаемое авторами разделение на этнические и культурные традиции, уже упоминавшееся выше. Такое разделение нам не кажется плодотворным. Наличие социально-экономической опричиненности явлений еще не может служить основанием для отрицания их этнических особенностей.

Распространенность одних и тех же орудий у различных этнических общностей в разных природно-экономических условиях, как и смена одних орудий другими, не может рассматриваться как доказательство отсутствия их этнической принадлежности. При переселениях те или иные этнические общности приходят на новое место не с голыми руками, чтобы здесь изобретать все заново, а, как правило, с имеющимися у них орудиями или навыками их изготовления. В зависимости от конкретных условий эти орудия используются так же, как на прежнем месте, видоизменяются или же заменяются другими. Впрочем, сведения такого рода можно найти и в статье Г. Г. Громова и Ю. Ф. Новикова, которые пишут: «С появлением европейцев в Центральной и Южной Америке сложилась смешанная система, когда предпосевная обработка полей под кукурузу производилась „плужным“ методом, а дальнейший уход за растениями — с помощью мотыги» (стр. 85). Следовательно, плужный метод был занесен сюда европейцами и привился здесь, несмотря на иные условия и другие культуры.

Переселяясь на новые места, русские крестьяне действительно нередко отказывались от традиционных, привезенных с собой орудий, хотя и не ранее, чем убеждались в их неприспособленности к местным условиям. Однако и в местах исконного расселения русских в определенные периоды происходит замена одних орудий другими. Так, в конце XIX в. в связи с развитием капитализма в стране смена орудий происходит

особенно быстро, сфера действия одних орудий, как например плугов, расширяется, применение других орудий, например сох, суживается.

Этнические традиции обладают значительной устойчивостью. Однако с течением времени они изменяются, что нельзя не признать, если исходить из фактов и руководствоваться диалектическим методом. Поэтому фиксация этнических признаков на определенный исторический период представляет несомненную ценность и должна входить в задачи этнографических исследований.

Таким образом, новым, но, несомненно, спорным в статье Г. Г. Громова и Ю. Ф. Новикова является отделение этнических традиций от культурных. В то же время в статье нет никаких сведений о том, чем характеризуются, откуда берутся и чем обуславливаются, по мнению авторов, этнические традиции. Все эти вопросы представляют значительный интерес для дискуссии. Но в ее основу следовало бы положить систему доказательств, которая, на наш взгляд, отсутствует в обсуждаемой статье.

SUMMARY

G. G. Gromov and Yu. F. Novikov raise in their article (in «Sovietskaya Ethnografia» 1967, № 1) some important problems connected with the ethnographic studies in agricultural techniques. They correctly draw particular attention to the influence on agricultural tools of climatic, social, economic, and other factors. But some of the authors' theses appear dubious or poorly motivated. The main conclusions of Novikov and Gromov are based on their distinction of ethnic and cultural traditions. But this separation of concepts is done without any factual substantiation or proof; this makes their conclusions less convincing than it might otherwise have been.

М. В. Крюков

О СООТНОШЕНИИ РОДОВОЙ И ПАТРОНИМИЧЕСКОЙ (КЛАНОВОЙ) ОРГАНИЗАЦИИ

(К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА) *

За последние годы в советской исторической науке заметно оживился интерес к теоретическим проблемам рода, исторической эволюции родовых институтов и их соотношения с другими формами социальной организации. Это обстоятельство отнюдь не случайно. Непрерывное накопление этнографического материала по различным народам мира, находящимся или находившимся в недавнем прошлом на этапе родового строя, а также результаты изучения древнейших письменных, в первую очередь древневосточных, памятников позволяют сейчас более или менее конкретно исследовать многие аспекты истории родовой организации, которые во времена Моргана могли быть освещены лишь в самом общем виде. Тем не менее многое в понимании истории рода продолжает оставаться дискуссионным. Противоречивые мнения высказываются по вопросу об историческом соотношении рода и племени, рода и семьи, рода и общины. Нет единства во взглядах и на сущность самого понятия «род».

1

В большинстве работ, в которых в той или иной связи затрагивается проблема рода, авторы пользуются термином «род», не давая его определения. Но в тех случаях, когда такие определения приводятся, они не всегда оказываются идентичными.

Так, Ю. А. Сем пишет, что «под родом в советской исторической науке понимается основная общественно-экономическая ячейка первобытнообщинного строя, объединяющая коллектив кровных родственников, связанных общими хозяйственными, общественными и культовыми узами»¹. В этом определении экономическая общность рассматривается как один из органических признаков рода. Отсюда с очевидной закономерностью вытекает, что, по мнению данного автора, род как таковой перестает существовать, как только экономическая общность членов рода распадается. В отличие от этого, Б. О. Долгих пишет, что «родом мы считаем экзогамную группу родственников эпохи родо-племенного строя, верящих в общее свое происхождение, имеющих свое название и связанных обычно рядом прав, обязанностей и традиций»². Здесь един-

---

* Публикуя в дискуссионном порядке статью М. В. Крюкова, редакция надеется получить отклики читателей как по существу поднимаемых в ней проблем, так и относительно правомерности предлагаемой автором замены термина «патронимия» термином «клан». — *Ред.*

¹ Ю. А. Сем, Родовая организация нанайцев (XVII — начало XIX в.), Л., 1959, стр. 10.

² Б. О. Долгих, Род, фратрия, племя у народов Северной Сибири, М., 1964, стр. 1—2.

ство хозяйственной жизни рода не рассматривается как необходимый признак этой формы социальной организации; поэтому, в частности, автор констатирует наличие в XVIII—XIX вв. родов у нганасан, эвенков, юкагиров и других народов Сибири, хотя эти роды не имели каких-либо хозяйственных функций³. Наконец, Н. А. Бутинов полагает, что род в силу закона экзогамии никогда не был и не мог быть экономической единицей⁴.

Учитывая тот факт, что род на протяжении своей истории претерпел существенную эволюцию, некоторые исследователи предпринимают попытку дать характеристику родовой организации на разных этапах ее развития. Ю. И. Семенов, например, выделяет несколько этапов развития рода и предлагает специальные термины для обозначения рода, находящегося на том или ином этапе⁵, но при этом общего определения рода, в отличие от других форм социальной организации, этим автором предложено не было. Очевидно, что при решении вопроса об определении понятия «род» необходимо учитывать как эволюцию рода, так и то общее, что остается характерным для него на всем протяжении его истории. «В силу этого,— отмечает М. О. Косвен,— в результате всех существующих попыток дать определение рода остается единственно правильным и адекватным определение его как совокупности всех родственников, ведущих происхождение от общего предка»⁶. Такое определение рода, правильно выражая его существо, является, однако, недостаточно полным, так как не включает указания на некоторые основные черты этого социального института. Л. Г. Морган давал, как известно, другую, более развернутую характеристику рода, определяя его как «совокупность кровных родственников, происходящих от одного общего предка, отличающихся особым родовым именем и связанных узами крови»⁷. Исходя из этого, мы можем, по-видимому, определить род как экзогамный коллектив, представляющий собой совокупность кровных родственников, ведущих происхождение от общего предка и носящих общее родовое (тотемное) имя.

Анализируя родовую организацию в ее двух исторических формах — материнской и отцовской, Морган, как известно, обозначал их одним и тем же термином: генс (gens). Впоследствии наметилась тенденция к употреблению различных терминов (gens и clan) для обозначения материнского и отцовского рода. Позднее в английской этнографической школе общеупотребительным термином для обозначения понятия «род» стал клан. Р. Лоуи, напротив, предложил пользоваться новым термином — «сиб» (sib), который затем прочно вошел в американскую научную литературу. Что касается русской терминологии, то в конце XIX — начале XX в. для нее было характерно употребление терминов «клан» и «генс» как полных синонимов наряду со славянским термином «род», который впоследствии вытеснил оба заимствованных слова. Тенденция к расширительному толкованию одного термина, служащего для обозначения двух исторических форм рода, объективно способствовала тому, что этот термин стал применяться также и к различным по своему характеру социальным институтам, отличающимся от рода в собственном

³ Б. О. Долгих, Указ. раб., стр. 7.

⁴ Н. А. Бутинов, Происхождение и этнический состав коренного населения Новой Гвинеи, в кн. «Проблемы истории и этнографии народов Австралии, Новой Гвинеи и Гавайских островов», Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия (далее ТИЭ) LXXX, М.—Л., 1962, стр. 181.

⁵ Ю. И. Семенов, О периодизации первобытной истории, «Сов. этнография», 1965, № 5, стр. 74—93.

⁶ М. О. Косвен, Семейная община и патронимия, М., 1963, стр. 119.

⁷ Л. Г. Морган, Древнее общество, Л., 1934, стр. 38.

смысле слова. Своеобразной реакцией на это были попытки некоторых исследователей поставить вопрос об отказе от самого понятия «род» ввиду его крайней неопределенности⁸.

Одним из наиболее распространенных проявлений такого неопределенно-расширительного употребления термина «род» является отождествление рода и большой семьи. Ф. Энгельс подчеркивал значение вывода Л. Моргана о том, что род не может состоять из семей, так как в силу экзогамии «муж и жена неизбежно принадлежат к двум различным родам»⁹; на недопустимость смешения понятий «род» и «семья» со всей определенностью указывал один из первых русских популяризаторов учения К. Маркса в России Н. И. Зибер¹⁰. И тем не менее в исследованиях последнего времени приходится сталкиваться с утверждениями о том, что род у того или иного народа состоит из семей¹¹. Возвращает ли это нас ко времени Нибура и Моммзена, которые, по словам Энгельса, не справились с вопросом о римском гене, так как видели в нем группу семей? Или же эти выводы означают, что выдвинутое Л. Морганом понимание сущности рода устарело и должно быть заменено новым?¹². По-видимому, утверждения о том, что род может состоять из семей, являются следствием объективного факта существования такой формы социальной организации, которая обнаруживает внешнее сходство с родом, но в то же время базируется на принципах, лежащих в основе большой семьи. Таким образом, за род ошибочно принимается институт, относящийся к третьему, самостоятельному типу социальной организации.

Одним из первых к пониманию этого фактора пришел известный английский этнограф Р. Фёрт. Изучая социальную организацию на о. Тикопия в Полинезии, Фёрт пользовался для ее обозначения традиционным термином «клан» (clan), хотя вынужден был признать, что ему пришлось иметь дело с формой социальной структуры, существенно отличающейся от того, что обычно понимается под этим термином¹³. Исходя из основной особенности «клана» на о. Тикопия, заключающейся в непрерывной сегментации первоначальной группы на более мелкие подразделения в соответствии с разграничением прямой и боковых линий родства, Р. Фёрт предложил специальный термин «гамате», выражающий эту идею сегментации, ветвления.

Р. Фёрт впервые дал характеристику родственных групп этого типа, основные черты которых могут быть сведены к следующему: 1) сходство с генеалогическим деревом, разрастающимся по мере ветвления ствола; 2) иерархическое соподчинение входящих в гамате ячеек; 3) домохозяйство как основная ячейка внутри группы; 4) каждая такая группа в принципе локализована¹⁴.

⁸ А. Н. Максимов, Теория родового быта, СПб., 1913.

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 102.

¹⁰ Н. И. Зибер, Избранные экономические произведения, М., 1959, т. 2, стр. 273.

¹¹ Л. А. Файнберг, О формах социальной организации индейцев северо-западной части бассейна Амазонки в конце XIX — начале XX в., в кн. «Американский этнографический сборник», ТИЭ, т. VIII, М.—Л., 1960, стр. 136—138; Б. О. Долгих, Указ. раб., стр. 3; И. М. Дьяконов, К проблеме общины на Древнем Востоке, «Вестник древней истории», 1964, № 4, стр. 74—80 и др.

¹² Б. О. Долгих поясняет, что, по его мнению, моргановское определение рода имеет отношение к архаическому, материнскому, роду, в отличие от которого поздний, патриархальный род состоит из семей. Такое толкование, однако, не может быть принято, так как свое определение рода Морган дает в связи с анализом римского генса, который характеризуется им как патриархальный род.

¹³ R. Firth, We, the Tikopia, London, 1938, pp. 344—372.

¹⁴ Там же.

Существенный шаг вперед в характеристике этого особого типа социальной организации был сделан Дж. Мёрдоком. По мнению Мёрдока, следует различать три типа родственных групп: «родственные группы, связанные общностью проживания» (*residential kin groups*) — к ним он относит семью (в том числе большую семью); «кровнородственные группы» (*consanguineal kin groups*), включающие род и его подразделения; и, наконец, «промежуточные родственные группы» (*comprromise kin groups*), к которым Дж. Мёрдок относит «социальные группы, состоящие из нескольких домохозяйств, главы которых ведут происхождение от общего предка»¹⁵. Такие социальные группы, которые Дж. Мёрдок предлагает называть «кланами» (в отличие от рода — *sib*), характеризуются, по его мнению, следующими особенностями: однолинейность счета родства; территориальное единство (клан совпадает с локальной группой); существование социальной интеграции внутри клана (такая социальная группа представляет собой не механическую сумму независимых друг от друга семей, а предполагает определенную систему их соподчинения)¹⁶.

По словам Дж. Мёрдока, к пониманию факта существования трех типов социальной организации был близок Р. Лоуи, который тем не менее не сформулировал этого вывода. Но заслуга открытия этого третьего типа родственной организации, внешне напоминающего патриархальный род и ошибочно принимаемого за таковой многими исследователями, не принадлежит также и самому Дж. Мёрдоку. Социальная форма того типа, который назван Дж. Мёрдоком «кланом», была впервые изучена и описана М. О. Косвенем еще в 1931 г. под наименованием «патронимии»¹⁷; под этим названием она и вошла в советскую этнографическую литературу. Согласно определению М. О. Косвена, «патронимия» представляет собой группу больших или малых семей, образовавшихся в результате разрастания и сегментации одной патриархальной семейной общины, сохраняющих в той или иной мере и форме хозяйственное, общественное и идеологическое единство и носящих общее патронимическое, т. е. образованное от собственного имени главы разделившейся семьи, наименование¹⁸. Это определение в основе своей аналогично характеристике «клана», данной Дж. Мёрдоком. Несмотря на то, что точка зрения М. О. Косвена на историческое место «патронимии» принципиально отличается от концепции Дж. Мёрдока¹⁹, тем не менее представляется весьма показательным тот факт, что эти два этнографа, стоящие на различных теоретических и методологических позициях, независимо друг от друга пришли к выводу о реальном существовании в истории общества такой социальной формы, которая до недавнего времени не выделялась исследователями.

Этнографические исследования последующих лет позволили выявить патронимическую организацию у многих современных народов мира — финно-угорских, славянских, тюркских, арабских; на Кавказе, в Сибири, у индейцев в Северной Америке и т. д.²⁰. Существование патронимической организации прослеживается также по данным древних и средневековых письменных источников: А. Я. Гуревич выявил ее в

¹⁵ G. P. Murdock, *Social structure*, New York, 1949, p. 68.

¹⁶ Там же.

¹⁷ М. О. Косвен, Распад родового строя у удмуртов, «Уч. зап. Научно-исследовательского института народов Советского Востока», вып. 11, М., 1931.

¹⁸ М. О. Косвен, Семейная община и патронимия, стр. 37.

¹⁹ Там же, стр. 119; G. P. Murdock, Указ. раб., 74.

²⁰ Библиографию см.: М. О. Косвен, Семейная община и патронимия, стр. 94—96.

раннесредневековой Норвегии²¹, Л. В. Данилова — в Новгороде XIV—XV вв.²², М. О. Косвен — у древних германцев и древних славян²³, Е. М. Медведев — в древней Индии²⁴, Л. С. Переломов — в древнем Китае²⁵ и т. д. В литературе встречаются также указания на то, что патронимическая организация существовала на древнем Ближнем Востоке — в Шумере, Вавилонии, Арратхе, Угарите²⁶. Наконец, большой интерес представляет опыт реконструкции социальных отношений, характерных для патронимической организации, на археологических материалах²⁷.

Однако вместе с тем многие этнографы и историки или вообще отрицают существование патронимической организации как самостоятельного социального института или же считают, что «патронимия» представляет собой второстепенную, сопутствующую форму социальной организации²⁸. В этом отношении характерна и работа Ю. И. Семенова о периодизации первобытной истории, где понятие патронимической организации даже не упомянуто²⁹.

Нередко указывают на неудовлетворительность самого термина «патронимия», предложенного М. О. Косвеном. Это соображение не лишено известных оснований. Слово «патронимия» означает буквально «наименование по отцу» и в этом смысле термин широко употребляется как в советской, так и в зарубежной литературе³⁰. Во избежание терминологической путаницы родственную группу, внешним признаком которой является патронимия в узком смысле слова, следовало бы обозначить специальным термином. Учитывая тот факт, что понятие «патронимия» получило в нашей этнографической литературе достаточно широкое распространение, можно было бы пользоваться им, вводя следующую модификацию: термин «патронимия» употреблять в его буквальном, первоначальном смысле (наследственное имя всех членов родственной группы), а для обозначения этой родственной группы как таковой использовать производный термин, например «патронимическая организация». Однако второй (и гораздо более существенный) недостаток термина «патронимия» заключается в том, что организация рассматриваемого типа существует не только в патрилинейном, но и в матрилинейном варианте (ср. кампуэнг у минангкабау). Совершенно очевидно, что для обозначения матрилинейной группы родственных семей

²¹ А. Я. Гуревич, Большая семья в северо-западной Норвегии в раннее средневековье (по судебнику Фростатинга), «Средние века», VIII, 1956.

²² Л. В. Данилова, Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV—XV вв., М., 1955.

²³ М. О. Косвен, Семейная община и патронимия, стр. 126—132 и 133—167.

²⁴ Е. М. Медведев, Опыт изучения древнеиндийской общины по данным топонимики, в кн. «Индия в древности», М., 1964.

²⁵ Л. С. Переломов, О характере сельской общины в период Хань, «Народы Азии и Африки», 1965, № 1.

²⁶ Н. Б. Янковская, Землевладение большесемейных домовых общин в клинописных источниках, «Вестник древней истории», 1959, № 1; ее же, Общинное самоуправление в Угарите, там же, 1963, № 3; М. Л. Гельцер, Еще раз об общинном самоуправлении в Угарите, там же, 1965, № 2.

²⁷ С. Н. Бибииков, Хозяйственно-экономический комплекс развитого Триполья (опыт изучения первобытной экономики), «Сов. археология», 1965, № 1.

²⁸ Н. Кисляков, ред. на книгу: М. О. Косвен, Семейная община и патронимия, «Сов. этнография», 1965, № 6, стр. 152.

²⁹ Ю. И. Семенов, Указ. раб., стр. 74—93.

³⁰ В качестве примера укажу на авторов, не разделяющих мнения о существовании патронимической организации как специфической социальной формы, но использующих термин «патронимия» в его буквальном смысле: R. Lowie, Primitive Society, London, 1921, pp. 60—69. И. М. Дьяконов, Указ. раб., стр. 76, 78 и т. д.

термин «патронимия», «патронимическая организация» неприменим. Исходя из этих соображений, мы считаем возможным пользоваться для обозначения этого особого типа социальной организации предложенным Дж. Мёрдоком термином «клан», который давно уже не употребляется в советской научной литературе в значении «род».

Следует подчеркнуть, что указание на неудовлетворительность термина «патронимия», разумеется, ни в коей мере не может служить основанием для отрицания самого факта существования этого социального института. Сущность патронимической организации не может измениться от того, будем ли мы называть ее патронимией, пользуясь термином М. О. Косвена, или, следуя за Дж. Мёрдоком, — кланом, или же, наконец, предложим для нее какой-то новый термин. Важно лишь, чтобы терминологическая неточность не приводила к отождествлению принципиально различных типов социальной структуры.

2

Согласно точке зрения, разделяемой большинством советских этнографов, производственные отношения в первобытном обществе совпадали с родовыми отношениями: являясь родовыми по форме, производственные отношения были коммунистическими по содержанию. Соответственно этому коллективная собственность была собственностью материнского рода, первобытной материнско-родовой общины³¹.

Для того чтобы обосновать приведенную точку зрения, по-видимому, недостаточно доказать существование коллективной собственности на основные средства производства. Для этого необходимо установить, что именно род, а не какой-либо иной коллектив, основанный на родственных началах, является основной производственной ячейкой общества. И действительно, этот тезис постулируется многими исследователями в отношении рассматриваемой эпохи: род был единственно существовавшим хозяйственным коллективом, единственной социальной ячейкой общества³².

Однако этнографии не известны народы, живущие материнской родовой общиной. Определение сущности последней представляет собой логическую реконструкцию, которая правомерна лишь при строго определенных условиях. Одним из важнейших таких условий является признание универсальной изначальности дислокального брака. В самом деле, при дислокальности род (экзогамный коллектив кровных родственников) мог полностью совпадать с реальным производственным коллективом. В таких условиях вступление в брак не влекло за собой необходимость для части членов рода покидать свое селение, свою общину. Человек рождался, жил, трудился и умирал в своем роде. Все члены рода и только члены данного рода составляли в своей совокупности единый производственно-экономический коллектив — родовую общину.

Гипотеза о дислокальности первоначального брака получила настолько широкое распространение среди советских этнографов и историков первобытности, что нередко рассматривается почти как аксиома.

³¹ А. И. Першиц, Развитие форм собственности в первобытном обществе как основа периодизации его истории, в кн. «Проблемы истории первобытного общества», ТИЭ, LIV, М.—Л., 1960, стр. 151—172; Ю. П. Аверкиев, Разложение родовой общины и формирование раннеклассовых отношений в обществе индейцев северо-западного побережья Северной Америки, ТИЭ, LXX, М., 1961, стр. 3; Ю. И. Семенов, Указ. раб., стр. 84.

³² Ю. И. Семенов, Указ. раб., стр. 84.

Однако, хотя теория универсальной изначальности дислокального брака и имеет право на существование в качестве гипотезы, она еще требует фактического обоснования и во всяком случае отнюдь не может считаться доказанной.

Указывая на локальность брака как на обстоятельство, решительно препятствующее совпадению рода и общины, мы оставляем за скобками тот основополагающий принцип материалистического истолкования истории общества, согласно которому движущей силой эволюции социальной структуры в конечном счете является развитие производства. Изменение локальности брака, наличие или отсутствие экзогамных запретов сами по себе не могут явиться причиной изменения социальной организации. Однако от той или иной формы локальности брачного поселения зависит, какая именно форма социальной организации возникает на данном уровне производительных сил общества. Так, этнографии известны народы, у которых существует дислокальный брак, но высокий уровень материального производства уже привел к обособлению мелких экономических ячеек внутри общества. У одного из народов Восточной Азии — наси — дислокальность брачного поселения сохранялась до начала 1950-х годов, однако основной социальной единицей и реальной формой общины был у наси не род (иду́му), а подразделение рода (иду́). Эту социальную группу нередко называют большой материнской семьей, что является ошибкой: иду объединяет лишь кровных родственников по материнской линии; мужа в эту группу не входят³³. Таким образом, в силу дислокальности брака на смену более крупным общинным коллективам у наси пришла не большая семья, а подразделение рода.

Иная картина характерна для общества, в котором возросшему уровню производительных сил сопутствует локальность брачного поселения.

В частности, в патрилинейно-родовом обществе, в условиях существования экзогамии и патрилокальности брачного поселения род не мог быть реальным хозяйственным коллективом. При патрилокальном поселении женщина, вступив в брак, остается членом своего рода (и поэтому продолжает носить свое исконное родовое имя³⁴), но принадлежит уже к общине своего мужа, являющегося членом другого рода. Это обстоятельство исключает возможность совпадения рода с хозяйственным коллективом. Поэтому «патриархальная родовая община» (т. е. отцовский род как экономическая ячейка общества) представляет собой искусственное построение, лишенное реальной исторической основы.

Правда, говоря о «патриархальной родовой общине», некоторые авторы ссылаются на данные источников. Так, в своем докладе на дискуссии по проблеме родовой и сельской общины (II Всесоюзная сессия по изучению древнего Востока, Ленинград, 1962 г.) И. М. Дьяконов сформулировал вывод о том, что «существование патриархальной родовой общины не исключает существования соседской; обе общины в условиях натурального хозяйства сосуществуют»³⁵. В ответ на критику этого положения, высказанную М. О. Косвен³⁶, И. М. Дьяконов писал, что спор по существу проблемы будет возможен лишь тогда, когда

³³ А. М. Решетов, Матрилинейная организация у наси (мосо), М., 1964, стр. 1—9.

³⁴ Так, у папуасов племени менди называют жену не по имени, а обращаются к ней как к «женщине из такого-то рода» (см. Н. А. Бутинов, Указ. раб., стр. 181).

³⁵ И. М. Дьяконов, Община на древнем Востоке в работах советских исследователей, «Вестник древней истории», 1963, № 1, стр. 33.

³⁶ М. О. Косвен, К вопросу о древневосточной общине, «Вестник древней истории», 1963, № 4, стр. 30—34.

оппонентом будет предложено какое-либо иное истолкование того огромного фактического материала, на который опирался автор. И. М. Дьяконов подчеркивает, что бесспорные свидетельства источников зафиксировали существование в Аккаде конца III тысячелетия до н. э. и у хурритов II тысячелетия до н. э. «групп лиц, связанных общим происхождением от одного предка по отцовской линии, общим обозначением (патронимия), общим культом и хозяйственно-организационными узами (т. е. то, что вряд ли можно обозначить иначе, как патриархальные роды)»³⁷. Однако, как следует из данных, приведенных самим автором, «патриархальный род» или «патриархальная родовая община», о которых идет речь (ё — в Аккаде, *dimtu* — у хурритов), имеет сложную структуру, в основе которой лежит семья. Это было четко прослежено Н. Б. Янковской на хурритском материале: основой *dimtu* была одна патриархальная большая семья, но в документах встречаются упоминания об объединениях больших семей; такая группа семей и носила первоначально наименование *dimtu* в отличие от отдельной патриархальной семьи³⁸. Таким образом, следует определить *dimtu* не как «группу лиц, связанных общим происхождением», а как группу родственных семей, носящую общее наследственное имя, т. е. как типичную клановую организацию. Многочисленные факты, собранные И. М. Дьяконовым (а он опирался на шумерский, хурритский, угаритский, иранский материал³⁹), доказывают, что в целом ряде древневосточных обществ клан имел определенные хозяйственные функции, являлся субъектом собственности на основное средство производства — землю и выступал как производственно-экономическая единица общества. Эти факты не позволяют нам присоединиться к точке зрения Б. О. Долгих, рассматривающего патронимическую (клановую) организацию как чисто генеалогическую единицу, одну из поздних форм патриархального рода⁴⁰.

3

Точка зрения на клановую организацию как на подразделение рода или результат его «сужения» оказывается совершенно неосновательной, если мы обратимся к тем обществам, в которых можно отчетливо проследить сосуществование этих двух форм социальной организации⁴¹.

Некоторые примеры подобного сосуществования и противопоставления родовой и клановой организации были приведены Дж. Мёрдоком, который пришел к выводу о разграничении функций между родом и кланом: клан выполняет экономические, политические, военные функции; род играет ведущую роль в сфере религиозных церемоний, он регулирует брачные отношения и определяет право наследования⁴².

Убедительный пример сосуществования рода и клана дает нам древнекитайское общество начала I тысячелетия до н. э. В источниках этого времени мы находим свидетельства существования родственных групп двух типов, носящих наследственные имена *син* и *ши* соответственно. Согласно распространенному мнению, *ши* представляет собой подраз-

³⁷ И. М. Дьяконов, К проблеме общины на древнем Востоке, стр. 76.

³⁸ Н. Б. Янковская, Землевладение большесемейных домовых общин в клинописных источниках, стр. 43.

³⁹ И. М. Дьяконов, Община на древнем Востоке в трудах советских исследователей, стр. 25.

⁴⁰ Б. О. Долгих, Род, фратрия, племя у народов Северной Сибири, стр. 3.

⁴¹ О важности фиксации тех случаев, когда род и клан («патронимия») — сосуществуют друг с другом см.: А. И. Першиц, Патронимия у арабов, «Краткие сообщения Ин-та этнографии», 1951, XIII, стр. 32.

⁴² G. P. Murdoch, Указ. раб., р. 73.

деление *син*; так, С. А. Токарев определяет *ши* как родовое имя, а *син* — как более крупную родовую группу»⁴³. Однако с этой точки зрения оказывается невозможным объяснить тот факт, что, по данным источников, люди одного *ши*, но разных *син* могли вступать в брак, а люди одного *син*, но разных *ши* вступать в брак не могли. По-видимому, есть основания предполагать коренное различие в структуре тех коллективов, которые обозначались в древнем Китае наследственными наименованиями *син* и *ши*. Учитывая то, что *син* по своему происхождению, несомненно, имеет тотемный характер, а *ши*, как правило, восходит к реальному историческому предку, мы предложили толкование *син* как родового имени, а *ши* — как патронимии в буквальном смысле слова⁴⁴. Что касается той социальной группы, которая носила патронимию *ши*, то она представляла собой группу соподчиненных родственных семей.

В условиях патрилокальности и экзогамии в древнекитайском обществе I тысячелетия до н. э. род *син* не совпадал и не мог совпадать с общиной, т. е. не был и не мог быть реальным производственным коллективом, хозяйственной ячейкой общества. Но, будучи делокализован и не выполняя в силу этого каких-либо хозяйственных функций, род *син* в полной мере сохранял роль регулятора брачных отношений. Основной социальной единицей являлся клан *цзунцзу*.

Цзунцзу обнаруживает внешнее сходство с патриархальным родом *син*: как род *син*, так и *цзунцзу* однолинейны, а именно — ведут счет родства по отцовской линии; как род *син*, так и *цзунцзу* экзогамны; как род *син*, так и *цзунцзу* представляют собой весьма широкие социальные группы, основанные на отношениях родства.

Вместе с тем по своему существу эти два типа социальной организации коренным образом отличаются друг от друга.

1. *Цзунцзу* возникает как определенное территориальное и общественное единство; род *син*, будучи делокализован, не мог быть территориальной единицей и его функции ограничивались сферой культа и регулирования брачных отношений.

2. Родственные отношения, связывавшие членов *цзунцзу*, по своему характеру принципиально отличались от отношений между членами рода. Принадлежность к роду обуславливалась кровным (когнатным) родством, тогда как в основе *цзунцзу* лежали отношения, соответствующие понятию *agnatio* в римском праве: «агнатическими родственниками признавались лица, состоящие под общей отцовской властью..., а также лица, которые состояли бы под общей властью, если бы их общий родоначальник находился еще в живых»⁴⁵. Отличие агнатного родства от когнатного заключается прежде всего в том, что само по себе кровное родство еще недостаточно для возникновения агнатных отношений (так, боковой потомок, отделившийся от первоначальной *цзунцзу*, продолжает быть кровным родственником своего предка, но перестает быть его агнатом). Далее, агнатное родство охватывает не только кровных родственников: жена становится членом *цзунцзу* своего мужа, хотя она продолжает сохранять принадлежность к своему роду *оин* и остается когнаткой своего отца.

3. Существенным отличием рода от *цзунцзу* является то, что в последней всегда существовала внутренняя стратификация, иерархия входящих в нее ячеек. Внутри *цзунцзу*, как правило, выделялась старшая линия (прямые потомки предка-основателя) и несколько боковых. Та-

⁴³ С. А. Токарев, Религия в истории народов мира, М., 1964, стр. 23.

⁴⁴ М. V. Круглов, Hsing and shih, «Archiv Orientalny», 1966, No 4, p. 544, 547.

⁴⁵ Д. Д. Гримм, Лекции по догме римского права, Петроград, 1916, стр. 37.

кое ветвление линий родства находит отражение в метафорическом обозначении цзунцзу как «ветвей и листьев», часто встречающемся в древне-некитайских источниках⁴⁶. В то же время принадлежность к роду не предполагает заведомо неравноправного положения сородичей, иерархического соподчинения⁴⁷.

4. Общее происхождение членов патриархального рода *син* восходит согласно их представлениям, к родовому тотему, что и находит свое выражение в общем родовом имени, тотемом по своему происхождению. Члены цзунцзу являются агнатами исторически достоверного лица и по этому их общее наследственное наименование *ши* происходит от личного имени предка-основателя или от названия его наследственной должности или же, наконец, от названия места первоначального поселения⁴⁸.

Из сказанного видно, что нельзя согласиться ни с отождествлением рода и клана, ни с определением последнего как подразделения рода.

С другой стороны, организация цзунцзу не может быть отождествлена с большой семьей, так как, во-первых, большая семья не может иметь такую сложную внутреннюю структуру, характеризующуюся иерархическим соподчинением входящих в нее ячеек, которая свойственна цзунцзу. И, во-вторых, большая семья может существовать, не делясь лишь сравнительно непродолжительное время — два-три, иногда до пяти поколений; поэтому размеры большой семьи ограничены. Цзунцзу, напротив, может разрастаться и достигать весьма значительных размеров, включая в отдельных случаях до нескольких тысяч человек.

Черты внешнего сходства цзунцзу, с одной стороны, с патриархальным родом, с другой — с большой семьей были причиной того, что один и тот же тип социальной организации определялся одними авторами как род, родовая община⁴⁹, другими же — как большая семья⁵⁰. Древнекитайская цзунцзу отнюдь не является, кстати, единственным примером такого рода⁵¹.

⁴⁶ См., например, J. Legge, Chinese classics, Peiping, 1940, vol. VII, p. 24 VIII, p. 586. Ср. сходную этимологию термина для обозначения организации того же типа на Гавайях — *охана* (см. Д. Д. Тумаркин, Вторжение колонизаторов в «Кр. вечной весны», М., 1964, стр. 21—22).

⁴⁷ Основываясь на этом, П. Кирхгоф в свое время предложил различать два типа социальной организации: первый из них он называет «равноправным родом» (*egalitarian clan*), второй — «книжеским родом» (*conical clan*). P. Kirchhoff, The principles of clanship in human society. «Davidson Anthropological Journal», 1953, vol. 1, p. I—II. Кирхгоф, однако, недостаточно последователен, так как считает возможным отнести оба указанных типа к категории «рода».

⁴⁸ М. В. Крюков, Указ. раб., p. 545—547.

⁴⁹ См. Ван Юй-чжэ, Очерки древней истории Китая, Шанхай, 1959, стр. 150 (на кит. яз.); Хань Го-пань, Исследование экономики Северных династий, Шанхай, 1958, стр. 32 (на кит. яз.) и др.

⁵⁰ Хуан Цзы-тун, Является ли система цзунфа и сословное деление особностью феодального строя, «Бэйцзин дасюэ сюэбао», 1957, № 1, стр. 101—102 (на кит. яз.).

⁵¹ Достаточно напомнить основные точки зрения, высказывавшиеся по поводу сути родности дагестанского тухума. М. М. Ковалевский определял тухум как род, подобный ирокезскому (М. М. Ковалевский, Закон и обычай на Кавказе, т. 2, М., 1899, стр. 147); в противоположность ему, советский этнограф Р. М. Магомедов утверждал, что под дагестанским тухумом следует понимать не род, а семейную общину, патриархальную большую семью (Р. М. Магомедов, К вопросу о семейной общине в Дагестане, «Труды 2-й научной сессии Дагестанской научно-исслед. базы АН», Махакала, 1949, стр. 85). Однако более внимательное изучение этой общественной группы позволило сделать вывод о том, что тухум не был ни родовой, ни семейной общиной и представлял собой разновидность «патронимической» организации (С. Гаджиев, К вопросу о тухуме и большой семье у киякентских кумыков, «Краткие сообщения Института этнографии», XIV, 1952, стр. 78).

Древнекитайские источники I тысячелетия до н. э., в которых содержатся отчетливые указания на сосуществование и противопоставление патриархального рода *син* и патриклана *цзунцзу*, позволяют хотя бы в общей форме ответить на вопрос о структурном и историческом соотношении этих двух форм социальной организации. Нельзя согласиться с формулировкой М. О. Косвена, согласно которой «родственные патронимии образуют в совокупности патриархальный род»⁵². Действительно, в каждом клане есть группа лиц (а именно женщин, приходящих из других кланов в силу закона экзогамии), которые не относятся к роду основателя данного клана. Объясняется это тем, что экзогамия клановой группы «перекрывается» родовой экзогамией (члены различных кланов, основанных выходцами из одного рода, не могли вступать между собою в брак). На этом основании можно сказать, что патриархальный род состоит из групп кровных родственников, составляющих ядра родственных кланов⁵³. Поэтому ошибочным является не только отождествление клана и рода, но и их полное стадияльное противопоставление⁵⁴.

Однако сосуществование родовой и клановой организации — явление историческое. Первоначально сосуществуя с родом, клан переживает его и продолжает существовать и после разложения родовых связей. Этот этап истории клановой организации также может быть прослежен на данных древнекитайских источников. В IV—V вв. до н. э. род *син* окончательно распадается. Родовые имена утрачивают свое прежнее значение и постепенно забываются; патронимии *ши* постепенно превращаются в фамилии⁵⁵. Разложение родовых связей приводит к тому, что члены кланов утрачивают представление о принадлежности к определенному *син*. Экзогамия рода полностью вытесняется экзогамией *цзунцзу*⁵⁶.

Изучение социальной организации древнекитайского общества свидетельствует о неосновательности концепции Дж. Мердока относительно того, что клан исторически предшествует возникновению рода; явно противоречит данным источников и его утверждение о том, будто пример китайского общества опровергает положение о разложении родовой структуры в процессе формирования государства⁵⁷.

Так как распад рода отнюдь не приводит к разложению клана, который исторически переживает род, во многих обществах при сохранении поздних форм клановой организации уже не удастся обнаружить каких бы то ни было следов рода.

Установление принципиальных различий между родом и кланом, а также выяснение исторического соотношения между этими формами социальной организации свидетельствует о том, что игнорирование эво-

⁵² М. О. Косвен, Семейная община и патронимия, стр. 119.

⁵³ В англоязычной литературе такое клановое ядро обычно обозначается термином *lineage*.

⁵⁴ В этом смысле прав Тун Шу-е, когда он возражает как авторам, ставящим знак равенства между *цзунцзу* и родом, так и тем, кто полностью отрывает *цзунцзу* от рода и противопоставляет их стадияльно (Тун Шу-е, О связи между системой *цзунфа* и феодализмом, «Лиши яньцзю», 1957, № 8, стр. 63—66, на кит. яз.).

⁵⁵ Принципиальное отличие фамилии от патронимии заключается в том, что фамилия постоянна и переходит из поколения в поколение, тогда как патронимия периодически изменяется (ср. В. К. Чичагов, Из истории русских имен, отчеств и фамилий, М., 1959, стр. 110—114).

⁵⁶ М. V. Kruikov, Указ. раб., р. 549. *Цзунцзу* на этом этапе развития стадияльно соответствует, в частности, клановая организация *mata rumah* на Амбоне. Структура и социальные функции этой организации четко проанализированы Ф. Кули (F. L. Cooley, Ambonese kin groups, «Ethnology», vol. I, 1962, № 1, p. 102—112).

⁵⁷ G. P. Murdock, Указ. раб., р. 187.

люции клана при рассмотрении вопроса о периодизации первобытного и раннеклассового общества ни в коей мере не может способствовать успешному решению этой сложной проблемы. Именно поэтому, на наш взгляд, представляется недостаточно убедительной предпринятая Ю. И. Семеновым попытка конструирования различных исторических форм рода, свойственных нескольким последовательным этапам в развитии родового общества⁵⁸. Эта гипотеза неудовлетворительна не только потому, что она не основывается на конкретных фактах⁵⁹, но и потому, что, следуя ей, автор вынужден был оставить без объяснения большое количество накопленных в настоящее время этнографических материалов о роли клана в социальной структуре родового и раннеклассового общества.

SUMMARY

The author considers it very important to distinguish between two independent types of social organization though similar in some aspects but quite different structurally and functionally. The first one is known as *sib* (according to R. Lowie's terminology): this is a consanguinal exogamous group bearing a common totemic name and related by some specific duties and rights. The second one, *clan* (after G. Murdock), was isolated for the first time by M. O. Kosven under the term patronymic group; it can be defined as a group of related families formed in the process of ramification and segmentation of a household community preserving some economic, social and ideological unity and distinguished by a common patronymic.

As a result of a study of the essential features of the two institutions the author comes to the conclusion that both the identification of *sib* with *clan* and the definition of the latter as a subdivision of the former are erroneous. The article deals at length with the problem of structural, functional and historical correlation between *sib* and *clan*.

---

⁵⁸ Ю. И. Семенов, Указ. раб. стр. 74—93.

⁵⁹ Характеризуя род на разных стадиях его развития, автор не приводит ни одного примера реального бытования описываемых им социальных институтов.

И. И. Гохман

К ВОПРОСУ ОБ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ ДРЕВНИХ СКОТОВОДОВ ЗАБАЙКАЛЬЯ

Памятники позднего бронзового и начала железного века в Забайкалье и Монголии хорошо известны по величественным и своеобразным погребальным сооружениям, получившим в специальной литературе название плиточных могил. Не случайно на них обратили внимание уже русские путешественники в XVIII в., а первые научные раскопки плиточных могил относятся к началу XIX в.

В настоящее время в Забайкалье изучено более 250 плиточных могил. Известно, что население, оставившее плиточные могилы, жило в степях Забайкалья в VIII—II вв. до н. э., занималось скотоводством и создало самобытную культуру¹.

Древние скотоводы Забайкалья были предшественниками хунну, но вопрос об этнической принадлежности их пока остается открытым. Одни исследователи видят в древних скотоводах Забайкалья загадочных динлинов из старых китайских хроник², другие считают их предками хунну³, третьи полагают, что потомками племен, хоронивших своих умерших в плиточных могилах, были тюркоязычные курыкане — предки современных якутов⁴.

Естественно, что антропологические материалы из плиточных могил представляют большой интерес. К сожалению, они немногочисленны. Известные к настоящему времени семь черепов происходят из раскопок Г. П. Сосновского и А. П. Окладникова в бассейне реки Селенги⁵. Изучение их показало, что древние скотоводы Забайкалья были ярко выраженными монголоидами⁶. Черепа — брахикранные с низким сводом; лицо — умеренной высоты, очень плоское, с широким уплощенным переносьем и слабо выступающими носовыми костями. Описанный комплекс признаков, достаточно отчетливо отличающийся от палеосибирского типа прибайкальского неолита, получил наименование селенгинского типа⁷. Его происхождение хорошо увязывается с наличием идентичных черепов в глазковских могилах Фофановского могильника, расположенного недалеко от Улан-Удэ⁸. Поэтому присланные школьным учителем Р. Н. Ступниковым из с. Оловянное Читинской области два новых хорошо сохранившихся черепа из плиточных могил, раскопанных им недавно вблизи этого поселка, существенный

¹ Н. Н. Диков, Бронзовый век Забайкалья, Улан-Удэ, 1958.

² Г. П. Сосновский, Плиточные могилы Забайкалья, «Труды отдела истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа», т. I, 1941.

³ Л. Н. Гумилев, Хунну, М., 1960.

⁴ Н. Н. Диков, Указ. раб.

⁵ Г. П. Сосновский, Древнейшие виды скотоводства в Прибайкалье, «Изв. Государственной академии истории материальной культуры», 1933; его же, Плиточные могилы Забайкалья; А. П. Окладников, Археологические исследования в Бурят-Монголии в 1947 г., «Вестник древней истории», 1948, № 2; его же, Археологические исследования в Бурят-Монгольской АССР, «Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры», вып. XXVI, 1949; его же, Археологические исследования в низовьях р. Селенги летом 1947 г., «Записки Научно-исследовательского ин-та культуры», Х, Улан-Удэ, 1950; его же, Археологические исследования в Бурят-Монголии, «Изв. АН СССР», серия истории и философии, т. VIII, № 5, 1951, и др.

⁶ Г. Ф. Дебед, Череп человека из плиточной могилы в Херексурин-Ури, «Записки Бурят-Монгольского научно-исследовательского ин-та культуры», XVI, Улан-Удэ, 1952; И. И. Гохман, Антропологические материалы из плиточных могил Забайкалья, «Сборник МАЭ», т. XVIII, 1958.

⁷ И. И. Гохман, Указ. раб., стр. 437.

⁸ И. И. Гохман, Материалы по антропологии древнего населения низовьев Селенги, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», XX, 1954.

вклад в палеоантропологическое изучение Забайкалья, тем более, что из Читинской области такие материалы получены впервые.

Череп старика (рис. 1) — крупный и массивный, хотя рельеф надглазничной и затылочной областей развит умеренно (надбровье по Мартину и развитие затылочного

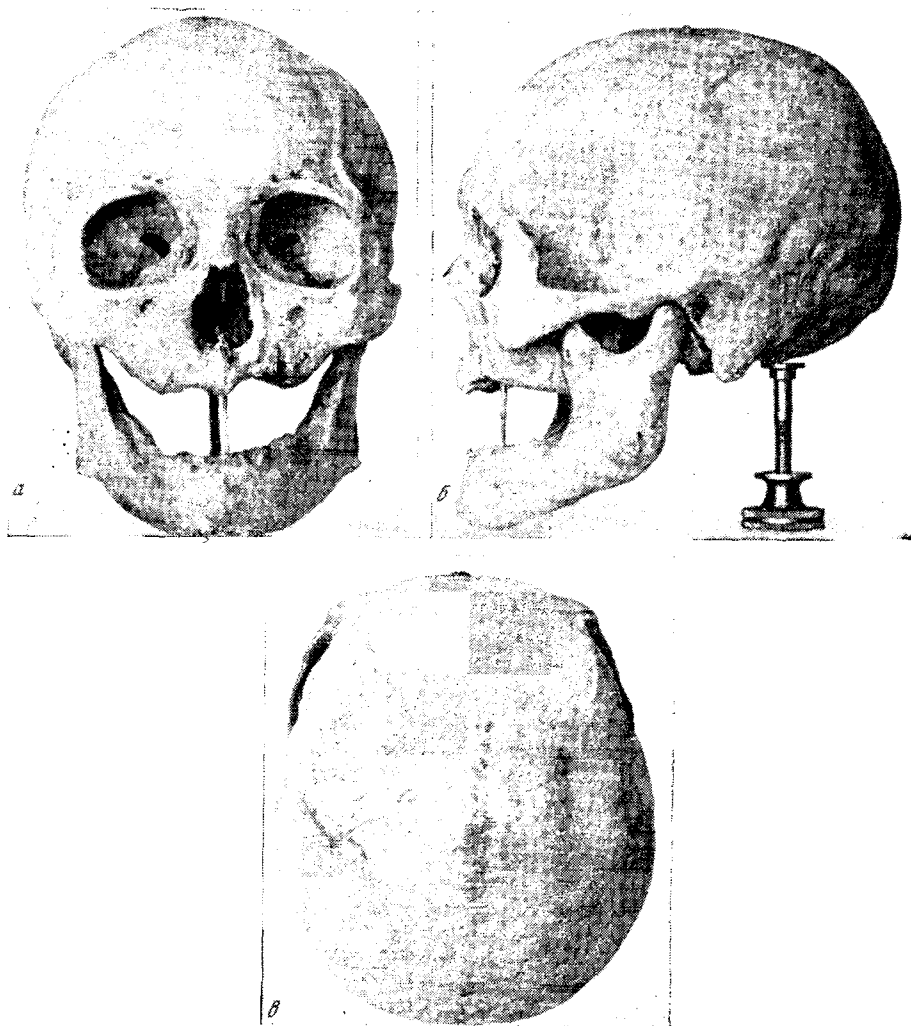

Рис. 1. Мужской череп из могилы 2: а — вид спереди, б — вид сбоку, в — вид сверху

бугра по Брока соответственно 3 и 2 балла). Продольный и, в особенности, поперечный диаметры черепа очень большие. Отсюда выраженная брахикrania — черепной указатель 84,7.

Второй череп — пожилой женщины (рис. 2) — также брахикранный (черепной указатель 85,4). Высотные диаметры невелики — 131 мм у мужского и 124 мм у женского черепа при измерении от базииона. Соотношения основных осей мозговой коробки у обоих черепов очень сходны (см. таблицу) и черепа в целом могут быть охарактеризованы как низкоголовые.

Наименьшая ширина лба — средних размеров: наибольшая — значительна, что обычно для брахикранных широкоголовых черепов. Наклон лба — довольно сильный у мужского черепа (77°) и весьма умеренный (86°) у женского. В поперечном направлении лоб сильно уплощен. При определении угла поперечного изгиба лба координат-

ным циркулем получены величины (148° у мужского черепа и 144° у женского), обычно встречающиеся у современных сибирских монголоидов⁹.

Ширина лица очень большая у обоих черепов. Скуловой диаметр у мужского черепа 147 мм, у женского — 135 мм. Верхняя ширина лица соответственно 113 и 103 мм; средняя ширина — 102 и 104 мм.

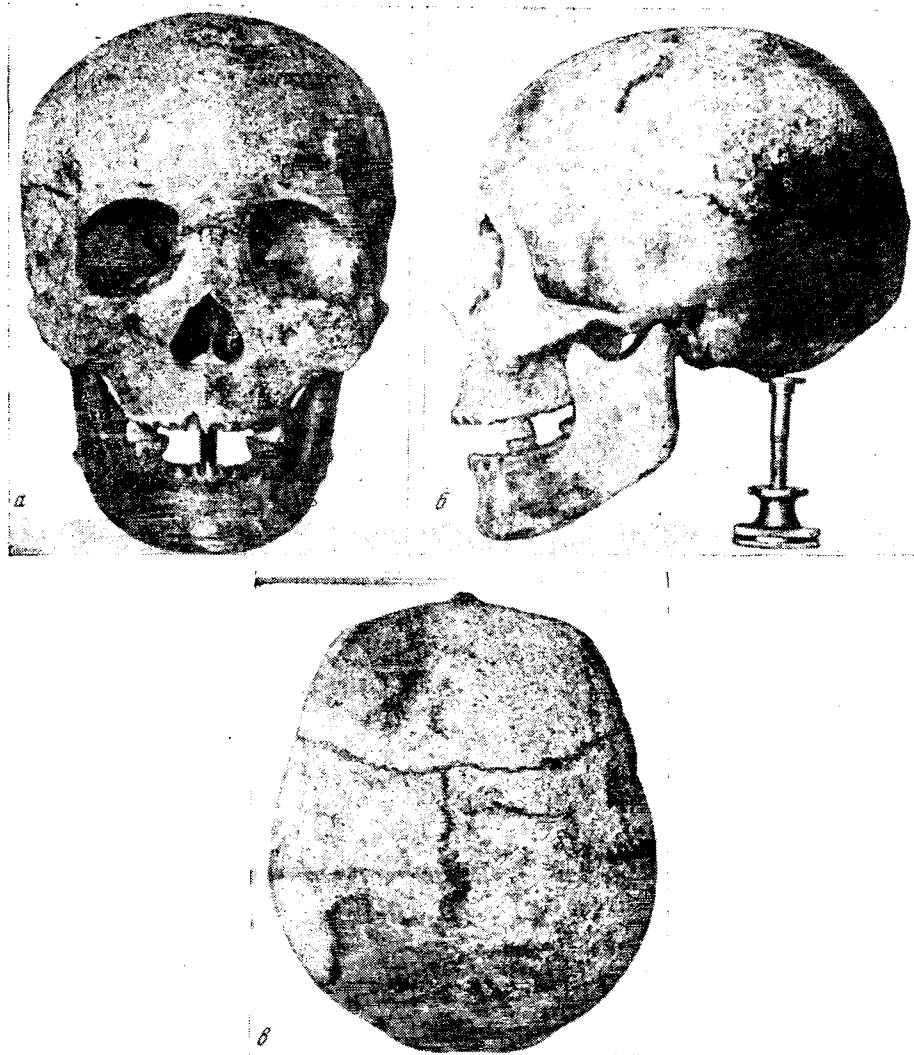

Рис. 2. Женский череп из могилы 3: а — вид спереди, б — вид сбоку, в — вид сверху

Верхняя высота лица у женского черепа довольно большая — 73 мм. У черепа старика альвеолярный отросток полностью атрофирован, все зубы утеряны при жизни. Поэтому точное измерение высоты лица невозможно. Однако приближенное измерение все же показывает, что истинная величина верхней высоты лица была вряд ли меньше 78 мм. Другими словами, высота лица у мужского черепа тоже большая. Типичны для сибирских монголоидов и соотношения высотных диаметров лицевого скелета и мозговой коробки: высотный краниофациальный указатель выражается величинами 58,8 у женского черепа и примерно 59,5 — у мужского.

⁹ И. И. Гохман, Угол поперечного изгиба лба и его значение для расовой диагностики, «Вопросы антропологии», вып. 8, 1961.

**Индивидуальные размеры черепов из плиточных могил Читинской области
в сравнении со средними размерами серии с бассейна реки Селенги**

Номер по Мартину	Признаки	Село Оловянное		Длина р. Селенги Средние размеры
		♂ Погр. 2	♀ Погр. 3	
1	Наибольший продольный диаметр	183	171	175,4(4)
8	Поперечный диаметр	155	146	152,5(4)
8:1	Черепной указатель	84,7	85,4	85,3(4)
17	Высотный диаметр базион-брега	131	124	133,0(3)
17:1	Высотно-продольный указатель	71,6	72,6	73,9(3)
17:8	Высотно-поперечный указатель	84,6	85,0	87,8(3)
20	Высотный диаметр порион-брега	113	109	116,6(4)
5	Длина основания черепа	104	93	101,7(3)
9	Наименьшая ширина лба	96	91	92,0(5)
10	Наибольшая ширина лба	128	119	121,5(4)
9:10	Лобный указатель	75,0	76,5	77,3(4)
9:8	Лобно-теменной указатель	61,9	62,3	59,9(4)
32	Угол лба назион-метопион	77	86	80,3(4)
—	Угол лба глабелла-метопион	68	80	73,8(3)
—	Угол поперечного изгиба лба	148	144	—
11	Ушная ширина	142	133	139,3(3)
11:8	Ушно-теменной указатель	91,6	91,1	90,9(3)
12	Ширина затылка	118	106	114,0(2)
12:8	Затылочно-теменной указатель	76,1	72,6	75,5(2)
43	Верхняя ширина лица	113	103	106,0(4)
46	Средняя ширина лица	102	104	103,0(3)
48	Верхняя высота лица	—	73	73,0(5)
40	Длина основания лица	—	96	100,3(3)
48:45	Верхнелицевой указатель	—	54,1	51,1(5)
48:17	Вертикальный черепно-лицевой указатель	—	58,9	55,1(3)
40:5	Указатель выступания лица	—	103,2	98,7(3)
72	Общий угол профиля лица к горизонтали	—	84	86,8(4)
73	Угол средней части лица	88	84	89,3(3)
74	Угол альвеолярной части лица	—	83	76,8(4)
77	Назомаллярный угол	146	152	151,1(5)
—	Зигомаксиллярный угол	143	138	143,5(4)
—	Глубина клыковой ямки (0—4)	0	0	1,5(4)
55	Высота носа	57	51	53,2(5)
54	Ширина носа	25	26	26,2(5)
54:55	Носовой указатель	43,9	51	49,2(5)
—	Нижний край грушевидного отверстия	преднос. ямки	инфан- тыльн.	—
DC	Дакриальная ширина	26,3	24,5	22,6(5)
DS	Дакриальная высота	9,2	7,9	9,4(5)
DS:DC	Дакриальный указатель	35,0	32,2	42,6(5)
MC	Максиллофронтальная ширина	20,4	20,4	19,6(4)
MS	Максиллофронтальная высота	5,9	4,5	6,3(4)
MS:MC	Максиллофронтальный указатель	28,9	22,1	31,3(4)
SC	Симотическая ширина	9,5	6,6	7,0(5)
SS	Симотическая высота	3,4	1,7	2,9(5)
SS:SC	Симотический указатель	35,8	25,8	42,8(5)
75	Угол носовых костей к горизонтали	69	61	68,0(4)
75(1)	Угол носовых костей к линии профиля	—	23	19,6(5)
—	Передне-носовая ось (по Брока)	1	1	2,0(3)
51	Ширина орбиты от максиллофронтальной точки	44	40	43,6(5)
51a	Ширина орбиты от дакриальной точки	41	37	40,6(5)
52	Высота орбиты	35	34	34,0(5)
52:51	Орбитный указатель от максиллофронтальной точки	79,5	85,0	78,0(5)
52:51a	Орбитный указатель от дакриальной точки	85,4	91,9	83,7(5)
68(1)	Длина нижней челюсти от мыщелков	107	107	106,0(3)
68	Длина нижней челюсти от углов	80	84	80,0(3)
65	Ширина между мыщелками	130	118	129,0(2)
66	Ширина между гонионами	114	96	112,7(3)
70	Высота ветви нижней челюсти	65	54	56,3(3)
71a	Наименьшая ширина ветви	38	39	38,7(3)
79	Угол наклона ветви нижней челюсти	122	117	123,0(3)

Крупные размеры лицевых диаметров сочетаются с сильной уплощенностью лица. На уровне назиона она выражается назомаллярным углом, равным 146° на мужском и 152° — на женском черепе. На уровне субспинальной точки уплощенность еще больше. Зигомаксиллярный угол — 143 и 138° . Переносье широкое и очень плоское. Максиллофронтальные указатели меньше 30 ; дакриальные не превышают 35 . Носовые кости также уплощены. Правда, симотическая высота у мужского черепа довольно велика — $3,5$ мм. Но при большой ширине носовых костей симотический указатель — всего лишь $36,8$. Выступание носовых костей по отношению к линии профиля у женского черепа — 23° при слабом общелицевом мезогнатизме. У мужского черепа из-за атрофии альвеолярного отростка точное измерение угла носа по отношению к линии профиля невозможно. Однако угол средней части лица 88° , угол носовых костей к немецкой горизонтали — 69° . Так как общий угол профиля лица стлчается обычно от первого на $1-3^\circ$ (чаще меньше угла средней части лица), то угол носовых костей к линии профиля у этого черепа не может быть больше 22 и меньше 17° . И в этом и в другом случае выступание носовых костей слабое. Высота носа у обоих черепов значительная; ширина средняя. Высота орбиты довольно большая. Нижние челюсти крупные, массивные, с умеренно наклонной, широкой, но не высокой ветвью.

Таким образом, оба черепа очень сходны между собой и без сомнения могут быть отнесены к широколицей сибирской ветви монголоидного расового ствола.

Каково же отношение этих черепов к ранее известным черепам из плиточных могил долины реки Селенги? Такие признаки как отчетливая брахикrania, небольшая высота мозговой коробки, плосколицесть, низкое переносье и слабо выступающие носовые кости — несомненное свидетельство сходства читинских и селенгинских черепов из плиточных могил. Но один признак как будто нарушает эту картину полного тождества: читинские плиточники высоколицы; для селенгинских стало привычным представление о небольшой высоте лица ¹⁰.

Действительно, из восьми черепов, найденных в плиточных могилах разных районов долины реки Селенги, у шести черепов оказалась небольшая или средняя высота лица. Так как у неолитических черепов из фсфановского могильника была обнаружена такая же особенность, то этот признак обратил на себя мое внимание. Тем не менее значение низколицести для характеристики селенгинского типа не нужно переоценивать. Небольшая высота лица отмечалась лишь как один из отличительных признаков селенгинского типа при сравнении в первую очередь с палеосибирским типом неолита Прибайкалья и Верхней Лены. Но это далеко не единственное и не главное отличие. Своеобразие черепов эпохи бронзы с территории Забайкалья прежде всего заключается в сочетании брахикrania с сильной уплощенностью лица. Этому требованию полностью удовлетворяют как черепа из плиточных могил Читинской области, так и из долины Селенги. Так, черепной указатель у 10 изученных в настоящее время черепов варьирует от $80,3$ до $90,1$. Назомаллярный угол от 146 до 156° ; зигомаксиллярный угол от 138 до 146° . Эти данные свидетельствуют не только о том, что черепа из плиточных могил очень однородны, но и об отсутствии даже намека на европеоидную примесь, которая зафиксирована в неолите и бронзовом веке Прибайкалья ¹¹.

Такая же сильная степень уплощенности лица, правда при более низком черепном указателе, описана на черепках из погребений глазковской культуры Забайкалья, по времени предшествующей плиточным могилам ¹². Отмеченная у ряда черепов глазковского времени и из плиточных могил небольшая или умеренная высота лица в равной степени может объясняться случайностью, малой численностью серии, или, наконец, характеризовать какую-то в большей или меньшей мере локальную группу. Но мне представляется, что было бы во всяком случае преждевременным конструировать на основании имеющихся данных гипотезу о наличии в Забайкалье двух антропологических типов — низколицего и высоколицего. Наоборот, все факты свидетельствуют о том, что на протяжении эпохи бронзы в Забайкалье формируется, а к концу ее уже складывается довольно однородный селенгинский антропологический тип, отличающий население Забайкалья от населения соседних территорий. Участие этого типа в этнических процессах в Забайкалье в гуннскую и последующие эпохи — несомненно. Но обсуждение этих вопросов выходит за рамки настоящего сообщения и явится предметом специальной статьи.

¹⁰ См., например, М. Г. Левин, Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. XXXVI, 1958.

¹¹ М. Г. Левин, Антропологический материал из Верхолесского могильника, «Антропологический сборник», I, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. XXXIII, 1956.

¹² И. И. Гохман, Материалы по антропологии древнего населения Низовьев Селенги.

М. Велева

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ В СОФИИ

В 1966 г. исполнилось шестьдесят лет со времени основания Народного этнографического музея в Софии. В сущности начало его собраниям было положено раньше, еще в 1879 г., т. е. сразу же после освобождения Болгарии от турецкого ига. Его первые коллекции были составлены из этнографических материалов, принадлежавших музейному отделу Публичной библиотеки в Софии, а также поступивших из других археологических и этнографических собраний, архивов и пр. В 1892 г. коллекция значительно пополнилась материалами промышленной выставки в Пловдиве, на которой было представлено много предметов народного быта. После этого в 1906 г. создавалась возможность для основания самостоятельного этнографического музея.

За истекшие шестьдесят лет своего существования Этнографический музей в Софии не переставал играть роль одного из главных культурных институтов в стране. а в отдельные периоды он являлся и центром отечественной этнографической науки. Однако по-настоящему роль культурно-воспитательного и научного учреждения он стал выполнять лишь после его слияния в 1949 г. с институтом Народоведения Болгарской академии наук. Соединением двух главных этнографических учреждений в одно — Этнографический институт с музеем Болгарской академии наук — было достигнуто объединение научных сил под общим руководством, с общими планами и задачами. Создались условия для более широкого и глубокого изучения этнографических проблем на основе полевых исследований и музейных материалов. Во вновь созданном комплексном институте Этнографический музей продолжает выполнять свое основное назначение сокровищницы народного творчества болгар, одновременно являясь базой для этнографических исследований научных работников.

Болгарская академия наук поставила перед Этнографическим институтом и музеем задачу собирать и изучать памятники болгарской народной культуры, исследовать новые формы народного творчества, возникающие в современных условиях, освещать процессы национального и культурно-исторического развития болгар с целью воспитания широких слоев народа в патриотическом духе и использования прогрессивных элементов национальной культуры в процессе строительства социализма.

Этнографический музей в Софии — один из наиболее крупных в Болгарии музеев национального масштаба. В его фондах хранятся экспонаты, отражающие различные стороны традиционной культуры болгар разных областей страны. Материалы относятся преимущественно к периоду с конца XVIII в. до настоящего времени; большая их часть датируется XIX и первыми десятилетиями XX вв. За последние годы коллекции музея пополнились и современными вещами, выполненными в национальном стиле. В настоящее время в инвентарных книгах музея значится около 50 тыс. предметов из самых разных областей народного быта: хозяйства (земледелие со всеми его отраслями, животноводство, рыбная ловля, охота), домашних промыслов (пряжание, ткачество, плетение, крашение и пр.), жилища (интерьер, архитектурные детали, домашняя утварь); представлены одежда, различные ткани, вязание, вышивки, аксессуары народных обрядов и обычаев (хлебы, украшения, амулеты, votivные предметы, маски и пр.). В последние годы оформился иностранный отдел, в котором имеются материалы главным образом по славянским и балканским народам, а также предметы из некоторых стран Азии и Африки.

Для удобства научного и практического использования музейных материалов и лучшего их сохранения экспонаты распределены по отдельным фондам. Ответственные за фонды — специалисты, работающие в соответствующих областях этнографической науки. Наиболее богатыми и сравнительно наиболее полными являются фонды текстильных произведений: народная одежда, ткани, вышивка, вязание. Богатство этих секторов музея соответствует тому первостепенному месту, которое текстильное производство занимает в болгарской традиционной материальной культуре.

Для пополнения музейных фондов организуются комплексные экспедиции, которые ведут работу или в отдельных географических и этнографических районах, или же по всей стране по какой-либо теме. Эти два способа сбора материалов дают возможность представить в музее более или менее равномерно богатство народной культуры разных областей страны, показать географическое распространение тех или иных предметов и постепенно заполнять пробелы, существующие в некоторых отделах музейного собрания.

Научные описания каждого поступившего в музейные фонды экспоната, равно как и специальные исследования, проведенные для нужд музейного дела, поступают в общий для этнографического института и музея архив, в отдел документации. Эти материалы могут в дальнейшем использоваться в музейной научной работе, а также в практических целях.

Содержание музейных фондов, т. е. назначение и происхождение предметов и другие их показатели, зафиксировано в паспортах с подробным описанием и изображением каждой вещи, в систематическом каталоге, составленном по населенным пунктам, в различных картотеках.

Музей располагает фотоархивом, в котором хранятся снимки его экспонатов, снимки музейных объектов, разбросанных по стране и представляющих этнографический интерес, а также другие этнографические фотографии.

Несмотря на ограниченную площадь музея, в его экспозиции представлены почти все существенные разделы быта и культуры болгарского народа. Экспозиция периодически реорганизуется и обновляется. Предстоит создать вводный отдел, в котором с помощью карт, таблиц, панно и фотографий будут показаны антропологический состав болгарского народа, его этногенез, наиболее важные моменты его культурно-исторического развития, географическая среда, в которой он живет, условия труда, быта и т. д.

Сегодняшняя экспозиция начинается показом наиболее старинных отраслей хозяйства — охоты, рыбной ловли. За ними следуют принадлежности, раскрывающие развитие одного из основных занятий болгарского народа в прошлом — земледелия со всеми его отраслями: хлебопашеством, садоводством, виноградарством, огородничеством, возделыванием риса и роз, табаководством. Животноводство представлено его главной отраслью — овцеводством с разновидностями по районам (горное и равнинное). Значительная часть музейной экспозиции отведена домашним промыслам — прежде всего обработке текстильных материалов и их применению. Перед глазами посетителя — длинная вереница процессов от первичной обработки сырья до изготовления готовых вещей.

Из многочисленных ремесел, достигших особенно большого развития в эпоху Болгарского возрождения (период со 2-й половины XVIII в. до освобождения от турецкого ига), представлены лишь некоторые из них. Это обработка металлов — ювелирные изделия и инструменты,ковка меди и медная посуда,ковка железа и предметы из него (в частности, принадлежности для счагов), обработка дерева и художественная резьба по дереву, гончарство и различные виды керамических сосудов из нескольких гончарных центров, и т. д.

Жилый дом представлен макетами и оригинальными или реконструированными интерьерами с архитектурными украшениями, резьбой по дереву, стенной росписью, мебелью, декоративными тканями и домашней утварью. Народной одежде, как одному из существенных разделов культуры болгарского народа, в котором нашли особенное яркое выражение творческие возможности трудовых масс, уделено самое большое место в музейной экспозиции.

В ограниченном количестве выставлены реквизиты, которыми пользуются при совершении обрядов и обычаев, связанных с хозяйственными, семейными, религиозными праздниками. Это обрядовые хлебы, расписные пасхальные яйца, свадебные украшения, маски, амулеты, votивные предметы и т. д.

Показ народной культуры болгар в развитии — один из главных принципов построения музейной экспозиции. Это достигается путем экспонирования предметов, относящихся к трем — четырем периодам их бытования. Центральное место занимают экспонаты, обрисовывающие традиционный облик соответствующей области культуры. Они датируются временем с конца XVIII до начала XX в. По этому периоду можно сравнительно легко проводить этнографические исследования и подбирать музейные предметы. Поэтому главное место в экспозиции занимают оригинальные экспонаты. Второй раздел экспозиции составляют предметы, которые помогают получить представление о зарождении и ранних этапах развития данной области культуры. Сюда относятся преимущественно разные макеты, фотографии, а также исторические сведения, почерпнутые из описаний путешественников, из преданий и пр. Третий раздел подбирается из материалов, представляющих яркие примеры развития народного творчества в период капитализма. Наконец, последний раздел показывает степень развития соответствующего явления при социализме. В случае, когда нет возможности представить оригинальные предметы современной культуры (в частности из области хозяйства и некоторых ремесел), используются фотографии, карты, рисунки и пр. Перед посетителем музея раскрывается картина непрерывного развития болгарской культуры, жизненность ее прогрессивных традиций и ее современное состояние.

Другим методом подбора экспонатов (если это позволяют материалы и площадь, отведенная для экспозиции) является сопоставление готовых произведений и техники их выполнения. Часто у посетителя вызывает удивление примитивность технических приемов, посредством которых создавались высокохудожественные произведения на-

родного творчества. Музейные экспонаты помогают наглядно представить размеры технического прогресса, который произошел в социалистической Болгарии.

Экспозиция во всех своих разделах показывает влияние общественных отношений на материальную и духовную культуру в различные исторические эпохи. Особенно четко выделяются признаки классового расслоения населения во время капиталистического периода.

В пределах возможностей проводится комплексная расстановка предметов с целью показа связи и обусловленности между предметами и обстановкой, в которой они существуют. Например, домашние ремесла представлены в обстановке, напоминающей домашнюю; хозяйственные обычаи показаны в большинстве случаев в соответствующем разделе экономической культуры; пастушеская резьба по дереву и даже некоторые музыкальные инструменты сплетаются с бытом горного пастуха и т. д.

Одна из задач экспонирования — раскрыть высшие достижения творческих сил болгарского трудового народа. Она достигается путем соответствующего подбора экспонатов высокой художественной ценности и их размещения, наиболее выгодного для обозрения.

Почти во всех разделах экспозиции подчеркиваются положительные достижения народа в области материальной культуры, искусства и техники, а также возможность их использования в настоящее время.

От качества экспозиции зависит эффективность воздействия ее на посетителей. Музей призван не только знакомить их с творчеством народа на протяжении его многовековой истории, но также воспитывать чувство патриотизма, развивать эстетическую культуру.

Этнографический музей устраивает временные тематические выставки, приурочивая их к торжественным датам, организует конференции, съезды и пр., посвященные изучению народного творчества в разных его проявлениях. В последние годы, например, функционировали выставки произведений женского труда, керамики, ювелирных изделий, медной посуды, народной одежды некоторых стран Балканского полуострова, этнографических материалов Азии и Африки.

В залах музея часто гостят со своими этнографическими коллекциями другие музеи Болгарии, главным образом мемуарные. Кроме того, музей устраивает выставки изделий детей — членов кружка этнографии при Софийском Дворце пионеров (вышивка, резьба по дереву, куклы в народной одежде и пр.).

Музей выставляет свои экспонаты и за границей. Особенно большим успехом пользовалась выставка болгарского народного творчества, которая с 1950 по 1954 г. передвигалась по столицам социалистических стран. Музей участвовал и в выставках, посвященных 2500-летию искусства на территории Болгарии, которые устраивались в СССР, Швейцарии, Франции, Италии, ФРГ. Подобные выставки — один из наилучших способов ознакомления иностранцев с болгарским народом и его страной.

Сравнительно слабо еще развита издательская деятельность музея. В «Известиях» прежнего Народного этнографического музея (с 1913 по 1944 г. вышло 14 номеров) опубликованы главным образом научные сообщения и исследования, большая часть которых, однако, не имеет прямого отношения к музейной работе. Фонды музея — главным образом вышивки, ткани, народная одежда — использовались только для иллюстрации трудов с соответствующей тематикой. Лишь в последние годы началось систематическое издание материалов сокровищницы народного творчества. Опубликовано в виде кратких проспектов, путеводителей и пр. часть экспонатов по художественным ремеслам, народной одежде, тканям, керамике. Предстоит выпуск серии материалов из различных областей болгарского народного искусства, по одежде, украшениям, тканям, вышивкам, металлическим и деревянным изделиям и пр., а также издание каталога наиболее интересных музейных экспонатов.

Музейные фонды представляет собой неисчерпаемый источник образцов для внедрения в современное производство, в особенности для художественных ремесел, прикладных искусств: в последние годы они находят применение и в промышленности. При музее периодически работают курсы для художественных руководителей некоторых секторов легкой промышленности (например, текстильной) и кооперативных предприятий. Их знакомят с материалами музея и дают квалифицированные консультации по применению народных традиций в современном производстве. В музейных фондах черпают идеи для своей работы режиссеры, архитекторы, художники и другие специалисты. Экспонаты музея служат наглядным пособием для разъяснения уроков и лекций учащимся, студентам вузов и техникумов, преподавателям.

Для ознакомления широких общественных кругов с богатством Этнографического музея и для пропагандирования положительных сторон народной культуры используются радиовещание, телевидение и печать.

Своей разносторонней деятельностью Этнографический музей в Софии стремится достойно выполнить свое назначение культурно-воспитательного и научного института и содействовать патристическому и эстетическому воспитанию народа, развитию его национальной культуры.

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

Р. В. Кинжалов

ДЕНЬ В СТОЛИЦЕ ДРЕВНИХ МОЧИКА

Древняя культура инков в Южной Америке, достигшая своего расцвета в XV—XVI вв. и уничтоженная безжалостными испанскими завоевателями, хорошо известна всем, интересующимся историей. Но мало кто знает, что инкское общество было только последним этапом в многовековом развитии индейских народов южноамериканского континента. Многочисленные народы, жившие задолго до испанского завоевания на территории современных Перу, Эквадора и Боливии, создали тот культурный фундамент, на котором впоследствии выросла замечательная инкская культура. Одним из таких народов являлись мочика, поселения которых были рассеяны в долинах рек Хекетепеке, Чикама, Моче, Виру, Чао, Уамансанья, Санта, Чимботе, Непенья и Касма в северной части тихоокеанского побережья Перу. Их расцвет относится к I—VIII вв. н. э. Для того чтобы лучше ознакомиться с культурой и бытом мочика, попытаемся мысленно совершить путешествие во времени, перенесемся в пятый век и проведем день в столице этого народа, раскинувшейся в долине реки Моче, на берегу Тихого океана.

Раннее утро, только начало светать. Осмотрим внимательно открывшуюся нашим глазам картину. Мы находимся на покрытой песками равнине, однообразие которой кое-где нарушается небольшими барханами. Слева ритмично вздыхает и накатывается могучими волнами на плоский песчаный берег необозримый океан. Справа, вдали, гигантскими ступенями поднимается в небо исполинская цепь Анд. У подножья ее, кажется совсем близко, теснятся веселые зеленые холмы — предгорья. В действительности же до них — несколько десятков километров.

Вот горные пики начинают медленно розоветь, и от этого серые тени туманов, лежащих в ущельях, становятся синими и более мрачными. Появился легкий утренний ветерок. За Андами восходит солнце, и его первые лучи упали на ледники горных вершин.

Однако, как ни рано мы поднялись, нас уже опередили. На берегу мелькают какие-то неясные силуэты, слышны отрывистые слова команды. Подойдем поближе. Это группа рыбаков отправляется на утренний лов. Одежда их предельно проста: легкие набедренные повязки и головные платки, защищающие от жгучих лучей солнца. Так одеваются все простые люди — труженики; пышные облачения — признак знатности. В легкие, верткие лодочки из связок тростника, укладывается рыболовная снасть: сети с поплавками из маленьких высушенных тыкв, различной толщины лесы с медными крючками без бородки, гарпуны и, наконец, дубинки из тяжелого, прочного дерева, на случай, если рыбакам

повезет и им встретится морской лев. Старейшина рода, высокий худощавый мужчина, садится в лодку последним и отдает приказ об отплытии. По его предположениям, лов сегодня будет удачным, и они вернутся с богатой добычей. А ведь такие дары моря, как скат, бонито, сардины, летучие рыбы, а также омары, креветки, крабы и осьминоги никогда не залеживаются в корзинах после улова!

Проследив, как лодочки рыбаков скрываются за волнами, двинемся дальше, чтобы попасть в город.

Теперь тропинка вьется среди полей. Мочика — искусные земледельцы и возделывают множество полезных растений. Среди них кукуруза, различные виды тыкв и бобов, огурцы, арракача, кабачки, стручковый перец, земляной орех — арахис, картофель, бататы, маниок, якон, съедобная канна; хорошо вызревают здесь фрукты: авокадо, страстоцвет, гвазабано, пакаи, слива — лукума, чиримойя, папайя (дынное дерево), ананас. Особые участки заняты хлопком, табаком и кокой.

На перуанском побережье дожди очень редки (иногда их не бывает в течение нескольких лет), и потому, чтобы получить хороший урожай, требуется искусственное орошение. Много тяжелого труда было затрачено древними земледельцами, чтобы обеспечить бесперебойную поливку полей, но грандиозные результаты его приносят во многих случаях пользу и в наше время. Так, например, вырытый в далекой древности канал Ла Кубре, имеющий в длину более 113 км, и теперь, в двадцатом столетии, еще несет чистую горную воду на сухое побережье. Там, где на пути проводимых каналов попадались глубокие ущелья мочика строили мощные акведуки. Один из них, пятнадцатиметровой высоты и длиной в полтора километра, имеет массу, равную 1/3 пирамиды Хеопса. А сколько таких акведуков разбросано по соседним горным ущельям — их трудно сосчитать!

На полях, стараясь использовать утреннюю прохладу, усердно работают земледельцы; одни расчищают оросительные канавки, ведущие от канала, другие, наоборот, закрывают протоки на уже увлажненных участках. Их орудия труда очень просты: копательная палка и мотыга. Кое-где разбрасывают удобрение — гуано, привозимое с небольших островков. Именно перуанским индейцам человечество обязано открытием этого ценного удобрения,

Тропинка, по которой мы идем, выходит на большую, обсаженную деревьями дорогу, ведущую с гор к столице. Она очень широка — почти десять метров, по сторонам ее на определенном расстоянии один от другого расположены маленькие домики. В них дежурят специальные гонцы для быстрой передачи известий. Вот у входа в такой домик сидит, напряженно всматриваясь вдаль, один из бегунов. Завидев, что от соседнего домика к нему бежит человек, он вскакивает, и, выслушав на ходу сообщение, устремляется к следующему посту. А принесший весть остается отдыхать в хижине. Таких посыльных отбирают и тренируют с детства. Труд их очень тяжел, и мало гонцов доживает до старости.

Неожиданно на дороге появляется целая процессия. Впереди на носилках, удобно раскинувшись, сидит пышно одетый человек. За ним движется толпа людей в скромных одеждах, нагруженных сетями, дробниками, копьеметалками, различного рода палицами, духовыми трубками и другим оружием. Обращает на себя внимание, что ни на ком нет обуви (мочика обычно ходят босыми), но на ногах особой краской тщательно нарисованы изящные сапожки. Очевидно, это какое-то знатное лицо возвращается в город после охоты в горах. Конечно, так и есть! Вот и добыча: два жирных оленя, большая ящерица — игуана и множество разнообразных птиц. Охота была успешной!

Последуем за этой процессией и войдем в столицу.

Дома в ней разбросаны свободно; никакой продуманной планировки здесь не чувствуется. Осмотрим одно из ближайших жилищ. Оно стоит на небольшом возвышении, сложенном из неотесанных камней. Стены возведены из прямоугольных сырцовых кирпичей; крыша настлана из

Рис. 1. Охота. Роспись на сосуде

тростника, лежащего на жердях из рожкового дерева. Жерди эти, однако, вверх не сходятся, оставляя узкое отверстие: через него внутрь проникает воздух и свет, ведь окон в доме не имеется. С передней стороны пристроена небольшая крытая терраса, а сзади виден внутренний дворик.

По множеству сосудов, стоящих рядами на дворе, мы догадываемся, что попали в жилище гончара. Воспользуемся случаем и ознакомимся с его работой.

Во многих музеях мира замечательные керамические изделия мочика являются гордостью их хранителей. Неудивительно поэтому, что при взгляде на находящиеся перед нами художественные сокровища наши глаза разбежались.

Помимо простых по форме сосудов, предназначенных для хозяйства, здесь стоит много образцов фигурной керамики. Глядя на них, трудно осознать, что перед нами обычные сосуды, а не произведения большого искусства, с таким мастерством они выполнены. Любой из них кажется статуэткой. Удивляет необыкновенная жизненность и грация фигур, правдивость их изображения. Вот разъяренный воин высоко поднял палицу, готовый поразить врага... А рядом пожилая горбатая женщина сидит на поджатых ногах, отдыхая после долгого пути. Умелая раскраска белой, черной, красной и коричневой красками еще более усиливает впечатление. Вот два юноши, примостившись на бревне, самозабвенно играют на флейтах, один из них даже полузакрыв глаза, чтобы полней отдаться музыке... Вот пленный в разодранной одежде, со связанными за спиной руками и толстой веревкой на шее мрачно смотрит перед собой, — он хорошо знает, что ожидает его в недалеком будущем. Фигуры так выразительны, что не сразу замечаешь искусно помещенную сзади ручку и горлышко сосуда.

А в следующем ряду стоят сосуды, изображающие многочисленных богов, духов и демонов, которые, по религиозным представлениям мочика, властвуют на земле и под землей, в воздухе и в океанской глубине. Вот получеловек, полусова, держащий в левой руке отрубленную человеческую голову. Рядом с ним дух кукурузы; раздутое, шарообразное туловище его составлено из больших початков с отборными крупными

зернами, а голова — человеческая с большими глазами и ушами. Спокойному, благожелательному выражению лица не мешают даже две пары больших клыков, торчащих изо рта вверх и вниз, — характерная особенность многих древнеамериканских божеств плодородия. В таком же стиле изобразены и духи картофеля, тыквы и других овощей, туловище у них всегда в виде самого плода, а голова антропоморфная. Среди

Рис. 2. Фигурный сосуд: правитель с булавой (МАЭ)

них много раскрашенных, но встречаются и сплошь одноцветные, с угольно-черной, блестящей как металл поверхностью. Это достигается особым обжигом.

С мягким юмором вылеплены сосуды, изображающие животных. Вот опьяневшая обезьяна; она вдоволь напилась хмельного напитка и теперь, обняв лапами кувшин, смотрит на вас веселыми, озорными глазами. Олень с ветвистыми рогами, плотно усевшись на скрещенные задние ноги, сосредоточенно бьет в небольшой горизонтальный барабан. У ламы, нагруженной тюками, весьма недовольное выражение: ей вовсе не хочется отправляться с таким тяжелым грузом в дальнюю дорогу. Рядом молодая мать-пума, грациозно раскинувшись на земле, кормит трех детенышей, у них же забавный серьезно-деловой вид.

Особняком стоят два сосуда в виде человеческих голов. Это в сущности скульптурные изображения людей, и только изогнутая кольцеобразная ручка с трубчатым отростком сверху, соединяющая шею с затылком.

выдает их подлинное назначение. Лица поражают своей жизненностью и одухотворенностью, перед нами, несомненно, портреты. Первый — молодой мужчина со спокойным и властным выражением лица. От мягкой, расшитой прихотливым узором шапки под подбородок идет широкая лента; затылок прикрыт платком. Конечно, это знатный человек. Совсем по-другому выглядит второй. Впалые щеки, морщинистый лоб, острые скулы, тонкие плотно сжатые губы, под которыми угадываются беззубые десны, — все говорит о долгой и нелегкой жизни. Вытекший левый глаз свидетельствует, вероятно, о какой-то давней битве. Судьба этого человека была далеко не такой радужной, как первого.

Мастера мочика в таких сосудах оставили великолепную серию подлинно реалистических портретов. В центре их внимания в этот период неизменно находился индивидуальный человек со всеми присущими ему достоинствами и слабостями. Каждая черта, способствовавшая психологической характеристике изображаемого, отмечалась и увековечивалась. Поэтому и «лицевые сосуды» мочика, как их иногда называют, бесспорно являются вершиной развития портретного искусства у народов древней Америки.

Сам гончар в это время занят изготовлением нового сосуда. Он берет форму, состоящую из трех частей, и тщательно промазывает ее животным жиром. Затем он вкладывает заранее приготовленные тонкие пластинки влажной глины в формы и плотно вжимает их так, чтобы они повторили все детали оригинала. Затем все выставляется на солнце для просушки.

Пока части будущего сосуда сушатся, мастер не сидит без дела. Он готовит другую форму. Взяв модель — фигуру совы — и

Рис. 3. Фигурный сосуд: голова сановника

Рис. 4. Фигурный сосуд: голова старика

смазав ее также жиром, он облепляет ее толстым слоем глины плотно прижимая ее руками. Медный ножик завершает начатое; им новую форму разрезают на две части, которые снимаются с модели и тоже отправляются на просушку. Такую форму можно использовать несколько раз

Рис. 5. Мифологические чудовища. Роспись на сосуде

Тем временем части первого сосуда уже готовы — жаркое полуденное солнце сделало свое дело. Гончар вынимает их из формы и соединяет с помощью той же глины в одно целое. Швы тщательно заравниваются как снаружи, так и изнутри; даже самый внимательный глаз их обнаружит далеко не сразу! Наконец, присоединяется дно — и сосуд готов полностью. Мастер окунает его в жидкий глиняный раствор и снова выставляет на солнце. Теперь он будет уже просушиваться значительно дольше. После этого готовые изделия тщательно полируются костяными лопаточками и обжигаются. Сделать красивый и прочный сосуд не так то просто и легко!

Не думайте, однако, что работает лишь сам мастер. Вся его семья и ученики помогают ему. В одном углу двора дети прилежно месят глину, заботливо удаляя самые мельчайшие камешки, ведь глина должна быть совершенно однородной. В другом углу жена в вырытой в земле печи обжигает готовые изделия. А на террасе один из учеников расписывает сосуд, и под его уверенной кистью на желтовато-белом фоне появляются один за другим причудливые чудовища; в них фантастически смешаны черты змеи и улитки.

Осматривая произведения гончара и наблюдая за его работой, мы провели немало времени. Скорее в путь, чтобы успеть побольше увидеть. В нашем распоряжении осталось немногим больше половины дня.

Вдали виднеются какие-то два массивных сооружения, напоминающие по внешнему облику пирамиды. Не осмотреть их, конечно, невозможно! Мы быстро проходим мимо множества низких прямоугольных домов, похожих на жилище гончара, — здесь живут такие же рядовые обитатели столицы. Кое-где один комплекс или квартал отделен от другого невысокой стеной: родовые принципы имеют еще частичную силу

Дома перемежаются садами и огородными участками, посреди которых виднеются небольшие водоемы. Ближе к центру дома становятся выше и роскошнее — это жилища знати и жрецов. Время от времени встречаются и храмы, стоящие на низких платформах.

Но вот мы приблизились к центру. Он состоит из величественного здания — дворца правителя и двух грандиозных пирамид, расположенных на краю большой площади. Осмотрим сперва большую из них.

Это сооружение, которому позже дали произвольно название «Пирамида Солнца», покоится на могучей платформе восемнадцатиметровой высоты, члененной на пять уступов. Чтобы обойти ее, потребуется немалое время, ведь периметр платформы равен почти километру! Поэтому мы лучше поднимемся по широкой шестиметровой лестнице, ведущей на ее северный конец. На противоположной стороне находится сама пирамида, вблизи она еще больше подавляет своими размерами: семь ступеней ее поднимаются на высоту 23 м, а сторона базы равна 103 м.

На плоской вершине пирамиды стоит маленький деревянный храм, похожий с виду на обыкновенный жилой дом. Заглянув внутрь, мы убеждаемся, что он состоит всего лишь из одной комнаты; она почти пуста, в ней стоит несколько сосудов, да в середине глинобитного пола торчит воткнутый большой стебель сухого тростника. Никого из жрецов здесь нет.

Полюбуемся видом цветущей долины, зеленовато-синим бархатом Тихого океана и снежными шапками Анд, — с сорокаметровой высоты все видно как на ладони, — и поспешим ко второй пирамиде — «Пирамиде Луны». Она уступает первой и своими размерами, и сложностью архитектурного замысла. Тем не менее в ней есть нечто привлекающее наше внимание.

Все сооружение представляет собой платформу высотой в 21 м; с центральной и южной сторон ее расположено по шести уступов. Склоны платформы сплошь покрыты прихотливым рельефом, выполненным по сырой глине: звери, птицы, какие-то сказочные существа заполняют все плоскости. Главное, однако, в «Пирамиде Луны» — это многокомнатный храм, расположенный на ее вершине. Стены его расписаны многоцветными фресками, и, конечно, не осмотреть их нельзя.

На внешней поверхности стен черной, белой, красной, желтой, светлосиней, ярко-розовой и коричневой красками изображены подвиги главного божества мочика — Аи-Апека. Вот он вытаскивает из волн океана на прочной лесе огромную рыбу, похожую на гигантского тунца, — духа-повелителя морских глубин. Напрасно тот в бессильной злобе раскрывает свою зубастую пасть, тарашит глаза и угрожающе машет плавниками, усаженными крючковатыми шипами, — демон моря не уйдет! Аи-Апек стоит, широко расставив ноги, и двумя руками тянет лесу; морщинистое лицо его с выступающими из рта клыками и колючими усами спокойно, но извивающийся хвост, оканчивающийся змеиной головой, выдает внутреннее возбуждение. Вокруг божества шумно носятся птицы бакланы, — его помощники, а подчиненные морского демона — рыбы — лежат неподвижно кучей на прибрежном песке¹.

На другой фреске Аи-Апек, повалив на землю страшного вампира, сосущего ночью у людей кровь, острым топором отрубает ему голову. Поверженный тщетно пытается достать бога большими кривыми когтями. От места схватки по цветущему лугу в ужасе бегут, оглядываясь,

¹ В действительности от фресок на остатках храма сохранились лишь небольшие фрагменты и поэтому при описании использованы мотивы росписей на сосудах.

слуги вампира — двухголовые зубастые демоны, но им уже перерезают дорогу добрые духи в виде полулюдей, полуптиц колибри, вооруженные боевыми булавами и щитами.

Внутри храма на фресках мы видим опять Аи-Апека, но уже в мирной роли культурного героя, Вот он шелушит початки кукурузы, обучая людей пользоваться этим замечательным злаком. Вот он держит в руках

Рис. 6. Битва. Роспись на сосуде

радугу, изображенную в виде двухголовой змеи, чтобы влага беспрестанно орошала поля. А на этой фреске Аи-Апек в пышном головном уборе и с большим золотым кольцом в носу обучает человека искусству гадания. Он сидит на песке, скрестив ноги, и, держа правой рукой перелопачивая что-то похожее по форме на огромный боб², с увлечением объясняет начертанные на нем символы. Перед ним в почтительной позе сидит слушающий и держит наготове другие бобы. «Истолкованные» бобы лежат между ними на песке.

У стены напротив входа стоит величественная деревянная статуя — полный мужчина в коротком переднике и круглой шапочке держит перед грудью чашу. Тело покрыто татуировкой, изображающей стилизованные птиц. Это одно из божеств мочика, праздник которого будет отмечаться завтра, поэтому его статую и вынесли сюда. В других помещениях мы увидим остальных богов, они дожидаются своей очереди.

В небольшой комнате на глиняном полу сидит пышно одетый человек — жрец — и задумчиво передвигает разноцветные камешки на прямоугольной плите. Она разделена на квадраты, а в одном углу ее сделана многоступенчатая пирамида. Это своеобразный счетный прибор, при помощи которого жрец делает вычисления для календаря. Вот считающий передвинул камешек с одного поля на другое, и теперь он уже обозначает не единицу, а девять, т. е. какое-то число увеличилось в девять раз. Не так-то просто заниматься здесь математикой! Надо очень многое знать и помнить, так как записей при этом не ведется.

² Такие «бобы» неоднократно изображаются в росписях на сосудах. При раскопках городищ мочика археологи находили крупные бобы с геометрическими узорами, раскрашенные в разные цвета. Назначение их полностью не выяснено, однако, опираясь на сравнительный этнографический материал, можно предполагать, что они использовались при гаданиях. Перуанский исследователь Р. Ларко Ойле считал, что эти рисунки представляют собой вид иероглифического письма, но гипотеза его вызвала существенные возражения.

Выходим снова наружу. После полутемного помещения яркие солнечные лучи сперва ослепляют нас, но скоро глаза привыкают. Бросим прощальный взгляд на пирамиды и двинемся дальше.

И «Пирамида Солнца» и «Пирамида Луны» сооружены из огромного количества необожженных прямоугольных кирпичей — адобов. Подсчитано, например, что на «Пирамиду Солнца» их пошло более 130 миллионов. Адобы изготовлялись прямо на месте при помощи специальных форм. Кое-где для большей прочности здания среди кирпичей проложены большие бруссы из рожкового дерева — альгарробы. Строили пирамиды общинники, согнанные из соседних поселений. Оба этих сооружения воздвигались в течение нескольких поколений, причем в толще часто устраивались гробницы.

Воспользовавшись своим правом проникать повсюду беспрепятственно, осмотрим теперь дворец правителя. Он стоит на небольшом трехметровом возвышении, белые стены его ослепительно сияют на солнце. На крыше из тростника, так же как и у храмов, укреплены изображения священных животных — лисы и собаки; оба они связаны с лунным культом.

У входа во дворец, на террасе, суется множество пышно одетых придворных и слуг; первые ожидают приема у владыки, вторые заняты повседневными делами. Проскользнем мимо них и войдем в парадный зал. Он вовсе не так велик, как можно было бы предполагать, и немногим больше наших обычных комнат. Против входа, на невысоком помосте под балдахином, неподвижно сидит правитель — *кич* на языке мочика. Он выслушал доклад начальника каналов, о том, что с водоснабжением земель все обстоит хорошо. Одевания его заслуживают специального описания; несмотря на жару, владыка страны облачен в несколько одежд. На нем набедренная повязка, нижняя юбка, нательная рубашка без рукавов из тонкой, редкой ткани, расшитая красными узорами, верхняя юбка, немного не доходящая до колен, и рубашка из плотной белой ткани, также украшенная богатой вышивкой; рубашка слегка спускается на верхнюю часть юбки. Рукава короткие и не доходят до локтей.

На голове кича круглая шапочка, с которой на затылок и шею спускается белоснежный платок; на шапочке укреплен огромный тюрбан из ярко-алой ткани с золотыми и серебряными фигурками божеств и животных. Чтобы он не соскользнул на сторону, к краям тюрбана пришит плотный ремешок, уходящий под подбородок. Два пояса с серебряными бляшками, массивные круглые серьги, большой золотой диск с рельефным изображением победоносного Аи-Апека, висящий на груди правителя, и церемониальный медный нож с золотой рукояткой в виде птицы дополняют наряд кича.

При взгляде на лицо владыки мы сразу узнаем его. Ведь это оно было изображено на фигурном сосуде, который мы рассматривали на дворе гончара. Только в действительности он выглядит несколько старше и менее величественно — очевидно, скульптор немного польстил оригиналу.

Медленным движением руки кич берет маленький золотой сосуд, опускает в него длинную палочку с миниатюрной ложечкой на конце, вытаскивает ею оттуда серовато-коричневый шарик величиной с крупный боб и отправляет за щеку. Через несколько минут щеки правителя розовеют, глаза начинают блестеть, кажется, даже морщины на лице разглаживаются. Теперь он выглядит моложе и очень похож на свой портрет. Чем же можно объяснить эту перемену?

Кич принял сильный наркотик — кокаин. Древние народы Анд культивировали небольшой кустарник — эритроксилона кока. Очень давно ими

было замечено, что высушенные листья этого растения, если их пожевать, чудесным образом снимают усталость, возвращают силы, дают возможность обходиться длительное время без пищи, воды и сна. Поэтому они стали выращивать этот кустарник. О разрушительном воздействии на человеческий организм алкалоида кокаина, содержащегося в листьях, о том, что употребляющий их становится наркоманом, древние

перуанцы не знали или не придавали этому существенного значения. Более того, употребление коки у мочика было запрещено простым людям, этот наркотик был привилегией только знатных лиц. Высушенные и размельченные листья коки смешивались с золой от пережженных костей и извешью (этим достигалось большее выделение кокаина) и скатывались в шарики.

Пока кич находится в одиночестве, осмотрим парадный зал. Стены его, так же как и в храме, украшены росписями, но здесь они имеют совершенно иной характер. Все заполнено изображениями боевых сцен. Вот слева в пустынной местности

Рис. 7. Победители и пленные. Роспись на сосуде

среди песчаных холмов, поросших кактусами, ожесточенно схватилась группа воинов; они сражаются попарно. Один бросает камень, защищаясь в то же время небольшим круглым щитом от удара короткого копья. Собаки, которых мочика специально дрессировали для боя, кусают его за ноги; на животных одеты специальные панцири. Двое других замахнулись друг на друга булавами. А воин справа уже нанес противнику удар палицей, и кровь из разбитой головы брызжет в разные стороны. На правой стене изображена торжественная процессия победителей; они гонят перед собой врагов. Побежденные раздеты догола, на шее у каждого из них петли из толстой веревки, концы которых сжимают в левой руке герои; в другой они несут и свое и захваченное оружие. Большинство пленных держится за разбитые носы, из которых капает кровь; лишь один, обернувшись к своему врагу, проклинает его, показывая на него пылью. А дальше на фреске видна торжественная церемония жертвоприношения божеству войны: пленных сбрасывают с высокого утеса. Тела убитых разрезают на куски, чтобы после специальной обработки хранить потом дома, как трофеи. На самой высокой вершине стоит Аи-Апек, с удовольствием наблюдая за происходящим.

Все эти сцены изображены в богатой красочной гамме, смелой уверенной кистью, очень живо и правдиво. Видно, что над росписями здесь работал талантливый живописец.

К ногам неподвижно застывшего правителя вдруг подкатывается какой-то белый, покрытый черными пятнышками, меховой клубок, поску-

ливаает и тычется в его ногу. Это детеныш пумы требует к себе внимания. Мочика часто держали в домах оленят, попугаев, обезьян, детенышей пумы и приручали их. Один из таких питомцев и появился перед нашими глазами.

Неожиданно в зал входит высокий пожилой человек. Это *алаек* — управитель соседнего города, подчиненного кичу. Он участвовал в нескольких жестоких битвах и в одной из них потерял ногу; об этом свидетельствует большой деревянный протез. На середине зала он прикладывает руки к груди, склоняется и в таком положении приближается к владыке. Дождавшись, пока властелин обратит на него свой взор, алаек сообщает, что к столице приближается посольство могущественного народа, живущего в долинах рек Наски и Ики, в далекой южной части побережья. Он поспешил уведомить об этом событии повелителя. Какие распоряжения будут отданы по такому чрезвычайному случаю?

Кич принимает новую порцию коки и после минутного размышления приказывает с почетом встретить послов на границах города; он даст им аудиенцию.

Алаек исчезает, а правитель принимается играть с детенышем пумы. Он заинтересован услышанным известием.

Между тем по улицам города медленно движется торжественный кортеж. Впереди идет отряд воинов мочика, расчищая дорогу: посмотреть на послов сбежалось немало зевак. За ними следуют два скорохода (так положено по обычаю), а через десяток шагов в клубах поднявшейся пыли шествует алаек с гостями. Послов несут на носилках. Глава посольства, сурового вида старый индеец, одет необычайно пышно: на нем длинная красная мантия, расшитая изображениями фантастического зверя, похожего на кошку, но с антропоморфной головой — это главное божество Наски. Нижняя часть лица старика прикрыта полумаской из тонкой золотой пластины; от верхних углов ее к щекам поднимаются два нешироких «уса». Три других посла, люди среднего возраста, одеты в мантии фиолетового цвета со сложным геометрическим орнаментом. На головах, удлинненных из-за искусственной деформации — невысокие круглые шапки из ковровой ткани. Позади послов несколько носильщиков несут тюки, в которых упакованы подарки кичу, присланные правителем народа Наски.

Процессия приближается к дворцу. Алаек избегает по ступеням, теперь уже покрытым ярким разноцветным ковром, и скрывается в здании — он спешит уведомить повелителя о прибытии послов. Гости не спеша вылезают из носилок, их приветствуют придворные: идет обмен обычными любезностями. Но вот алаек снова появился в дверях и делает пригласительный жест: правитель ждет посланцев юга.

Когда глава посольства поднимается по ступеням, порыв ветра распахивает его мантию, и многие из присутствующих видят три высушенных человеческих головы, прикрепленные к его поясу. Они значительно меньше по величине, чем этого можно ожидать. Никого это не удивляет, — все знают, что жители южного побережья особо умело мумифицируют головы побежденных врагов и могут уменьшать их до размеров маленькой тыквы. Волнует другое — если посол облачен в военный наряд (головы на пояс и ожерелье из человеческих зубов на шее), значит речь пойдет о войне.

После приветствий послы занимают места напротив трона правителя и начинается церемония подношения подарков. Один за другим входят слуги и раскладывают на полу перед кичем свертки тканей, то плотных, как парча и бархат, то тонких, как газ или тюль. Сложные, многоцветные рисунки, вытканые или вышитые на них, изображают вооружен-

ных воинов, различных животных и птиц. Часто эти фигуры многократно повторяются в различных цветовых сочетаниях, располагаясь то горизонтальными, то вертикальными рядами или в шахматном порядке. Блещут яркими красками знаменитые расписные сосуды Наски, на них

Рис. 8. Фигурный сосуд: бог лис (Гос. Эрмитаж)

видны изображения птиц, рыб, насекомых, различные растения или женские лица с большими миндалевидными глазами. На других изображен кошачий бог — в передних лапах он держит трофеи — головы людей. Мелодично звенят складываемые грудой золотые украшения: ручные и ножные браслеты, нагрудные диски, серьги. Подарков очень много, и кич понимает, что поручение у послов очень серьезное.

Правитель выражает благодарность за присланные дары и начинает деловую часть встречи. Выясняется, что властелин Наски предлагает мочика совместный военный поход на жителей долины Теах, лежащей между их государствами. Мочика нападут на него с севера, а войска Наски с юга. Кич говорит, что ему необ-

ходимо посоветоваться со своим предком и поэтому он даст ответ завтра. А пока он просит гостей разделить с ним трапезу.

Начинается пир. Послы неоднократно выражают восхищение подаваемыми блюдами. Действительно, свежезажаренные морские свинки³ с отваренными земляными орехами и острой подливкой из перца очень вкусны. Не уступают им по продуманности приготовления и различные рыбные блюда, яйца игуаны со сладким картофелем и другие яства. Кукурузные лепешки подаются еще теплыми, их пекут прямо к столу. Хмельной напиток *кочо* вроде пива, изготовленный из кукурузы, вино из перебродившего сока растения *кабуя* льются рекой. На десерт подаются фрукты — ананасы, гванабано, чиримойя, авокадо, папайя. После еды правитель и гости направляются на отдых. Но перед этим кич отдает распоряжение: завтра на равнине около города состоится церемония священного бега в честь послов. Пусть лучшие и проворнейшие пригостятся к ней.

³ Мочика разводили морских свинок в качестве домашних животных.

Мы провели во дворце немало времени. Покинем его и возвратимся на берег Тихого океана; никак нельзя упускать великолепное зрелище заходящего солнца.

Раскаленный багровый диск плавно опускается в океанские волны. По мере приближения к воде он словно убыстряет свое движение. Вот уже половина его скрылась в темно-зеленой глубине, от оставшегося полукруга к берегу бежит зыблущаяся солнечная дорожка. Еще несколько минут, и дневное светило, словно приподнявшись на прощальное

Рис. 9. Ритуальный бег. Роспись на сосуде

мгновение, бросает последний луч и исчезает на отдых. Быстро темнеет, сумерек здесь почти нет. Только ледяные вершины Анд еще окрашены в зловещий малиновый цвет и рдеют в вышине, как раскаленные угли.

Теперь мы можем закончить наше затянувшееся путешествие. Возвращаясь назад по затихшему городу (жители его рано ложаться спать и рано встают), мы вдруг замечаем в одном из домов свет. Почему же здесь не спят? Что-нибудь случилось?

Входим в жилище. По убранству его сразу становится ясным, что люди здесь живут бедно: охапки соломы вместо постелей, едва прикрытые полосами грубой ткани, примитивный ткацкий станок, зернотерка и несколько других предметов домашней утвари, — вот и все, чем обладают хозяева. Глава семьи, пожилой мужчина, неподвижно лежит на постели, закрыв глаза; его одолевает тяжелая лихорадка. Чтобы помочь ему, родные пригласили шамана, известного своими многочисленными исцелениями. Он явился сразу же после захода солнца и уже начал процедуры. Потратим несколько минут и понаблюдаем за ними.

Лечебные действия начинаются с того, что шаман тщательно окуривает все тело больного табачным дымом от большой сигары, которую он держал во рту. Табак считается у мочика, да и у многих других индейских народов Южной Америки, очень сильным медицинским средством. Затем он вынимает из своей сумки пригоршню листьев коки и подбрасывает их вверх. Склонившись над разлетевшимися листьями, врачеватель долго изучает их расположение — это один из видов гадания. Теперь, после выяснения причин болезни, можно приступить к дальнейшим действиям.

Шаман выпивает большую чашу настоя из зеленых листьев табака. Ему это необходимо, чтобы добиться экстатического состояния. Скоро зелье действует, и он, покачиваясь, начинает петь заклинания. Затем, не прерывая их, шаман приступает к массажу тела больного. Темп песни становится все более быстрым, движения рук — учащенными. Вот врачеватель наклоняется, припадает к груди больного и энергично что-

то высасывает, время от времени сплевывая в стоящую рядом бутылку из высушенной тыквы. Так он удаляет то, что послужило причиной болезни. Наконец, после особенно долгого высасывания шаман с торжествующим видом поднимается на ноги, вынимает изо рта небольшой камешек и, подняв высоко в руке, показывает его. Всем присутствующим, боязливо наблюдавшим за обрядом, становится ясным: источник болезни извлечен!

Рис. 10. Фигурный сосуд: сова
(Гос. Эрмитаж)

Больному сразу становится легче, он заявляет об этом. Шаман дает ему целебное питье — позже оно станет известным во всем мире под названием перуанского бальзама — и натирает его тело мазью из жира ламы, смешанного с различными травами, измельченными в порошок. Теперь больной должен полежать несколько дней в покое и принимать бальзам, тогда болезнь совершенно оставит его, — говорит врачеватель.

Мы незаметно удаляемся из дома, чтобы не мешать семье выразить свою благодарность шаману и рассчитаться с ним. На небе уже сияют крупные южные звезды и месяц. На нем, по представлениям мочика, живет бог — лис. Это второе по значению божество после Аи-Апека, от него зависит очень многое, поэтому-то крыша дворца и украшена его изображениями.

Наш путь лежит мимо «Пирамиды Солнца». У ее подножья мы замечаем

богато украшенные носилки и четверых дремлющих рабов — носильщиков. Кто же может быть в это позднее время на пирамиде?

Войдя в храм на вершине, мы застаем там, к нашему удивлению, правителя. При мерцающем свете небольшого светильника он выливает в полый стебель тростника, укрепленный в полу, кочо из фигурного сосуда в виде совы. При этом сосуд издает тихий приятный свист: специальные перегородки внутри его гончар расположил так, что струя воздуха проходит через свисток в горле. Такие сосуды дошли и до нашего времени, несколько экземпляров их находится в собраниях Государственного Эрмитажа и Музея антропологии и этнографии АН СССР в Ленинграде.

Кич поит напитком душу своего предка. Глубоко в толще пирамиды находится гробница, в которой лежит мумия. Лицо ее прикрыто чеканной маской из золотого листа, вокруг тела стоят сосуды из драгоценных металлов и глины, разложены различные украшения и оружие. Погребения правителей мочика были очень богатыми. Не случайно после испанского завоевания белолицые грабители, разрыв одну из таких пирамид, добыли оттуда золотых и серебряных изделий на сумму 278 174 золотых кастельянос, что примерно равно 55 миллионам рублей, считая только стоимость металла. А ведь это были, прежде всего, замечательные памятники искусства. Невежественные и хищные конкистадоры пустили их на переплав, и художественные сокровища мочика

погибли бесследно. И в самой «Пирамиде Солнца» кладовщики в 1602 г. добыли 29 кг золота!

Тростниковая трубка соединяет гробницу с храмом; пользуясь ею, правитель в необходимых случаях совершает возлияние душе умершего. Теперь кич хочет посоветоваться с предком о походе на Теах: он был великим полководцем и его суждение особенно важно. Приняв большую порцию коки, правитель усаживается на полу около тростника и ждет, когда дух покойного объявит свое решение.

Не будем дожидаться ответа и спустимся с пирамиды. Тихий ночной ветерок приятно обдувает лица после духоты маленького храма. Давно уже настала пора отдыха, и мы можем закончить наше путешествие по столице мочика.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

Б. И. Шаревская, Культура древних народов области Анд, «Народы Америки», II, М., 1959; Antonio de la Calancha, *Coronica moralizada del orden de San Augustin en el Peru, con sucesos egenplares en esta monarquia*, Barcelona, 1638; Fernando de la Carrera, *Arte de la lengua yunga* (1644), «Publicaciones Especiales del Instituto de Antropología de la Universidad Nacional de Tucumán», № 3, Tucumán, 1939; B. Cobo, *Historia del Nuevo Mundo...* Ed. M. Jiménez de la Espada, vol. 1—4, Seville, 1890—1895; E. W. Middendorf, *Das Muchik oder die Chimú — Sprache, «Die einheimischen Sprachen Perus», Bd. 6, Leipzig, 1892; M. Uhle, Die Ruinen von Moche, «Journal de la Société des Américanistes» (далее JSA), t. 10, 1913; A. L. Kroeber, The Uhle pottery collections from Moche, «University of California Publications in American Archaeology and Ethnology», Berkeley, 1925, vol. 21, № 5; A. Posnansky, Die erotischen Keramiken der Mochicas und deren Beziehungen zu occipital deformierten Schädeln, «Abhandlungen zur Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte», Bd. II, Frankfurt a. M., 1925; M. Schmidt, Kunst und Kultur des alten Peru, Berlin, 1929; R. d'Harcourt et J. Niqué, La Sarbacane, l'élevage des Oiseaux et la tête réduite chez les peuples Mochica, JSA, t. 26, 1934; A. Jiménez Borja, Moche, Lima, 1938; R. Larco Hoyle, Los Mochicas, t. 1—2, Lima, 1938—1939; W. C. Bennet, Archaeology of the North Coast of Peru. An account of exploration and excavation in Viru and Lambayeque Valleys, «Anthropological Papers of the American Museum of Natural History», New York, 1939, vol. 37, part I; H. Leicht, Indianische Kunst und Kultur. Ein Jahrtausend im Reiche der Chimú, Zürich, 1944; R. Larco Hoyle, The Mochica culture, «Handbook of South American Indians», vol. 2, Washington, 1946; G. Kutscher, Religion und Mythologie der frühen Chimú (Nord Peru), «Actes du XXVIII-e Congrès International des Américanistes», Paris, 1948; J. H. Rowe, The Kingdom of Chimor, «Acta Americana», Ann Arbor, 1948, vol. 6, № 1—2; G. Kutscher, Chimú. Eine altindianische Hochkultur, Berlin, 1950; W. C. Bennet, The Gallinazo Group, Virú Valley, Peru, «Yale University Publications in Anthropology», vol. 43, New Haven, 1950; H. Horkheimer, El Perú prehispánico, Lima, 1950; G. Kutscher, Sakrale Wettläufe bei den frühen Chimú (Nord Peru), «Beiträge zur Gesellschaft- und Völkerwissenschaft», Berlin, 1950; J. Alcina Franch, Una nota acerca de la escritura Mochica con Pallares, «Revista de Indias», Madrid, 1951. Año XI, № 43—44; R. P. Schaedel, Mochica murals at Pañamarca, «Archaeology», 1951, vol. IV, № 3; D. W. Strong, C. Evans, Cultural stratigraphy in the Virú Valley, Northern Peru. The formative and florescent epochs, «Columbia Studies in Archaeology and Ethnology», New York, 1952, vol. IV; A. Vivante, Escritura de los Mochicas, Origen, Madrid, 1953, Año I, № 6; G. R. Willey, Prehistoric settlement patterns in the Virú Valley, Peru, Bureau of American Ethnology, Bulletin 155, Washington, 1953; G. Kutscher, Nordperuanische Keramik. Figürlich verzierte Gefässe der früh-Chimú, «Monumenta Americana», I, Berlin, 1954; H. Ubbelöde-Doering, The art of ancient Peru, New York, 1954; H. G. S. Bushnell, Peru, London, 1956; J. A. Mason, The ancient civilizations of Peru, London, 1957; H. Ubbelöde-Doering, Alt-Mexikanische und Peruanische Malerei, Berlin, 1959; S. K. Lothrop, Treasures of ancient America, Geneva, 1964; P. Kosok, Life, land and water in ancient Peru, New York, 1965; R. Larco Hoyle, Peru, Geneva — Paris, 1966.*

А. И. РОБАКИДЗЕ

(К 60-летию СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

22 ноября 1967 г. исполнилось 60 лет со дня рождения видного советского этнографа доктора исторических наук, профессора Алексея Ивановича Робакидзе. Эта дата совпала с 30-летием его научной и педагогической деятельности.

Огромная эрудиция, принципиальность, разнообразие выполненных научных работ и неустанная забота о воспитании молодых кадров — вот предельно краткая характеристика кипучей деятельности Алексея Ивановича Робакидзе.

В течение пяти лет после окончания Тбилисского университета (1930 г.) Алексей Иванович занимался практической работой. В 1935 г. он поступает в аспирантуру бывшего Института кавказоведения по специальности этнография, которую завершил в 1939 г. защитой диссертации «Формы организации труда в народном хозяйстве древней Грузии». В 1940 г. ему присваивается степень кандидата исторических наук.

С особой силой раскрывается дарование в то время молодого специалиста в Институте истории АН Грузинской ССР. Одновременно с научной работой Алексей Иванович занимается большой общественно-административной деятельностью. На протяжении ряда лет он был ученым секретарем Института истории и отделения общественных наук АН Грузинской ССР.

Почти 15 лет (с 1943 г.) А. И. Робакидзе занимал пост заместителя директора по научной части Института истории им. акад. И. А. Джавахишвили. Кроме этого, он неоднократно избирался секретарем парторганизации Института истории Академии наук ГрузССР. Несмотря на огромную перегруженность, А. И. Робакидзе ежегодно принимает непосредственное участие в полевых работах института по сбору этнографического материала.

С 1956 г. А. И. Робакидзе — доктор исторических наук. В 1965 г. за плодотворную научную, общественную и педагогическую деятельность указом Президиума Верховного Совета Грузинской ССР ему присваивается звание заслуженного деятеля науки.

Научная деятельность Алексея Ивановича развивалась в основном в трех направлениях. Многие годы он уделял большое внимание изучению древних форм хозяйственной жизни грузинского народа. Этой проблеме Робакидзе посвятил ряд работ. Укажем, например, на монографию «Пережитки коллективной охоты у рачинцев» (Тбилиси, 1941), в которой выявлены старые формы охоты и ее место в хозяйственной жизни грузинского народа. Этой же проблеме посвящен обобщающий труд «К истории пчеловодства», где установлены основные этапы развития пчеловодства и его место в хозяйственном быту грузин и других народов. Нельзя не упомянуть и серию исследований, которые касаются коллективных форм взаимопомощи во время сельскохозяйственных работ в дореволюционной Грузии.

В области изучения нового быта А. И. Робакидзе является одним из зачинателей этого дела. Он разработал методику изучения культуры и быта рабочих Грузинской ССР в статье «К некоторым спорным вопросам этнографического изучения нового быта» («Сов. этнография», 1952, № 2). К этой же проблеме относится монография «Некоторые стороны быта рабочих чиатурской марганцевой промышленности» (Тбилиси, 1953).

Кроме этих работ, А. И. Робакидзе успешно исследует и материальную культуру грузинского народа. В этом направлении им опубликован ряд исследований, в которых освещены основные элементы поселения и сделана попытка классификации грузинского народного жилища.

Изучая поселения горцев, А. И. Робакидзе показал, какое важное значение имеет полевой этнографический материал в деле правильного понимания ряда сторон общественного быта горцев Кавказа.

Длительная и стойкая сохранность пережитков общинного быта в горной Грузии дала повод некоторым исследователям говорить о наличии родового строя в этих

районах в XIX в. Посредством глубокого исторического анализа этнографического материала А. И. Робакидзе опроверг это ошибочное мнение, показав в то же время, что в историческом прошлом общественное развитие горцев Центрального Кавказа пошло, минуя рабовладельческую формацию, по пути феодализации. Правильность этой точки зрения в данном вопросе подтверждается новыми исследованиями историков-кавказоведов.

В своих исследованиях А. И. Робакидзе отмечал, что изучение этнических и культурно-исторических связей между народами Кавказа приобретает особое значение. Эта особенность определяется, с одной стороны, сравнительно высокой степенью этнической пестроты, а с другой — родственным происхождением, общностью исторических судеб и сходными формами культуры и быта древнего населения Кавказа. В период строительства социализма и перехода от социализма к коммунизму проблемы взаимоотношений между народами Советского Союза приобретают исключительное значение. В связи с этим по инициативе группы ученых во главе с А. И. Робакидзе и при поддержке руководства Института истории и Президиума АН Грузинской ССР в 1961 г. в Институте истории был организован Отдел этнографии Кавказа, руководителем которого и является Алексей Иванович Робакидзе.

С 1957 г. Алексей Иванович ведет огромную научно-педагогическую работу в Батумском научно-исследовательском институте АН Грузинской ССР, где он на общественных началах руководит отделом этнографии и археологии.

В последнее время А. И. Робакидзе работает в основном по линии культурно-исторических и этнических связей грузин с другими народами Кавказа, что одновременно является главной проблемой Отдела этнографии Кавказа. Этой проблеме он посвятил ряд работ, в том числе такие монографии, как «Сванское село в прошлом» (в соавторстве с Р. Л. Харадзе, 1964), «Мтиульское село в прошлом» (в соавторстве с Р. Л. Харадзе, 1965) и «Очерки этнографии горных ингушей» (авторский коллектив, 1967). Кроме этого, им внесен большой вклад в разработку основных вопросов балкарской и чечено-ингушской этнографии.

А. И. Робакидзе придает чрезвычайно важное значение этнографическому наследию. Он опубликовал двухтомник этнографических записок видного грузинского этнографа конца XIX в. Б. Нижарадзе.

Немалые заслуги у Алексея Ивановича и в области изучения проблемы народно-национальных видов спорта, в том числе в разработке методики сбора полевого этнографического материала по подвижным играм.

Перу Алексея Ивановича, наряду с другими работами, принадлежит весьма интересное со многих точек зрения монографическое исследование древнегрузинской конно-спортивной игры «цхенбурти», в которой автор убедительно раскрывает историю этой игры.

А. И. Робакидзе исключительно большое внимание уделяет подготовке научных кадров. Под его непосредственным руководством подготовлено несколько кандидатских и докторских диссертационных работ.

Коллеги, друзья и ученики горячо поздравляют Алексея Ивановича с шестидесятилетием, которое он встречает в полном расцвете своих сил, и желают ему доброго здоровья на благо советской науки.

Т. А. Чиковани

НАУЧНАЯ СЕССИЯ ЛЕНИНГРАДСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ АН СССР

С 11 по 13 апреля 1967 г. в Ленинграде была проведена научная сессия, организованная Ленинградским отделением Института этнографии АН СССР. На этой сессии были подведены некоторые итоги научно-исследовательской работы отделения за 1966 г. В ней приняли также участие сотрудники Института археологии АН СССР, Ленинградского университета, Музея истории религии и атеизма, Государственного Музея этнографии народов СССР и Государственного Эрмитажа.

Всего было заслушано 37 докладов.

На пленарных заседаниях были представлены 4 доклада. В докладе Д. А. Ольдерогге «Этнолингвистическое и политическое деление Африки» были рассмотрены социально-экономические и политические изменения на африканском континенте и связанные с этим изменения границ. Колониальный раздел Африки нарушил старые исторические и экономические связи, сложившиеся на протяжении столетий. На континенте начали создаваться новые связи, которые определялись задачами эксплуатации африканских территорий. Новые независимые государства возникли в границах прежних колоний. Некоторые из них приняли древние исторические названия, другие создали новые, но большинство сохранило старые наименования — названия колоний. Тяжелое наследие колониального режима осложняет развитие молодых африканских государств.

Л. М. Сабурова сделала доклад «Новая советская обрядность и ее периодизация». Новая обрядность начала создаваться с установлением Советской власти и за годы социалистического строительства прошла в своем развитии ряд этапов. Эти этапы, по мнению докладчика, соответствуют основным вехам истории советского общества и обуславливаются ими.

Дискуссионный доклад «Теории происхождения расового типа Среднеазиатского междуречья» прочитал В. В. Гинзбург. На пленарном заседании был заслушан также доклад Н. А. Бутинова «К вопросу о социальной организации на стадии «оазиса присваивающего типа».

В секции «Этнография народов СССР» было прочитано 12 докладов. Из них пять были посвящены народам Севера и Сибири. Л. В. Хомич сделала доклад «О современных этнических процессах в Ямало-Ненецком национальном округе», основанный на полевых материалах. Автором был поднят ряд актуальных вопросов, в частности о создании постоянных кадров из русского, ненецкого и иного населения, о техническом оснащении традиционных отраслей хозяйства и дальнейшем поднятии культуры коренных народностей, а также об усилении интернационального воспитания среди приезжего населения.

Г. Н. Грачева посвятила свое сообщение традициям в типах погребальных сооружений ямальных ненцев. Она высказала мысль о связи восточных групп ненцев с тунгусами.

Е. А. Алексеенко в своем докладе показала, что в культуре кетов выявляются многочисленные элементы южносибирского происхождения. Так, конструктивные особенности и терминология кетского чума находят аналогии у алтайцев, тувинцев и хакасов; значительное сходство с южносибирскими народами прослеживается в одежде, культе семейных покровителей, шаманстве и топонимических материалах.

Сибирской тематике были посвящены также доклады Г. М. Василевич («Некоторые вопросы племени и рода у эвенков») и Ф. А. Сатлаева («Современная культура и быт кумандинцев»).

С интересом был встречен доклад Л. И. Лаврова «Дискуссионные вопросы этнической и политической истории карачаевцев и балкарцев». Л. И. Лавров, в частности, предполагает, что до переселения в XIII в. кабардинцев в Кабарду и Пятигорье эта территория принадлежала не аланам, а половцам. Половцы не вытеснили алан в Балкарию, а приселились к ним, смешались с ними, и передали им свой язык.

Т. В. Станюкович сделала содержательный доклад об истории этнографического образования в нашей стране в 1920-х годах. Характеристике семушьяго промысла в Поморье во второй половине XIX — начале XX в. был посвящен доклад Т. А. Бернштам. Р. Я. Рассудова доложила материалы по истории общинных отношений в Зеравшанской долине в конце XIX — начале XX в.

Доклады Т. К. Шафрановской и С. Б. Фараджева были посвящены музейной тематике. Первый доклад касался некоторых вопросов истории Кунсткамеры, а второй — хранения этнографических коллекций в музеях СССР. Вопросы, затронутые в докладе С. Б. Фараджева, заслуживают специального внимания и должны стать предметом обсуждения Музейного совета Института этнографии АН СССР.

Секция «Этнография зарубежных народов» заслушала 15 докладов.

Три доклада были посвящены этнографии и истории Китая. А. М. Решетов в докладе «Проблемы национального размежевания в КНР» критиковал великодержавную шовинистическую национальную политику нынешнего китайского руководства. Р. Ф. Итс рассказал о роли юэ в этнической истории Юго-Восточного Китая, причем выделил две археологические зоны, соответствующие районам расселения двух различных исторических групп юэ. В. А. Вельгус на основе анализа древних письменных источников высказал мнение, что китайские мореходы не совершали плаваний в Индийский океан ранее XI в.

Этнографии Монголии были посвящены доклады В. С. Старикова и К. В. Вяткиной. В. С. Стариков считает, что земледелие хуннов не было заимствовано из Китая, а имело более ранние связи с земледелием Средней Азии, что истоки монгольского земледелия следует искать в западных районах Центральной Азии. К. В. Вяткина представила доклад «Культивирование животных у монгольских народов».

Основным предметом этнографического изучения народов Индонезии был посвящен доклад Ю. В. Маретина. Е. В. Иванова доложила об изучении Таиланда зарубежными учеными в послевоенные годы, а С. А. Маретина — о состоянии и задачах этнографического исследования горных народов Северо-Восточной Индии.

Интересные этнографические материалы содержались в докладах Ю. В. Ионовой «Следы тотемизма у корейцев», В. П. Курылева «К вопросу об организации цехов ремесленников в Турции», Ф. Д. Ляшкевич «Некоторые этнографические данные о татах Ирана», М. Н. Серебряковой «Некоторые соображения о характере турецких загадок», В. В. Матвеева «Сельскохозяйственные культуры у народов банту в X—XII вв. по арабским источникам» и М. А. Толмачевой «Об арабском влиянии на фольклор суахили». Р. А. Ксенофонта рассказала о японских коллекциях Петровской кунсткамеры (XVIII в.).

Секция «Антропология и палеоэтнография» заслушала 6 докладов. На полевых археологических материалах были основаны доклады Л. Г. Нечаевой «Предварительные итоги изучения склеповых сооружений Северного Кавказа» и Т. А. Поповой «Зооморфная пластика на керамике трипольского поселения Поливанов-Яр». Выступая по первому докладу, в котором освещались некоторые проблемы этнической истории народов Северного Кавказа, Л. И. Лавров высказал пожелание об организации специальной сессии, посвященной этой проблематике.

Доклад Э. Е. Фрадкина «Новые антропоморфные и зооморфные скульптурные изображения по материалам раскопок П. П. Ефименко на палеолитической стоянке Костенки I (1931—1936 гг.)» представил значительный интерес. Докладчик выявил новую серию антропоморфных и зооморфных изображений, изготовленных из мергеля. По его мнению, это выдвигает ряд новых проблем и задач по переосмыслению всей скульптуры Костенок I.

На этой же сессии были заслушаны также три антропологических доклада — А. С. Загородного «К палеоантропологии населения Минусинской котловины в эпоху ранней бронзы», Б. В. Фирштейн, «Население эпохи бронзы нижнего Подонья» и Т. К. Ходжайова «Формирование антропологических типов в южном Приарале на протяжении последних двух тысячелетий».

Годичная научная сессия Ленинградского отделения Института этнографии АН СССР привлекла значительное внимание научной общественности. На заседаниях присутствовало много специалистов из других гуманитарных учреждений Ленинграда. Работа секций проходила при большой активности, иногда по каждому докладу было по несколько выступлений.

Сессия оживила научную жизнь коллектива, способствовала более широкому контакту с гуманитарными учреждениями и научными сотрудниками города и страны. Недаром во многих выступлениях было обращено внимание на положительное значение возобновления ежегодных научных сессий Ленинградского отделения Института этнографии и плодотворность совместных совещаний этнографов, археологов, востоковедов и историков.

К началу сессии был выпущен сборник «Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Института этнографии АН СССР (Ленинградское отделение) за 1966 г.».

Опыт этой сессии целесообразно учесть при подготовке следующих сессий. Так, желательно, чтобы на секционные и пленарные заседания выносились больше докладов, освещающих новые проблемы и имеющих теоретико-методологическое значение. Больше внимания на годичных сессиях следует уделять современным этническим процессам у народов СССР, в том числе методике изучения этих процессов. Желательно, чтобы в сессиях принимали участие московские сотрудники Института этнографии.

Ч. М. Таксами

ЗАСЕДАНИЕ УЧЕНОГО СОВЕТА ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ АН СССР, ПОСВЯЩЕННОЕ МЕЖДУНАРОДНОМУ ДНЮ БОРЬБЫ ПРОТИВ РАСИЗМА

21 марта 1960 г. в Шарпевиле и других городах ЮАР были расстреляны демонстрационеры африканцев. В память жертв расистского террора XXI сессия Генеральной Ассамблеи ООН объявила этот день Международным днем борьбы за ликвидацию расовой дискриминации.

21 марта 1967 г. в Институте этнографии АН СССР состоялось расширенное заседание Ученого совета, посвященное Международному дню борьбы против расизма. В сессии приняли участие представители различных научных учреждений и институтов Москвы. С докладами выступили сотрудники Института этнографии АН СССР (А. В. Ефимов, И. Р. Григулевич, Э. Л. Нитобург, Л. А. Фадеев, Н. Н. Чебоксаров), Института истории АН СССР (Р. Ф. Иванов), Института мировой экономики и международных отношений АН СССР (М. С. Восленский, И. А. Лебедев).

А. В. Ефимов, подвергнув в своем докладе критическому анализу расовые теории и, в частности, идеи о том, что врожденные биологические свойства — расовые особенности — определяют место людей в обществе, говорил о сущности расизма, о причинах и времени его возникновения, о марксистском понимании расы, как социальной категории. Различия в социальном и культурном уровне рас, подчеркнул докладчик, объясняются не биологическим происхождением или антропологическими свойствами рас, а историческими условиями их развития. На определенной ступени своей эволюции расы, не переставая быть биологической категорией, приобретают черты категории социальной, и их развитие определяется общественно-экономической формацией.

Касаясь проблемы возникновения расизма, А. В. Ефимов отметил, что защита рабства в трудах Аристотеля и Платона была связана не с идеей о расовых различиях, а с концепцией элиты и рабов, хотя в дальнейшем теория Аристотеля о «естественном рабстве» была использована расистами. Начало расового угнетения А. В. Ефимов связывает со временем перехода от феодализма к капитализму. Хотя проблема колониализма и расизма, как подчеркнул докладчик, еще недостаточно изучена на конкретном материале, очевидно, что возникновение колониальной системы повлекло за собой угнетение и порабощение одних народов другими и как следствие этого появились псевдонаучные теории, доказывающие «извечность», «естественность» превосходства одной расы над другой. В эпоху капитализма и империализма создается система антинаучных расистских концепций и построений, расизм становится частью буржуазной идеологии и одним из средств разделения народов и усиления эксплуатации, широкое распространение получает практика расовой дискриминации. Фашистская идеология и политика — наиболее человеконенавистническое проявление расизма. Особую опасность для мира представляет в настоящее время американский расизм, исторические корни которого прежде всего связаны с рабством негров.

Война во Вьетнаме, расовая дискриминация, широко практикуемая в США и других странах, политика апартеида в ЮАР, опасные симптомы возрождения неонацизма и антисемитизма в Западной Германии требуют объединения всех прогрессивных сил. Поэтому инициатива ООН, провозгласившей 21 марта Международным днем борьбы против расизма, получила горячий отклик советской общественности. Задачи ученых, как указывает А. В. Ефимов, состоят в том, чтобы вскрыть источники и корни, питающие расизм, вести борьбу с проявлениями расистской идеологии в науке, и, в частности, в трудах этнопсихологов, и обратить особое внимание на теоретическую разработку проблемы социальной сущности расизма.

Установление функциональной зависимости между умственными способностями, нравственными качествами, нормами поведения людей и их расовыми особенностями, утверждение о существовании резких физических и психических различий между расами, о якобы наследственно обусловленной неполноценности одних рас и природной одаренности других лежат в основе расовых теорий и расовой дискриминации.

Для научной критики этих теорий и борьбы с расизмом большое значение имеет теоретическая разработка понятия расы. Эти вопросы стояли в центре доклада Н. Н. Чебоксарова.

Анализируя две основные ныне существующие в антропологии концепции расы — типологическую и популяционную, докладчик отмечает, что сторонники первой концепции определяют расу как комплекс наследственно связанных особенностей. Из этого следует, что если тот или иной тип наследуется в целом, т. е. включая морфологические, физиологические и психологические признаки, то с расовой принадлежностью генетически связана также психика людей. Таким образом, типологическая концеп-

ция может дать теоретическое обоснование расистским теориям. Однако, как указывает докладчик, не все ее сторонники проповедают расизм, среди них есть люди, активно выступающие против расовой дискриминации.

Большинство советских ученых придерживается популяционной концепции, согласно которой расы характеризуются исторически сложившимся сочетанием признаков, в большинстве случаев наследуемых независимо друг от друга. Поэтому нет обусловленной функциональной связи между морфологическими и психическими особенностями расы. Интеллектуальные способности или нормы поведения людей ни в коей мере не определяются расовыми признаками и особенностями, а наследственностью и социальной средой. Н. Н. Чебоксаров подчеркивает, что групповая психология людей всегда была и есть социальная категория, а не расовая и что «все человеческие популяции обладают генетическими возможностями достижения высших ступеней экономического, общественного и культурного развития». Докладчик далее рассказывает о дискуссии между «популяционистами» и «типологами», которая велась в 1962—1964 гг. на страницах журнала «Current Anthropology» и на VII МКАЭН в 1964 г.

Р. Ф. Иванов в своем выступлении говорил о бесчеловечных методах, применяемых армией США во Вьетнаме, об использовании напалма, отравляющих веществ и других средств массового уничтожения мирного населения. Ссылаясь на многочисленные свидетельства мировой прессы и неопровержимые факты, докладчик констатирует, что методы, которыми американский колониализм добивается осуществления своих агрессивных целей в необъявленной войне против вьетнамского народа являются неприкрытым проявлением геноцида.

Доклад Э. Л. Нитобурга был посвящен проблеме возникновения черных гетто Америки, причинам их существования и расширения в наши дни. Американские социологи и публицисты часто заявляют, что причинами волнений негров являются чрезмерная урбанизация США и имманентные «пороки большого города». Отвечая подобным утверждениям, Э. Л. Нитобург показал, что эти волнения вызваны экономическим угнетением, расовой дискриминацией и сегрегацией негров в гетто американских городов. Переходя к истории образования негритянских кварталов в городских центрах страны, докладчик характеризует особенности процесса урбанизации негритянского населения. Массовая миграция негров, живших до этого в сельских районах Юга, началась в годы первой мировой войны, но особенно интенсивной она стала в последующие десятилетия. «За последние 25 лет,— говорит Э. Л. Нитобург,— бегство негров с Юга — от нищеты, жесточайшей эксплуатации и расистского террора — приняло невиданные масштабы... сейчас уже половина всего негритянского населения США живет на Севере и Западе». Крупнейшими центрами сосредоточения негров стали Нью-Йорк, Чикаго, Детройт, Кливленд. По мнению докладчика, американские негры сейчас — наиболее урбанизированная этническая группа США.

Касаясь специфики процессов внутренней миграции и урбанизации, докладчик приходит к выводу, что в США эти процессы тесно переплетаются с расовой проблемой. Муниципиальные постановления и законы штатов о расовой сегрегации конца XIX — начала XX в., «ограничительные соглашения», запрещавшие домовладельцам сдавать и продавать дома неграм в районах белого населения, вынуждали негров селиться в особых кварталах. Так возникли черные гетто, обязательными атрибутами которых стали нищета, безработица, скученность антисанитарные условия. И хотя в 1948 г. под давлением негритянского движения «ограничительные соглашения» были отменены, неписанные законы расовой дискриминации продолжают действовать и сейчас. Сохранение их объясняется не только расовыми предрассудками белого населения, но и заинтересованностью в существовании гетто их подлинных владельцев — корпораций и банков.

Заслуживает внимания еще одно явление. В последние годы наблюдается отлив белого населения из внутренних районов крупных городов с их ветхими строениями и загрязненным отработанным газом воздухом в благоустроенную зеленую зону пригородов. Иногда эти старые районы заполняются негритянской беднотой. Но рост негритянского населения в городах несколько не поколебал прочность «цветного барьера», он стал более подвижным, в лучшем случае стена, отделяющая белое население от черного, «отодвигалась», но никогда не рушилась, не переставала существовать. Таким образом, говорит в заключение Э. Л. Нитобург, «изменение расового состава населения» городов вовсе не означает интеграции негритянского населения с белым и ликвидации гетто. Переселение негров в квартал белых, обычно пограничный с гетто, приводит к отъезду белых, к расширению гетто с его законами.

В Южно-Африканской Республике, являющейся одним из главных очагов расизма, унижение человеческого достоинства африканцев узаконено конституцией государства. Основным этапом эволюции расизма в ЮАР, политике апартеида посвятив свое выступление Л. А. Фадеев. Первые законы, запрещавшие смешанные браки, были приняты голландскими колонизаторами еще в конце XVII в. С тех пор дискриминация коренного населения неуклонно усиливалась и расширялась, особенно с кон-

ца XIX в., после открытия богатейших в мире запасов золота и алмазов, когда эксплуатация африканцев стала основой экономического могущества колонии Южная Африка. С образованием доминиона ЮАС в составе Британской империи (1910) расовая дискриминация становится государственной политикой правительства. Власти Союза приняли серию законов, юридически закрепивших социально-экономическую и политическую дискриминацию аборигенов. У африканцев было отнято право собственности на землю (за исключением территории резерватов). Африканцы не имели избирательных прав, законы предписывали использовать их только на неквалифицированной работе. Докладчик подробно разбирает расистские законы, принятые в Южной Африке до 40-х годов XX в.

После второй мировой войны южноафриканская буржуазия, обеспокоенная ростом национально-освободительного движения во всем мире и в самой стране, приняла новое наступление против цветного населения и провозгласила доктрину «апартхеида». «Созданные богом расы должны сохранять различия между собой», «ассимиляция означает распад культуры» — вот некоторые из тезисов расистов ЮАС. В 1948 г. принудительное разделение и противопоставление рас стало официальной политикой пришедшей к власти Националистической партии. Л. А. Фадеев показывает, как проводилась доктрина апартхеида в жизнь, что она принесла стране. Принятые в 1950—1952 гг. законы о «расселении по группам» позволили властям произвольно объявлять любой район местом поселения той или иной этнической группы, выселять его жителей из одной местности в другую без всякой компенсации. Началось насильственное расселение народов по признаку расовой и национальной принадлежности. Десятки тысяч африканцев и индийцев были вынуждены, например, покинуть пригороды Йоганнесбурга и других крупных центров страны, освободив их для европейцев. Запрещением смешанных браков, семилетним тюремным заключением за нарушение этого закона правительство стремилось воспрепятствовать ассимиляции.

В конце 1950-х годов события в Южной Африке стали все больше привлекать внимание мировой общественности. По инициативе освободившихся от колониального гнета африканских народов была начата международная кампания бойкота расистского режима. В этих условиях правящие круги ЮАР предприняли новый маневр, провозгласив план «окончательного» разрешения расовой проблемы. Заменяя лозунг «господства белого человека» лицемерным лозунгом «свобода черному человеку», правительство Фервурда приступило к осуществлению доктрины «позитивного апартхеида». Истинный смысл этой широко разрекламированной политики, заявил докладчик, сводился к окончательному лишению африканцев политических и гражданских прав, стремлению правительства загнать их в резерваты, которые провозглашались «национальными отчествами африканцев», обресть их на нищету и вымирание. В своих попытках сохранить в Африке один из последних очагов расизма и колониализма, удержать власть европейского меньшинства над остальным населением правящие классы не останавливаются перед применением фашистских методов управления. В заключение Л. А. Фадеев говорит о поддержке южноафриканского режима империалистическими кругами США и других стран.

Тема доклада И. Р. Григулевича — связь расизма с религией, роль и место расистской идеологии в теории и практике христианства и особенно католической церкви со времени возникновения христианства до II Вселенского собора 1965 г. Элементы расизма и антисемитизма, как его разновидности, по мнению докладчика, появились с распространением христианской религии. Уже в середине века среди церковников широко бытовали идеи о том, что бог отвергает людей с небелой кожей. Но расистская доктрина впервые четко была сформулирована теологами в период конквисты Америки, когда идеи церкви о расовой неполноценности индейцев явились идеологическим обоснованием завоевания и уничтожения индейского населения европейскими колонизаторами. Расистские взгляды церковников выражал испанский богослов Хуан Гинет де Сепульведа, проповедовавший «естественную неполноценность и порочность американских туземцев».

С распространением в американских колониях рабства негров религия и церкви были поставлены на службу интересам рабовладельцев. Обосновывая рабство «отвергнутых богом» негров христианским учением, священники с церковной трибуны оправдывали эксплуатацию негритянского населения, призывая его повиноваться своим хозяевам. В духовном порабощении американских негров нашли общий язык католическая и протестантские церкви, испанские и португальские, французские и английские священники. Выясняя причины распространения расистских идей в США, докладчик справедливо указывает на громадную роль церкви в воспитании антинегритянских настроений среди белого населения страны.

Как реакция на расизм официальной церкви в XVIII в. возникают негритянские религиозные общины и церкви (баптистская, методистская, афрохристианская и др.), деятельность которых постепенно принимала характер социально-политического протеста. В этих религиозных движениях находили свое выражение недовольство негров и их возмущение экономическим и социальным гнетом, расовой дегрегацией и дискри-

минацией. Не случайно поэтому из рядов негритянских священников вышли такие видные борцы за свободу и равноправие, как Мартин Лютер Кинг, а церкви негров в США часто становятся центрами движения против дискриминации. Именно участием негритянских церквей в борьбе за равноправие объясняет докладчик их влияние среди негритянского населения. В то же время настроения негритянских масс побуждают священников активнее включаться в движение против дискриминации и сегрегации. Приводя данные о религиозной принадлежности негров, И. Р. Гругулевич делает вывод о том, что в современной Америке и церковь делится по расовому признаку.

Вскрывая связь антисемитизма, как разновидности расизма, с христианством, И. Р. Гругулевич показывает, как со времени раннего средневековья церковь выступала инициатором гонений и преследований евреев, отвлекая внимание трудящихся от классовой борьбы. Докладчик говорит об ответственности католической церкви и протестантских церквей Германии, а также папы Пия XII за массовое уничтожение евреев нацистами.

После второй мировой войны под влиянием разгрома фашизма и изменения международной обстановки протестантские и католическая церкви официально осудили расизм и антисемитизм. Несомненно, положительным фактором является решение II Вселенского собора о снятии вины с евреев за распятие Христа. Однако несмотря на это, говорит докладчик, влиятельное меньшинство протестантских церквей на Юге США и в ЮАР, а также отдельные церковники пытаются найти оправдание расизму и расистской политике в христианском учении.

Участник Нюрнбергского процесса, осудившего от имени Объединенных Наций самое бесчеловечное в современной истории проявление расизма — антисемитизм, М. С. Востленский обратил внимание собравшихся на тревожные факты возрождения нацистской идеологии в Западной Германии. С усилением позиций неонацистов в ФРГ вновь разжигается ненависть к евреям. В 1959 г. страна стала свидетельницей антисемитских выступлений. Суд над Эйхманом послужил поводом для нового взрыва антисемитизма. Интересны приводимые докладчиком результаты обследования Западногерманского института по изучению общественного мнения: $\frac{2}{3}$ опрошенных вообще отрицали право юристов Израиля судить Эйхмана, а 41% — высказались против допуска евреев в правительство и государственную администрацию ФРГ. Современное западногерманское законодательство, а также органы правосудия не считают наказуемым поступком распространение расистских теорий. Пользуясь этим, говорит докладчик, неонацисты открыто проповедуют расовую неполноценность евреев и цветных народов. На страницах журналов печатаются статьи, где ведутся, например, рассуждения о природной лени и нравственной неустойчивости негров. Представители стран Африки и Азии, приезжающие в ФРГ, сталкиваются с расовой предубежденностью и дискриминацией. Западногерманский расизм находит свое проявление и во всесторонней поддержке апартхеида ЮАР, которую оказывает правительство ФРГ.

О судьбе аборигенов Австралии говорил в своем докладе И. А. Лебедев. Привлекая исследователей перейти от перечисления фактов и проявлений дискриминации к всестороннему освещению проблемы, учитывать изменения в положении коренного населения современной Австралии, докладчик сосредоточивает свое внимание на этапах расистской государственной политики в отношении аборигенов. На смену «политике уничтожения», как характеризует И. А. Лебедев расизм британских завоевателей эпохи колонизации страны, проявившийся в полном уничтожении аборигенов Тасмании, в конце XIX в. была провозглашена политика «опеки». Аборигены, официально объявленные «низшей расой», нуждающейся в охране со стороны государства белых, были загнаны в резервации и обречены на медленное и «естественное» вымирание. Таким представлялось австралийским расистам, говорит докладчик, «окончательное» решение проблемы аборигенов.

Однако упорная борьба коренного населения за существование, а также крах системы колониализма после второй мировой войны, успехи антирасистского и антиколониалистского движения во всем мире, выступления прогрессивных сил самой Австралии в защиту аборигенов вынудили правительство в 1950-х годах провозгласить «политику ассимиляции», объявить аборигенов «равноправными гражданами», ликвидировать часть дискриминационных ограничений. Все эти меры, по мнению докладчика, являются серьезным завоеванием аборигенов и прогрессивных сил страны, которые проявляют подлинную заинтересованность в судьбах коренного населения. Однако, как отмечает И. А. Лебедев, пока это — формальное провозглашение равенства, так как на практике дискриминация далеко не изжита, социальное законодательство полностью на аборигенов не распространяется, большинство коренных жителей живет на уровне «более низком, чем нищета». «Политика ассимиляции» аборигенов, долгое время подвергавшихся дискриминации и сегрегации, социальному и экономическому гнету и отставших поэтому в своем развитии, на деле приводит к тому, доказывает И. А. Лебедев, что поставленные в «равные условия» в капиталистическом мире, они превращаются в самую бесправную и эксплуатируемую группу населения.

Инициаторами общенационального движения за подлинное, практическое равенство аборигенов выступали коммунисты Австралии. В ходе развернувшейся в 1950-е

годы дискуссии, которая велась на страницах теоретического журнала компартии, был отвергнут тезис о том, что аборигены представляют собой лишь «наиболее угнетаемую социальную» группу и проблема аборигенов является только чисто классовой проблемой. В программе КПА (1964 г.) указывается, что аборигены являются национальным меньшинством, которое подвергается не только социальному и экономическому гнету, но и расовой дискриминации. Программа КПА предусматривает целый ряд мер для достижения подлинного равенства коренного населения и для окончательной ликвидации расовой дискриминации. Такой подход к проблеме аборигенов создает благоприятные условия для активного участия их в общей борьбе трудящихся. Доказательством этого являются забастовки и демонстрации аборигенов.

Закрывая заседание Ученого совета, Ю. В. Бромлей отметил огромное значение в идеологической борьбе с расизмом теоретической разработки понятия расы, социальной сущности расизма, исследования конкретных форм проявления расизма в разных странах. Он подчеркнул плодотворность дискуссии и научное значение сделанных на сессии сообщений.

Л. Н. Фурсова

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

Ethnographic Atlas. «Ethnology», vol. I—VI, 1962—1967.

Журнал «Ethnology», издаваемый в США ежеквартально с 1962 г., публиковал частями в каждом номере «Этнографический атлас», ставящий целью обобщить данные о социальной организации народов мира и создать этнографическую модель мира. В первом номере за 1967 г. приведена последняя часть атласа. Общее число учтенных этнических единиц равно 1170. В следующем номере дана общая сводка (summary), хотя и в несколько сокращенном виде (862 этнических единицы). В общую сводку не включено около 300 этнических единиц, социальная организация которых изучена недостаточно, и несколько — по другим причинам. Автором атласа является в основном Дж. Мёрдок.

История данного атласа такова. В 1941 г. Мёрдок приступил к сбору материалов о локальных группах, браке, семье, системах родства у разных народов и с этой целью изучил собранную Йельским университетом информацию о 150 этнических общностях как отсталых, так и высоко развитых. Примерно за месяц он выбрал нужные ему данные по 85 народам. Работая в библиотеках, он собрал материалы еще по 165 народам, на что ушло более года. При этом в библиотеках Мёрдок в большинстве случаев вынужден был по каждому народу ограничиться одной книгой или даже только статьёй.

Данные об этих 250 народах были использованы Мёрдоком при написании книги «Социальная структура»¹. Он продолжил затем работу по сбору и систематизации материалов о социальной организации народов мира. В 1957 г. выходит в свет его «Этнографическая модель мира»².

Мёрдок делит земной шар на шесть больших зон: Африка; Средиземноморье; Восточная Евразия; Австралия, Индонезия и Океания; Северная Америка; Южная Америка. Каждая из этих зон поделена им на 10 районов. В большинстве районов представлено по 10 этнических единиц, в некоторых — меньше. Всего представлено 565 этнических единиц, и для каждой из них с помощью условных знаков указано 30 «культурных характеристик» (форма хозяйства, разделение труда, типы поселений, типы общин, формы домохозяйств и семей, локальность брака, формы брака, экзогамия, патрилинейные, матрилинейные и билатеральные группы, терминология родства, социальное расслоение, максимальные политические объединения, характер наследования власти).

По мнению Мёрдока, в его этнографической модели мира представлены все варианты культур, и каждая из них охарактеризована в соответствии с определенными стандартными этнографическими категориями; учтены все возможности культур к изменчивости в различных природных и исторических условиях; представлено, таким образом, человечество в целом. Этнографическая модель мира, полагает он, может быть использована для проверки научных теорий и гипотез.

За прошедшие несколько лет этнографическая модель мира вошла в науку как один из важных этнографических источников. В зарубежных журналах и сборниках появились статьи, основанные почти исключительно на этом источнике. Авторы статей, однако, используют его обычно не полностью, а лишь частично. Так, М. Эмбер из 565 обществ выбрал только 24³; М. Спиро из 565 народов выбрал 60 (по одному из

¹ G. P. Murdock, *Social structure*, New York, 1949.

² G. P. Murdock, *World ethnographic sample*, «American Anthropologist», vol. 59, № 4, 1957.

³ M. E m b e r, *The relationship between economic and political development in nonindustrialized societies*, «Ethnology», vol. 11, № 2, 1963.

каждого района)⁴. Д. Аберле, изучавший матрилинейность, выбрал только матрилинейные племена и народы (таковых оказалось 85 из 565, т. е. около 15%)⁵.

Этнографическая модель мира содержала, как и следовало ожидать, много неточных сведений. Кроме того, она не была приспособлена для занесения данных на перфокарты и машинной их обработки.

В связи с этим возникла потребность в новой публикации данных о социальном устройстве народов мира, что и делалось, начиная с 1962 г. В журнале «Ethnology» последние несколько страниц в каждом номере отводилось под «Этнографический атлас». В атласе сохранено деление на прежние 6 зон и 60 районов, но географические данные закодированы: зоны обозначены большими буквами, районы — маленькими. После маленькой буквы стоит цифра, указывающая порядковый номер этнической единицы, учтенной атласом в этом районе. Затем следует общий порядковый номер этнической единицы и ее название. Например, «Nd 65, 607, валапаи» означает: Северная Америка (N), район степей и плато (d), 65-я этническая единица в этом районе, 607-й общий порядковый номер, племя валапаи; «Cb₂₉, 1087, нгизим» означает: Средиземное море, район мусульманского Судана, 29-я этническая единица в этом районе, 1087-й общий порядковый номер, племя нгизим. Число учтенных в 21 номере журнала этнических единиц, как уже отмечено, равно 1170, а в общей сводке — 862.

Обращает на себя внимание несколько необычная нумерация колонок: 1, 3, 7, 11 и т. д. Дело в том, что в каждую колонку на перфокарте вносится часто не один условный знак, а несколько, для чего требуется несколько клеток. В колонке 1 указываются зона (большой буквой) и район (маленькой), для чего требуется две клетки, и поэтому следующая колонка носит порядковый номер 3. В колонке 3 указан общий порядковый номер этнической единицы, для чего требуется четыре клетки (номер может быть четырехзначным), и поэтому следующая колонка носит порядковый номер 7 (название народа на перфокарту не вносится) и т. д., вплоть до колонки 101.

В т. II, № 1 (1963 г.) Мёрдок закончил публикацию данных о социальном устройстве для 400 этнических единиц. С его точки зрения, это — новая, уточненная этнографическая модель мира, в которой учтены основные типы культур, как высоко развитых, так и отсталых.

Но этнографическая модель мира, если под моделью понимать научно обоснованный аналог реальной этнографической действительности, у Мёрдока на этот раз явно не получилась. Во-первых, не вполне правильно сделана выборка этнических единиц: в каждом из 60 районов — так, в районе Восточная Европа удивляет отсутствие восточных славян. Во-вторых, в модели нет самых необходимых сведений по промышленно развитым народам — не учтены промышленность, транспорт, государственный строй, основные партии, здравоохранение, образование и т. д. Попытка охарактеризовать социальную структуру португальцев, датчан, ирландцев почти только одними семейно-родовыми институтами обречена на неудачу. То, что важно в доклассовом обществе, в классовом отходит на второй план. Не исключено, что папуас или ботокуд, попав к янки, обратил бы основное внимание на форму и локальность брака, систему родства, отношения между родственниками. Но от этнографической модели мира мы вправе ожидать большего.

Завершив этнографическую модель мира (400 этнических единиц) Мёрдок в дальнейшем основное внимание обращает на остальные племена и народности. В целом его атлас охватывает, как справедливо отметил уже упоминавшийся Эмбер, преимущественно «неиндустриальные культуры». В т. II, № 2 Мёрдок добавил еще 55 этнических единиц, после чего в шести районах (из 60) оказались охваченными все в достаточной мере изученные культуры. Эти районы таковы: южноафриканские банту (Av), семитический Ближний Восток (Cj), Ассам и Бирма (Ei), Микронезия (If), юго-запад США (Nh), Гвиана (Sc). В т. II, № 4 и т. III, № 1, 2, 3 добавлено еще 170 этнических единиц, после чего еще пять районов Северной Америки оказались полностью охваченными: арктический район (Na), северо-западный берег (Nb), Калифорния (Nc), район степей и плато (Nd), район равнин (Ne).

Мёрдок подчеркивает, что по племенам Северной Америки он просмотрел всю этнографическую литературу и столь же тщательно изучил литературу по народам Африки, которая в атласе тоже охвачена весьма полно.

Данные по Южной Америке, Индонезии и Океании в целом представляются адекватными, хотя уточнения необходимы, и они из номера в номер печатались в комментариях.

Народы СССР отражены в атласе неполно. Вызывает удивление, что Мёрдок совершенно не использовал многотомное издание «Народы мира», например том «На-

⁴ M. F. Spiro, A typology of social structure and the patterning of social institutions: a cross-cultural survey, «American Anthropologist», vol. 67, № 5, 1965.

⁵ D. F. Aberle, Matrilineal descent in cross-cultural perspective, в сб. «Matrilineal kinship», Berkeley and Los Angeles, 1961.

роды Сибири», переведенный на английский язык. Он ознакомился всего лишь с тремя работами на русском языке, посвященными народам СССР⁶.

Чтобы познакомить читателя с тем, как Мёрдок излагает данные о социальной организации с помощью условных знаков, я привожу ниже собранные им сведения о ненцах, а в скобках — те условные знаки, которыми эти сведения закодированы в атласе.

Хозяйство (кол. 7) — основную роль играют скотоводство, охота и рыболовство, собирательство и земледелие отсутствуют (03340). Способ получения жены (кол. 12) — ненец покупает жену (В), но есть альтернатива — иногда жена приходит с приданым (д). Форма семьи (кол. 14) — семья большая, при этом в старшем поколении — одна брачная пара, а в других — минимум по две, встречается случайное или ограниченное многоженство (Fn). Локальность брака (кол. 16) — супруги живут вместе с патрилинейными родственниками мужа (Р). Характер общины (кол. 19) — сначала в атласе был знак, указывающий на отсутствие сведений (.), но позднее было отмечено, что община имеет тенденцию к локальной экзогамии, при этом отсутствует специфическая клановая структура (Е). Патрилинейные группы (кол. 20) — имеются фратрии, их больше двух, они состоят из родов (Р). Матрилинейные группы (кол. 22) — отсутствуют (0). Билатеральные группы (кол. 24) — отсутствуют (0). Кузенный брак (кол. 25) — можно жениться на всех кузинах, кроме дочери брата отца, предпочитается брак на дочери брата матери (Tm). Терминология родства для кузенов и кузин (кол. 27) — в атласе сделана ссылка на комментарий (*), а там отмечено: по одним источникам — эскимосская (Е), по другим — гавайская (Н). Характер земледелия (кол. 28) — земледелие отсутствует (0). Характер поселений (кол. 30) — типичный для кочевых или бродячих общин (В). Средний размер локальных общин (кол. 31) — менее 50 чел. (1). Далее следуют: иерархия управления (кол. 32), высшие божества (кол. 34), типы игр (кол. 35), половые табу после рождения ребенка (кол. 36), увечья мужских половых органов (кол. 37), изоляция мальчиков-подростков (кол. 38), типы скотоводства (кол. 39), разделение труда между полами в различных видах хозяйственной деятельности (кол. 42—62), лингвистическая принадлежность (кол. 64), классовая стратификация (кол. 67), касты (кол. 69), рабство (кол. 71), замещение должности вождя (кол. 73), наследование собственности на землю (кол. 74), наследование движимой собственности (кол. 76), нормы добрачной половой жизни (кол. 78), местный тип жилища (форма, уровень пола, материал для стен, форма крыши, материал для крыши, кол. 80—84), новый или заимствованный тип жилища (кол. 85—89), отношения между различными родственниками (кол. 90—101).

Я привожу ниже данные о всех народах СССР, имеющиеся в атласе Мёрдока, по колонкам от 1-й до 31-й. В комментариях Мёрдок приводит варианты этнического термина, широту и долготу занимаемой народом территории, численность населения, использованные им источники, а также время, к которому относятся данные (в моей таблице время отмечено в кол. 3) (см. таблицу). Нам остается раскрыть значение условных знаков, встречающихся в таблице.

Кол. 1: Ch — Вост. Европа; Si — Турция и Кавказ; Eb — Центральная Азия; Es — Арктическая Азия.

Кол. 7: первая цифра относится к собирательству, вторая — к охоте, третья — к рыболовству (включая охоту на морского зверя), четвертая — к скотоводству и пятая — к земледелию. Цифра 0 означает, что доля данной формы хозяйства составляет от 0 до 5%; цифра 1 — от 6 до 15%; 2 — от 16 до 25%; 3 — от 26 до 35%; 4 — от 36 до 45%; 5 — от 46 до 55%; 6 — от 56 до 65%; 7 — от 66 до 75%; 8 — от 76 до 85%; 9 — от 86 до 100%. Сумма всех пяти цифр равна 10, т. е. 100%.

Кол. 12: способ получения жены; В — калым; D — приданое; G — обмен подарками, примерно равный; S — брак путем отработки. Большая буква стмечает преобладающую практику, маленькая — альтернативу.

Кол. 14: формы семьи: E — большая семья, в которой в каждом брачном поколении минимум по две семьи (братьев, сестер, кузенов); F — то же, в старшем поколении одна семья, в других минимум по две; G — то же, состоит из двух родственных семей (чаще всего лиц смежных поколений); M — независимая малая семья, с моногамией; N — то же, со случайным или ограниченным многоженством; P — независимая малая семья, с обычным многоженством (не установлено, являются ли жены преимущественно сестрами и занимают ли они отдельные хижины или апартаменты); Q — то же, полигиния не является сороральной, но жены занимают отдельные хижины или апартаменты; R — то же, жены являются сестрами, но не имеют отдельных хижин или апартаментов; S — то же, полигиния сороральная, жены обычно занимают отдельные хижины. Маленькие буквы (m, p, o, r, q, g, s) после E, F, G говорят о характере малых семей, входящих в большие семьи.

⁶ Л. Я. Штернберг, Семья и род у народов северо-восточной Азии, Л., 1933; С. С. Гаджиева, Каякентские кумыки. «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. 46, 1958; В. Иславин, Самоеды в домашнем и общественном быту, СПб., 1847 (у Мёрдока опечатка — 1947).

1	3	7	12	14	16	19	20	22	24	25	27	28	30	31
Ch ₂	130. Гуцулы 1890	01144	D	M	vN	D	O	O	K	.	E	Ic	N	7
Ch ₄	323. Марийцы 1900	00235	D	M	N	A	O	O	B	N	.	Ic	H	5
Ch ₆	685. Белорусы 1910	00136	D	Gm	Bn	A	O	O	K	S	E	Ir	V	7
Ch ₇	686. Украинцы 1930	00136	D	Gm	Vn	D	O	O	K	N	E	Ic	V	8
Сi ₁	31. Калмыки 1920	01171	G	Em	Pn	C	Ps	O	O	N	O	Cc	S	.
Сi ₂	32. Хевсурь 1930	01135	Bd	N	oP	C	S	O	O	O	.	Ic	V	.
Сi ₃	131. Кумыки 1900	00037	Bd	N	N*	D	O	O	K	.	E	Ic	V	.
Сi ₄	229. Черкесы 1920	01045	B	Fp	Pn	A	S	O	O	.	E	Ic	H	.
Сi ₆	908. Осетины 1880	01054	B	En	P	Cs	S	O	O	T	.	Ic	V	.
Сi ₇	909. Чеченцы 1900	00055	B	Fp	P	C	S	O	O	.	.	Ic	V	.
Сi ₈	910. Грузины 1850	00037	D	Em	P	.	.	O	.	.	D	Ic	V	8
Сi ₉	911. Сваны 1910	01144	Bd	Em	P	C	S	O	O	.	.	Ic	V	.
Сi ₁₀	912. Армяне 1900	00037	Bd	Em	Vu	A	O*	O	B	O	E	Ic	V	8
Eb ₁	35. Казахи 1910	01081	Bd	Fp	P	C	Ps	O	O	N	O	C*	S	2
Eb ₅	234. Туркмены 1910	00046	B	Fp	P	*	Pl	O	O	Em*	O	Ic	V	.
Eb ₆	359. Буряты 1900	02071	B	En	P	C	S	O	O	E	Z*	.	.	.
Ec ₁	37. Нивхи 1920	23500	B	N	P	S	S	O	O	Mm	I	O	S	2
Ec ₂	38. Якуты 1900	12241	Gs	Fq	uP	C	P	O	O	T	S	Cc	S	2
Ec ₃	135. Чукчи 1900	02350	S	Gq	uVu	A	O	O	B	Q	E	O	B	1
Ec ₄	136. Ненцы 1900	03340	Bd	Fp	P	E	P	O	O	Tm	E*	.	B	1
Ec ₅	235. Коряки 1910	11530	S	En	uVu	A	O	O	B	S	E	O	T	3
Ec ₆	236. Юкагиры 1900	15400	Sx	Gp	uVu	E	O	O	B	S	.	O	S	1
Ec ₈	360. Кеты 1900	03610	B	M	Vn	.	S	O	O	.	.	O	S	2
Ec ₉	1108. Нанайцы 1920	03412	B	Fp	P	.	S	O	O	E	.	Ec	V	.
Ec ₁₀	1109. Ханты 1880	03430	B	N	P	A	S*	O	O	N	O	O	S	.

Кол. 16: формы послебрачного поселения; В — амбилокальный брак, одни брачные пары живут с родителями мужа, другие — с родителями жены, при соотношении этих форм не выше чем 2:1. При большем соотношении будет либо Uv (предпочтительна уксорилокальность), либо Vu (предпочтительна вирилокальность); N — неолокальный брак; O — муж и жена остаются в своих прежних домохозяйствах или мужья живут отдельно от жен в мужских домах; P — патрилокальный брак; брачная пара живет с патрилинейными родственниками мужа; U — уксорилокальный брак, брачная пара живет с родственниками жены (но там нет матрилокальных и матрилинейных групп); V — вирилокальный брак, брачная пара живет с родственниками мужа (но там нет патрилокальных и патрилинейных групп). Маленькая буква после большой — альтернатива; до большой — временная резиденция в первый период после брака.

Кол. 19: характер общины: A — агамные общины (нет ни локальной экзогамии, ни локальной эндогамии), отсутствуют локализованные кланы; C — клановые общины, каждая из них состоит в основном из локализованной экзогамной родственной группы или клана, Cs — клановая община поделена на субкланы (clan-bagrios); D — деми, т. е. общины с тенденцией к локальной эндогамии, но без деления на субкланы; E — общины с тенденцией к локальной эндогамии, но не имеющие специфической клановой структуры; S — сегментированные общины, т. е. состоящие из субкланов, кварталов, хуторов, каждый из которых является локализованной родственной группой или кланом, без локальной экзогамии. В этой колонке большие семьи (E в кол. 14) трактуются как субкланы, если они матрилинейны, патрилинейны или амбилинейны, и не отмечаются, если они билатеральны.

Кол. 20: патрилинейные группы и экзогамия, большая буква обозначает максимальную группу родственников, маленькая — максимальную экзогамную группу; O — патрилинейные группы, экзогамия отсутствует; L — линидж (lineage), члены которой живут в одной общине или в подразделении общины; P — фратрии, когда их больше двух и когда имеются также роды (когда их две, то они называются половниками и обозначаются буквой M); S — линидж, члены которой живут в нескольких общинах.

Кол. 22: матрилинейные группы и экзогамия, условные знаки — те же, что и в кол. 20, только они обозначают матрилинейные группы.

Кол. 24: когнатные родственные группы; B — билатеральные группы; O — когнатных групп нет; K — родня (kindred), т. е. билатеральная группа, особая для каждого индивида.

Кол. 25: кузенный брак; O — запрещены браки на всех кузинах первой степени (о браках на кузинах второй степени нет данных); E — брак на дочери брата матери и дочери сестры матери; Em — предпочтительно на дочери брата матери; M — брак

на дочери брата матери, Мм — если он не просто разрешен, но предпочитается; N — запрещены браки на всех кузинах первой и второй степени; Q — разрешен брак на дочери сестры отца, дочери брата отца, дочери сестры матери; дочери брата матери; T — разрешен брак на всех кузинах, кроме дочери брата отца; S — запрещены браки на кузинах первой степени, но разрешены браки на кузинах второй степени.

Кол. 27: термины родства для кузенов и кузин первой степени; O — система омаха (дети брата матери = мать или брат матери; дети сестры отца = мои племянники или дети сестры); I — ирокезская система (дети сестры отца = дети брата матери, но терминология другая, чем для братьев и сестер и для параллельных кузенов и кузин); S — суданская система (дети сестры отца — один термин, дети брата матери — другой, и эти термины отличны от терминов для братьев и сестер и параллельных кузенов и кузин, а система в целом отлична от систем кроу и омаха и от описательных систем); E — эскимосская система (все кузены и кузины обозначаются одинаково, но иначе чем братья и сестры); Z — смешанные или необычные системы (они охарактеризованы Мёрдоком в комментариях); D — описательные термины для всех кузенов и кузин.

Кол. 28: земледелие; O — полное отсутствие земледелия; C — случайное земледелие; I — интенсивное земледелие с удобрениями, сменной культур и т. д.; J — интенсивное земледелие с ирригацией; c — хлебные злаки (кукуруза, просо, рис, пшеница); g — корнеплоды (маниока, батат, таро, ямс).

Кол. 30: характер поселений; S — полукочевые общины, в одни сезоны живут оседло, в другие — кочуют; N — разбросанные семейные домохозяйства, образующие соседство (neighbourhood); B — кочевые или бродячие общины; H — обособленные хутора, при этом несколько хуторов образуют более или менее постоянную единую общину; V — компактные и сравнительно постоянные поселения (деревни, небольшие города); T — полуседлые поселения — в разные сезоны жители переходят из одного фиксированного поселения в другое или живут в одном поселении, но значительная часть их в определенные сезоны уходит и селится в передвижных стойбищах.

Кол. 31: средние размеры локальных общин; 1 — менее 50 чел.; 2 — от 50 до 99 чел.; 3 — от 100 до 199 чел.; 4 — от 200 до 399 чел.; 5 — от 400 до 1000 чел.; 6 — более 1000 чел., но нет еще городов с населением более 5 тыс.; 7 — один или несколько туземных городов с населением более 5 тыс. чел., но нет еще городов с населением более 50 тыс. чел.; 8 — один или несколько туземных городов с населением более 50 тыс. чел.

В комментариях сделаны следующие уточнения к таблице:

Казахи, кол. 28: до недавнего времени — только косили траву.

Кумыки, кол. 16: небольшие патрилокальные расширенные семьи, характерные для начала XIX в., практически исчезли к 1900 г.

Туркмены, кол. 19: Фрейкин упоминает локализованные кланы; кол. 25: возможно Мм.

Буряты, кол. 27: кузены и кузины с отцовской стороны обозначаются одним термином, с материнской — другим.

Остяки, кол. 20: но Штейниц сообщает об агамных патрилинейных половинах.

Выше указаны лишь те кодовые знаки, которые встречаются в таблице по народам СССР в колонках с 1-й по 31-ю. В действительности этих знаков в атласе в несколько раз больше. Достаточно упомянуть такие широко распространенные этноэлементы, отсутствующие у вошедших в атлас народов СССР, как аюнкулокальный брак (A), матрилокальный брак (M), система родства типа кроу (C) и т. д. Следует также учесть, что мною опущена весьма сложная терминология (например, типы кузенного брака: дуолатеральный, трилатеральный, квадрилатеральный и т. п.). Наконец, надо помнить о том, что ряд распространенных терминов имеет в атласе специальное обозначение: sib — род, clan — родовая община (включая жен и мужей членов рода) и т. д.

Как видно из приведенной таблицы, Мёрдок включил позднее в атлас белорусов и украинцев (№ 685 и 686). По этим народам имеется обширная литература, но Мёрдок почерпнул сведения о белорусах, относящиеся к 1910 г., только из неопубликованных заметок М. Эмбера, а сведения об украинцах, относящиеся к 1930 г., только из неопубликованной рукописи П. Фридриха «Социальная организация украинской деревни». Мёрдок, правда, обращается ко всем ученым мира с просьбой вносить поправки в его данные, и лучше это делать сейчас, чем позже, когда придется уточнять эти данные уже не в самом атласе, а в трудах, основанных на атласе (число которых растет). Однако метод сбора данных, когда о многомиллионном высокоразвитом народе судят по жителям одной деревни (которая к тому же не названа), может отбить у специалистов охоту вносить в эти данные какие-либо поправки.

Данные Мёрдока по белорусам относятся к дооктябрьскому периоду, а по украинцам — к послеоктябрьскому. Коренные изменения, происшедшие в хозяйстве, общественном строе, культуре и быте украинцев, в атласе совершенно не отражены.

Придется коснуться тех сторон социально-структурной концепции Мёрдока, которые сказались на качестве атласа. Во-первых социальная структура понимается Мёрдоком крайне узко. Для него социальная структура — это локальность брака, филиация, кланы и демы, родовые и когнатные группы, экзогамия, брак, семья, система родства⁷.

Во-вторых, социальная структура мыслится им как замкнутая система, стремящаяся к равновесию. Многие факторы нарушают это равновесие, воздействуя в первую очередь на локальность брака и изменяя ее, что затем вызывает изменения в формах семьи, рода, в системах родства и т. д.

В-третьих, Мёрдок отрицает социальный прогресс, хотя и говорит об «эволюции социальных организаций». Он полагает, что нет и не может быть «никакой неизбежной последовательности социальных форм»⁸ и любая из них в принципе возможна в любом обществе и в любую эпоху.

В свете этих сторон концепции Мёрдока понятно, почему локальность брака стоит в атласе на одном из первых мест, столь большое внимание уделено браку, семье, роду, системам родства и столь малое — формам собственности, видам совместного труда, обмену и т. д.

Мёрдок допускает грубую ошибку, объединяя под одним термином («нуклеарная семья») и обозначая одним условным знаком (М) как парную семью в доклассовых обществах, так и моногамную семью в обществах классовых. Неправ Мёрдок и тогда, когда он объединяет как «идентичные» под одним термином («эскимосская система родства») и обозначает одним условным знаком (Е) системы родства европейцев и янки, с одной стороны, и андамцев, огнземельцев и эскимосов — с другой.

Подобного рода ошибки и неточности, допускаемые Мёрдоком, являются следствием его стремления построить для всего человечества единую социальную модель, в рамках которой он склонен видеть лишь количественные различия. На деле, однако, различия часто являются качественными.

В то же время надо отметить, что Мёрдоком собран огромный фактический материал, причем обработан таким способом, который делает большую имеющуюся этнографическую информацию в принципе обозримой.

По отношению к атласу Мёрдока есть тенденция слишком доверять заложенной в нем информации. В частности, предпринимаются попытки машинной ее обработки.

Как известно, ценность того, что мы получаем от машины, целиком зависит от ценности того, что мы в нее вводим. Хорошие результаты могут быть получены лишь при двух условиях — правильного подбора исходных данных и высокого их качества. Оба эти условия в атласе Мёрдока не соблюдены. Подбор исходных данных ведется с позиций антиисторической социально-структурной школы, что имеет следствием, во-первых, отсутствие в атласе ряда важнейших качественных показателей, таких как совместный труд, форма собственности и т. д., и, во-вторых, ошибки в формализации материала (мы уже говорили о формах систем родства; можно сказать еще о формах общин, где нет четко очерченных родовой, большесемейной и сельской общин). Сама техника сбора информации (две — три книги по каждому народу) выглядит, с точки зрения современной науки, устаревшей, примитивной.

Но это не значит, что атлас Мёрдока вообще не содержит материалов, которые с пользой могут быть учтены. Он может быть использован как справочное издание, или, говоря словами его автора, как «энциклопедия классифицированной этнографической информации» (т. 1, № 1, стр. 114). Предположим, что вам нужен список племен бродячих охотников и собирателей — вы можете его получить по кол. 3, где первые две цифры дают в сумме от 7 до 10. Вас интересует распространенность калыма — это легко определить по кол. 12, где стоит буква В. Племена, практикующие матрилокальный брак, можно отыскать по кол. 16, где стоит буква М. Условные знаки дают возможность проделать каждую из этих операций за несколько минут. Но дальнейшая обработка собранных данных обязательно предполагает проверку их по первоисточникам.

Атлас Мёрдока может быть полезен также при определении фактической базы для решения той или иной проблемы и подборе специалистов, которых целесообразно включить в проблемную группу.

Так, трое голландцев выбрали из этнографической модели мира 62 общества (Полинезия, Меланезия, Индонезия, Западная Африка) и детально изучили их по имеющейся литературе с целью установить, в частности, корреляцию между рабством, с одной стороны, и социальным расслоением среди свободных членов общества — с другой. Выяснилось, что рабство имеется там (17 обществ), где есть социальное расслоение (наследственные сословия, два или более) среди общинников, и нет там, где это расслоение только зарождается или полностью отсутствует (ни одного общества). Правда, есть четыре общества, где, по данным атласа, социального расслоения нет, а рабство зарождается, но авторы установили, что данные атласа по этим обще-

⁷ G. P. Murdock, Social structure, pp. 200—202, 226—259.

⁸ Там же, p. 200.

ствам неверны, и рабство в них практически не существует. С другой стороны, есть семь обществ, где налицо социальное расслоение среди общинников, но нет рабства. Возникает вопрос, почему в одних обществах с социальным расслоением среди общинников рабство возникает, а в других — нет (над этим вопросом, видимо, авторы работают сейчас). По всей вероятности, они ставят перед собой и другие вопросы, так как в их списке значится 16 обществ, в которых нет ни социального расслоения среди свободных общинников, ни рабства⁹.

В принципе создание конденсированного свода информации по общественным отношениям, скажем народов СССР, не только возможно, но и крайне желательно, и вряд ли есть другой путь для этого, чем передача информации с помощью условных знаков. К этой области знаний вполне приложим совет Д. Бернала: «Единицы научной информации следовало бы собирать, шифровать, сортировать методами электроники, а затем уже доставлять их в полезном виде тем, кто хотел бы ими воспользоваться»¹⁰. Но, если говорить всерьез, к решению этой проблемы Мёрдок даже близко не подошел. Прочитав по каждому из народов СССР одну — две книги, он, конечно, сэкономил свои время и энергию. Но, как следствие этого, его данным недостает полноты, в них не выдержан принцип адекватности (неискаженности), обобщенности, устойчивости и одномерности. Такую информацию нет смысла вводить в машину. Те время и энергия, которые нам экономит машина — это лишь компенсация за время и энергию, которые затрачены на подготовку исходных данных, а в данном случае машине компенсировать нечего.

При серьезном подходе к решению этой проблемы придется, видимо, составить сначала отдельные атласы по таким крупным народам, как русские, украинцы и белорусы, или по группам народов, каковы народы Средней Азии, Севера, или даже более мелким, и в них учесть региональные особенности, которые подчас довольно велики. Лишь после этого можно будет подняться на более высокий уровень обобщения и в конечном счете создать единый атлас по народам СССР. При этом он, возможно, будет состоять из двух частей: в первой — синхронные таблицы¹¹, во второй — асинхронные (по уровням развития).

Весьма важный момент — это различие форм в рамках одного этноэлемента. Оно будет строго научным, если будет проведено с позиций историзма, с учетом конкретных изменений этого этноэлемента в истории данного народа и общих тенденций его развития в целом.

В той мере, в какой советская наука признает за фактами этнографии в сочетании с данными археологии и исторических источников значение источника для реконструкции первобытности (в буржуазной науке вошло в моду это отрицать), возможно создание проблемного атласа, нечто вроде корпуса общинно-родовых архаических норм, имеющего целью изучение архаической формации, первобытнообщинного строя.

Можно ли закодировать первобытнообщинный строй в том его виде, в каком он представлен у остальных племен и народов, изученных и изучаемых этнографами? На этот вопрос можно дать только один ответ — положительный. Конечно, корпус не охватит всего множества явлений и многообразия их форм, но в нем вполне можно учесть наиболее типичные явления и те их формы, учет которых необходим для решения проблем, связанных с первобытнообщинным строем.

Наконец, после создания региональных и проблемных атласов и выработки на их основе общих для всего мира единиц этнографической информации можно приступить к построению этнографической модели мира. Она будет единой для всех народов, но, конечно, для определенной эпохи.

Как уже отмечалось, первая попытка Мёрдока создать этнографическую модель мира (400 этнических единиц) оказалась неудачной. В общей сводке он делает вторую попытку — 862 этнических единицы объединены им в 412 групп (clusters). Исследователь может из каждой группы выбрать (если в группе не одна, а несколько этнических единиц) тот народ, по которому данные об изучаемой им стороне социальной жизни наиболее полны и адекватны. Если такого народа в этой группе нет, Мёрдок считает возможным полностью исключить ее из исследования. Эта модель, несомненно, является более гибкой, чем первая; в ней, в отличие от первой, представлены восточные славяне (украинцы и белорусы). Но в целом ей свойственны все

⁹ C. Baks, J. C. Breman, A. T. Nooij, Slavery as system of production in tribal society, «Bijdragen tot de Taal Land- en Volkenkunde», Deel 122, 1-e Aflevering, 1966, p. 90—109.

¹⁰ Дж. Д. Бернал, Двадцать пять лет спустя, в сб. «Наука о науке», М., 1966, стр. 268.

¹¹ Идея синхронных таблиц была высказана недавно Б. А. Рыбаковым, когда он предложил издать социологические карты нашей страны для XVIII, XIX, начала XX и середины XX вв. В России было много укладов, «но никем еще ни разу эта многоукладность не была выражена в виде детально составленных карт» (см. сб. «История и социология», М., 1964, стр. 60).

прежние пороки: социальная структура промышленно развитых народов характеризует семейно-родовыми институтами, нарушены элементарные требования историзма и свалены в одну кучу данных разных эпох: начало нашей эры (римляне), XI в. (исландцы), XVI в. (инки, ацтеки), XVII в. (гуроны, каллиаго), XVIII в. (крики), XIX в. (андаманцы, шеренте, квакиютль и т. д.), XX в. (бирманцы, голландцы, аймара, зуни и т. д.). Этнографический мир от века к веку изменялся, следовательно, и модель его не может быть единой для всех веков.

Н. А. Бутинов

ИССЛЕДОВАНИЯ ЭКСПЕДИЦИИ Т. ХЕЙЕРДАЛА В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ПОЛИНЕЗИИ

Archeology of Easter Island. Reports of the Norwegian archaeological expedition to Easter Island and the East Pacific. Vol. I. Monographs of the School of American Research and the Museum of New Mexico, № 24, part 1, Chicago, New York, San Francisco, 1961, 559 стр., 138 илл. в тексте, 96 табл.; Miscellaneous papers. Reports of the Norwegian Archaeological Expedition to Easter Island and the East Pacific. Vol. 2. Monographs of the School of American Research and the Kon-Tiki Museum, № 24, part 2, Stockholm, 1965, 512 стр., 195 илл. в тексте, 60 табл.

С октября 1955 г. до середины 1956 г. в Океании работала экспедиция, организованная известным норвежским путешественником и ученым Туром Хейердалом. В качестве района раскопок была выбрана Юго-Восточная Полинезия, так как систематические раскопки здесь никогда не велись (вообще в Полинезии до 1955 г. серьезные раскопки проводились только на Новой Зеландии, Гавайских островах и отчасти на Тонга). Знания ученых базировались лишь на этнографических исследованиях, фольклорных традициях и скудном подъемном археологическом материале.

Покинув в сентябре 1955 г. Осло, экспедиция посетила Галапагосские о-ва, Сала-и-Гомес и в октябре прибыла на о-в Пасхи, раскопки на котором были закончены лишь в начале апреля 1956 г. Затем экспедиция посетила еще ряд островов Полинезии: Питкэрн, Мангареву, Рапа-Ити, Маркизские и другие.

В 1961 г. вышел из печати первый том трудов экспедиции Т. Хейердала «Археология острова Пасхи» (в наших библиотеках он появился, к сожалению, с большим опозданием; в Ленинграде, например, лишь в середине 1964 г.). В этом томе опубликованы статьи-отчеты археологов — участников экспедиции — Э. Фердона, У. Мэлоя, К. Смита и А. Шельсволда; сам Т. Хейердал написал вводный и заключительный разделы (совместно с Фердоном), а также статью о различных археологических находках на поверхности.

В конце 1965 г. в Швеции вышел второй том трудов экспедиции, в котором напечатаны статьи шестнадцати исследователей нескольких стран (Норвегии, США, Швеции, Чили, Австралии, ФРГ и СССР), посвященные многим вопросам археологии, антропологии и этнографии народов Полинезии.

Первый том трудов экспедиции целиком посвящен работе археологов на о-ве Пасхи.

Почти 25 лет назад, еще будучи студентом-зоологом университета в Осло, Хейердал побывал на Маркизских островах. Именно там он пришел к мысли, что существующая теория заселения Полинезии из Азии неверна и что первые поселенцы далеких островов прибыли не из Азии, наперекор ветрам и течениям, а из Южной Америки. Позднее, в 1952 г., он подробно изложил в своей книге «Американские индейцы на Тихом океане»¹ гипотезу о двух миграционных волнах из Америки в Полинезию: первая волна состояла из людей доинкской культуры, живших около оз. Титикака и на перуанском побережье, а вторая волна прибыла с северо-западного побережья Северной Америки (с территории, населенной нутка и квакиютль).

В задачи новой экспедиции Хейердала входило найти археологические данные, которые подтвердили бы гипотезу о южноамериканском заселении Полинезии.

Большая вводная глава первого тома охватывает не только сведения о географическом положении о-ва Пасхи, его климате, флоре и фауне, но и события легендарного прошлого рапануицев и историю открытия острова. В этой главе, однако, Хейердал приводит главным образом такие данные, которые подтверждают его гипотезу.

¹ Th. Heyerdahl, American Indians in the Pacific, London, 1952.

Далее следуют отчеты, посвященные результатам раскопок, проведенных на о-ве Пасхи. Места археологических раскопок распадаются на две группы — церемониальные центры и жилища. Археологи экспедиции изучили каменные платформы *аху*, а также постройки, статуи и петроглифы Оронго, связанные с культом птиц.

Часть археологического материала, обнаруженного Норвежской экспедицией, была подвергнута радиоуглеродному анализу. Основываясь на материалах раскопок церемониальных построек (*аху*), их стиле и архитектурных особенностях, археологи экспедиции наметили три периода в истории о-ва Пасхи (том I, отчет № 17):

I (ранний) период — около 400 г.—1100 г. н. э.

II (средний) период — 1100—1680 гг.

III (поздний) период — 1680—1868 гг.

Обнаруженные во рву Поике остатки древесного угля датируются примерно 386 г., что позволило ученым экспедиции отнести заселение о-ва Пасхи ко времени до 400 г., а не к XII—XVI вв., как считали ранее К. С. Раутледж, С. Энглерт, А. Метро, А. Лавашери, Т. Бартель. Авторы ряда рецензий на первый том трудов экспедиции (Т. Бартель, Р. Дафф, Дж. Голсон)² ставят под сомнение как эту дату заселения о-ва Пасхи и предложенную Хейердалом периодизацию, так и всю его южноамериканскую гипотезу. Однако некоторые сторонники заселения Полинезии из Юго-Восточной Азии (К. Эмори, Р. Сагс, С. Элберт)³ тоже придерживаются даты раннего заселения о-ва Пасхи. Так, К. Эмори полагает, что этот остров был заселен в IV—V вв., а к 1000 г. полинезийцы обосновались на всех крупных островах юго-восточной Полинезии.

Эмори считает, однако, что ранний период (в хронологии Норвежской экспедиции) должен быть разделен на два: период заселения (начиная с 386 г. ± 100) и период строительства *аху* хорошей кладки (начиная с 852 г. ± 100). Перуанское влияние на строительство *аху* теоретически возможно, однако распространять его на период заселения острова, как делает Хейердал, вряд ли правомерно: подобных каменных построек в начале раннего периода не было.

По мнению археологов экспедиции, в первый период *аху* представляли собой прямоугольные платформы-алтари, хорошей кладки, без захоронений внутри; они были обращены в сторону моря и солнца в моменты солнцестояния. Статуи того периода (выполненные в довольно реалистической манере) были небольших размеров, без пукао (красных цилиндров-шапок). Ставились ли они на *аху* или нет, пока неизвестно. Этим же временем датируются и постройки в Оронго, которое, по мнению участников экспедиции, было местом наблюдения за солнцем и центром церемоний, связанных с культом бога Макемаке.

Аху второго периода обращены в сторону внутренних районов острова. Для этого периода характерно меньшее внимание к кладке, зато больше внимания уделялось созданию сильно стилизованных статуй и расстановке их на платформах. Часть построек в Оронго (например комплекс А) была временно заброшена. Затем строительство возобновилось: некоторые *аху* первого периода и каменная терраса в Оронго подновляются и перестраиваются. В Оронго появляются новые постройки, связанные с появившимся в средний период культом птиц.

Начало третьего периода ознаменовалось истреблением ханау еепе («длинноухих»)⁴ и прекращением работ по возведению статуй. Вместо *аху* стали возводить полупирамидальные сооружения, которые служили островитянам местом погребения. Статуи, стоявшие на *аху*, были сброшены.

² См., например, рецензию Th. Barthel в «American Anthropologist», 1963, vol. 65, № 2; R. Duff, Archeology on Easter Island. A review article, «The Journal of the Polynesian Society», 1964, vol. 73, № 1; J. Golson, Thor Heyerdahl and the prehistory of Easter Island, «Oceania», vol. XXXVI, № 1, 1965; его же, рец. в журн. «Man», 1965, vol. LXV, art. 54.

³ R. C. Suggs, The derivation of Marquesan culture, «The Journal of the Royal Anthropological Institute», 1961, vol. 91, part 1; его же, The archaeology of Nuku Hiva, Marquesas Islands, French Polynesia, «Anthropological Papers of the American Museum of Natural History», 1961, vol. 49, pt. 1, стр. 174—178; S. H. Elbert, Internal relationships of Polynesian languages and dialects, «Southwestern Journal of Anthropology», 1953, vol. 9, № 2; K. P. Emory, East Polynesian relationships, «The Journal of the Polynesian Society», 1963, vol. 72, № 2; его же, рец. в «American Antiquity», 1963, vol. 28, № 4, стр. 565—567 (в этой рецензии Эмори отмечает, что ров на Поике вряд ли был оборонительным сооружением; скорее он предназначался для разведения бананов, таро, ямса и других растений); K. P. Emory, Y. H. Sinoto, Préhistoire de la Polynésie, «Journal de la Société des Océanistes», 1964, t. XX, № 20.

⁴ Переводит: «ханау еепе» и «ханау момоко» соответственно «длинноухие» и «короткоухие» — явно неверно. См. об этом: Ю. В. Кнорозов, Легенды о заселении острова Пасхи, «Сов. этнография», 1963, № 4, стр. 152—153.

Каменные алтари аху раннего периода, обращенные в сторону солнца, продолговатые постройки в Оронго, петроглифы на скалах Оронго, культ бога Макемаке — все это не опровергает, думается, того, что о-в Пасхи был открыт и заселен полинезийцами.

Выступая с докладом на XI Тихоокеанском научном конгрессе в Токио (август — сентябрь 1966 г.), Хейердал высказал мысль о неполинезийском характере религии рапануйцев. Но даже тот скудный материал, которым сейчас располагают исследователи, показывает, что верховные боги полинезийцев (Тане, Танга Роа, Ронго) известны и на о-ве Пасхи.

В конце раннего периода рапануи, как и другие полинезийцы, поклонялись, видимо, могущественному богу Тане.

А. Метро, сопоставляя функции бога Макемаке и других божеств Полинезии, высказал предположение, что Макемаке является локальным, рапануйским именем для Тане, известного на многих островах как бог света, солнца и создатель человека⁵. На Гавайских островах, например, дома были обращены фасадом на восток — в знак поклонения Тане и солнцу. Сходство Макемаке (бога, создавшего землю, луну, звезды и первых живых существ — прародителей человека) с общеполинезийским Тане — очевидно. Однако в памяти жителей о-ва Пасхи сохранилось в силу каких-то причин не имя бога Тане, а его эпитет «Макемаке» (восходящий, вероятно, к Хаумакемаке 'антропофаг')⁶.

В ранний период возник, по всей видимости, и культ птицы (рапануйские легенды связывают возникновение культа птицы с именем бога Макемаке). В средний период, в связи с появлением новых переселенцев (очевидно, с Мангаревы), культ птицы претерпевает сильные изменения⁷.

Обобщая материалы археологических раскопок 1955—1956 гг. (в Заключении к первому тому трудов экспедиции), Хейердал по-прежнему связывает ранний период истории о-ва Пасхи с прибытием древних перуанцев. Подробно эти вопросы были освещены им еще в 1952 г.

Новая волна переселенцев — полинезийцы — прибыла, по мнению Хейердала, 20 поколений спустя. Как он полагает, именно они дали толчок к возобновлению и перестройке аху и церемониальных сооружений на о-ве Пасхи.

Третий период Хейердал связывает только с полинезийцами, которые вышли победителями в борьбе с «длинноухими» — потомками перуанцев (так называемая война ханау еепе и ханау момоко, о которой рассказывают рапануйские предания).

На о-ве Пасхи имеется огромное количество пещер, которые служили рапануи жилищами, убежищами во время военных столкновений, складами, местами погребений. Раскопки двух пещер — Пуапуа и Охас — дали возможность экспедиции Хейердала выделить два слоя. В первом слое нет обсидиановых наконечников матаа или они редки, во втором они встречаются часто и к тому же наряду с предметами, завезенными европейцами (о-в Пасхи был открыт в 1722 г. голландским адмиралом Я. Рогевереном). Экспедиция показала соответствие второго слоя третьему (позднему) периоду в истории о-ва Пасхи.

На юго-востоке о-ва Пасхи расположен один из наиболее интересных объектов для раскопок — вулкан Рано-Параку. Это каменоломня и главная мастерская, где рапануи некогда высекали свои знаменитые статуи (моаи). Многие путешественники и исследователи о-ва Пасхи сообщали о каменных идолах, но только экспедиции К. С. Раутледж (в 1914—1915 гг.) удалось осветить многие проблемы Рано-Параку. К сожалению, Раутледж не успела претворить в жизнь свои планы — задуманный ею серьезный труд остался незаписанным, а ее записки после смерти исследовательницы были утрачены. Поэтому члены экспедиции Хейердала решили предпринять раскопки и в этом районе острова. Во время раскопок на Рано-Параку археологами была сделана одна из самых интересных находок: обнаружена необычная коленопреклоненная статуя.

Сходство древнеперуанской скульптуры с коленопреклоненным идолом о-ва Пасхи (как и с каменными изваяниями Маркизских островов и о-ва Раивавае) говорит, по мнению А. Шельсволда и других членов экспедиции, о контактах, существовавших некогда между Южной Америкой и Полинезией (том I, отчет № 14).

Бартель считает, однако, что сходство между статуей, обнаруженной экспедицией, и статуями Тиахуанако наметить трудно. По его мнению, эту статую не следует датировать ранним периодом, так как отдельные детали ее указывают на сходство этой находки со статуями из Рано-Параку, которые относятся ко второй половине среднего

⁵ A. Métraux, *Ethnology of Easter Island*, Honolulu, 1940, p. 314.

⁶ Там же, стр. 311—312; И. К. Федорова, *Фольклорные памятники острова Пасхи как исторический источник*, Автореф. дисс. на соискание степени кандидата исторических наук, Л., 1966, стр. 6.

⁷ И. К. Федорова, *Ареон на острове Пасхи*, «Сов. этнография», 1966, № 4.

периода. Метро также отмечал, что более различные стили, чем в Тиахуанако и на о-ве Пасхи, найти трудно⁸.

Э. Фердон приводит целый ряд параллелей, которые, по его мнению, говорят в пользу гипотезы Т. Хейердала о южноамериканском заселении Полинезии. культ солнца на о-ве Пасхи и у древних инков; скульптурные изображения человека-птицы найдены не только в Полинезии, но и в Южной Америке (Тиахуанако), некоторые особенности каменных сооружений на о-ве Пасхи характерны для построек Андской области (Перу, Аргентина); большое сходство между кохау ронгоронго и андским письмом и др. (том I, отчет № 3, «Заключение»).

Норвежской экспедицией опубликованы также отчеты о способах погребения, о различных типах жилых построек; описаны орудия труда рапануйцев — скребки, рыболовные крючки, костяные иглы и др.

Экспедицией собран разнообразный материал, который не утратил своей ценности и впредь, несмотря на то, что выводы Хейердала, как отмечают многие рецензенты, поспешны, а с его интерпретацией многих находок не всегда можно согласиться.

Археологи экспедиции не отрицают, что многие черты рапануйской культуры — язык, культурные растения, типы телес, лодки с аутригером и некоторые другие — имеют распространение в Полинезии и проникли на о-в Пасхи оттуда. Однако, по мнению Фердона (том I, стр. 527—535), недостаточно большой объем археологических работ в этом районе Тихого океана не позволяет пока сказать, когда и с каких островов эти черты попали на о-в Пасхи.

Археологические раскопки, проведенные в последние годы в Полинезии (на о-вах Самоа, Тонга, Маркизских, Питкэрн и др.), а также лингвистические и другие изыскания дали новые материалы, которые опровергают гипотезу Хейердала и показывают, что вся Восточная Полинезия, в том числе и о-в Пасхи, была заселена выходцами из Юго-Восточной Азии⁹. Вот некоторые выводы, которые вытекают из этих исследований:

1. Заселение Полинезии шло с запада на восток.
2. Маркизские острова, заселенные около 124 г. до н. э. (± 150), служили основной базой, откуда миграционные волны отправлялись на другие острова Восточной Полинезии.

3. Остров Пасхи был заселен с Маркизских островов довольно рано (в IV—V вв.), еще до заселения Гавайских островов и Новой Зеландии.

4. Хотя в Полинезии и не была обнаружена американско-индейская культура, культурные контакты между Южной Америкой и Полинезией несомненно были, и притом довольно рано (примерно с VIII в. н. э.). В культуру о-ва Пасхи американские элементы могли проникнуть не прямо из Южной Америки, а с других островов Восточной Полинезии, например Маркизских.

Второй том трудов Норвежской экспедиции открывается рядом статей-отчетов (Т. Хейердала, У. Мэллоя, Э. Фердона, А. Шельсволда, К. Смита, Г. Фигероа, С. Санчеса), посвященных раскопкам на островах Маркизских, Раизвае, Рапа-Ити, Питкэрн.

В статье (том II, отчет № 10), посвященной описанию статуи в культовом центре Ойпона (Хива, Оа, Маркизские острова), Хейердал делает вывод о том, что статуи Маркизских островов вряд ли могли служить прототипом рапануйских моаи. По его мнению, рапануйское искусство складывалось под влиянием культуры Тиахуанако, а истоки художественных традиций резчиков Маркизских островов следует искать в искусстве жителей северных Анд (на широте Эквадора и Колумбии). Эта статья интересна не столько тем, что в ней получили дальнейшее развитие диффузионистские взгляды ее автора, сколько тем, что Хейердал открыто признал здесь возможность влияния полинезийцев, и прежде всего маркизцев, в Южную Америку (стр. 151).

Особый интерес представляют, пожалуй, четыре антропологические статьи, опубликованные в этом томе. Остановимся на них несколько подробнее, так как одни данные, приводимые в этих работах, противоречат гипотезе Хейердала, другие подтверждают ее.

Американский антрополог Р. И. Мэррил в большой статье (том II, отчет № 13) дал подробный анализ и описание костных остатков и черепов, которые были обнаружены во время раскопок трех аху. Эти костные остатки, найденные норвежской экс-

⁸ См. указ. рецензию, «American Anthropologist», стр. 422; A. Métraux, Easter Island, London, 1957, стр. 223.

⁹ См., например, R. C. Suggs, The Archeology of Nuku Hiva, pp. 177—178; K. P. Emory, Y. H. Sinoto, Указ. паб.; R. Green, Linguistic subgrouping within Polynesia: the implications for prehistoric settlement, «The Journal of the Polynesian society», 1966, vol. 75, № 1, pp. 6—38; D. D. Tumarkin, V. I. Voitov, Navigational conditions of sea routes to Polynesia, Moscow, 1966; Y. H. Sinoto, A tentative prehistoric cultural sequence in the northern Marquesas Islands, French Polynesia, «The Journal of the Polynesian society», 1966, vol. 75, № 3. О новейших исследованиях ученых-океанистов, доложенных на конгрессе, см.: Д. Д. Тумаркин, Н. Н. Чебоксаров, Антропология и этнография на XI Тихоокеанском научном конгрессе, «Сов. этнография», 1967, № 1, стр. 155—165.

педицией, относятся к среднему и позднему периодам истории острова. Краниологический материал, морфологические характеристики, приводимые Мэррилом, показывают, что между рапануицами, жившими в эти периоды, существенной разницы нет. И «длинные» (ханау еепе) и «короткоухие» (ханау момоко) были полинезийцами.

Сравнение краниологических материалов с о-ва Пасхи с данными, полученными в других районах Полинезии (а также в Микронезии, Меланезии, Австралии), подтверждает родство рапануицев с полинезийцами. Мэррил также считает маловероятным, чтобы полинезийской миграции предшествовала, как считали ранее некоторые исследователи, меланезийская волна. Морфологические характеристики, полученные при изучении сохранившихся скелетов с Гавайских островов, северо-западного побережья Америки и островов Общества, о-ва Пасхи, мумий из Паракасского некрополя (Перу) и других районов перуанского побережья Тихого океана, не подтверждают, по мнению Мэррилла, гипотезу Хейердала о южноамериканском заселении Полинезии.

Серологические исследования, проведенные американскими исследователями Ч. Леоне и К. Каскеу на основе костных остатков (том II, отчет № 14), показывают, что у древних рапануицев преобладает группа О системы АВО. Авторы отчета считают, что отсутствие А и В у индейцев Южной Америки указывает на то, что имелись южноамериканские индейцы могли составить ядро населения о-ва Пасхи. Наличие нескольких костных остатков с группами крови А и В объясняется, по их мнению, поздними вторжениями на о-в Пасхи.

При оценке данных Леоне и Каскеу следует учитывать, что методика определения факторов крови по костным остаткам остается пока весьма несовершенной.

Мэррил же отмечает, что если мысленно двигаться от Восточной Азии в сторону Полинезии, то частота фактора В будет все время падать (Таиланд — 0,257, Индонезия — 0,164, Микронезия — 0,178, Меланезия — 0,128, Западная Полинезия — около 0,118), доходя в Восточной Полинезии до нуля. Мэррил полагает, что этот интересный факт является важным доказательством того, что полинезийцы, покинув свою прародину, обладали фактором В. Однако в условиях островной изоляции, которая способствует микроэволюции, они утратили почти полностью фактор В. Мэррил считает, что эволюция систем крови АВО, HN, Rh и др. у народов Юго-Восточной Азии (Индонезии, Микронезии, Полинезии, Австралии и у индейцев Америки (Северной и Южной)) говорит не столько о том, что Полинезия была заселена из Америки, а скорее о том, что полинезийцы и американские индейцы происходят от одного генетического древа, корни которого следует искать в Восточной Азии.

Хейердал в специальном примечании выразил несогласие с выводами Мэррилла, полагая, что костные остатки из трех аху не могут дать достаточно полного представления об антропологическом типе жителей о-ва Пасхи.

Р. Г. Симмонс, автор статьи, посвященной результатам серологических исследований среди полинезийцев, показывает, что между полинезийцами и американскими индейцами больше сходства в соотношении различных факторов крови (отсутствие В — высокий процент М, высокое R^2 , умеренное Fy^a), чем между полинезийцами и другими народами, живущими западнее и северо-западнее последних. Восточная Полинезия, по мнению автора отчета, была заселена небольшим числом переселенцев с Тонга, Самоа и Индонезии, случайно лишенных фактора В, и немногими переселенцами с востока (Южная Америка), у которых отсутствовал фактор В, но высокими были частоты факторов А и М и частота отрицательного резуса (gen d). Прежде чем заселить всю Полинезию эти первые переселенцы долгое время жили в условиях изоляции (по крайней мере тысячелетие). Широких миграционных волн в Полинезию не было: полинезийцы распространились по островам Тихого океана благодаря случайным путешествиям. Симмонс считает, однако, что пока серология не может дать точного ответа на вопрос о происхождении полинезийцев и путях заселения Полинезии¹⁰.

Большая статья Хейердала (том II, отчет № 16), опубликованная во втором томе трудов экспедиции, посвящена проблемам рапануйского письма. В первых главах отчета дается подробное изложение того, как были обнаружены дощечки кохау-ронгоронго, кем из исследователей и когда были записаны наиболее интересные памятники рапануйского фольклора. Большой раздел статьи посвящен обзору рукописных записей, сделанных рапануицами (манускрипты А, В, С, D), которые были обнаружены на острове в последние годы. Вторая (меньшая) часть статьи посвящена рассмотрению проблем, которые до сих пор стоят перед специалистами, занимающимися языком и письмом рапануицев. Приведя высказывания исследователей о сходстве рапануйских знаков и знаков ряда других систем письма (например Южной

¹⁰ О том, как трактуются вопросы, связанные с особенностями полинезийской расы и заселением Полинезии, в советской антропологической науке, см. например: В. В. Бунак, С. А. Токарев, Проблемы заселения Австралии и Океании, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. XVI, М., 1951, стр. 513—519; Г. Ф. Дебец, Опыт графического изображения классификации человеческих рас, «Сов. этнография», 1958, № 4, стр. 88—90; Я. Я. Рогинский, О первоначальном заселении Полинезии (по материалам антропологии), «Сов. этнография», 1966, № 5, стр. 75—80.

Китай, древней Индии, индейцев куна, оджибвеев), Хейердал отмечает, что наибольшее сходство наблюдается между рапануйским письмом и письмом индейцев куна, а также аймара и кечуа, населяющих районы вокруг оз. Титикака. Он указывает на одинаковую роль текстов при отправлении этими народами религиозных церемоний, на сходство материала (дерево, камень) и начертаний некоторых знаков, на наличие бустрофедона на дощечках кохау ронгоронго и в андском письме. В этом Хейердал видит доказательство того, что на далекий о-в Пасхи письмо было принесено с перуанского побережья Южной Америки.

Можно предполагать, однако, что знаки рапануйского письма возникли на основе пиктографии, известной, например, по петроглифам, которые были обнаружены в различных районах Полинезии (на о-вах Тонга, Таити, Гавайских, Маркизских, Питкэрн, Новая Зеландия, Пасхи и других)¹¹. То, что иероглифические тексты написаны на рапануйском языке (или на каком-то полинезийском языке), доказывается сравнением особенностей, характерных для дощечек кохау ронгоронго и для рапануйского языка.

Сходство между рапануйским письмом и иероглифическим письмом индейцев, живущих на территории, прилегающей к Андам, объясняется, очевидно, стадийностью этих систем письма. Однако на нынешнем этапе исследования этой проблемы влияния перуанского письма на рапануйскую иероглифику совершенно исключить нельзя.

В конце отчета Хейердала в качестве приложений А, В, С, D напечатаны четыре небольших статьи (три из них написаны советскими авторами по просьбе руководителя Норвежской экспедиции), которые посвящены анализу иероглифических записей и фольклорных текстов в манускриптах с о-ва Пасхи¹².

В своем отчете Хейердал довольно подробно анализирует работы таких авторов, как П. Бак (Те Ранги Хироа), А. Метро, С. Энглерт, Р. Гейне-Гельдерн, Т. Бартель и другие, но, к сожалению, почти не останавливается на тех выводах, к которым пришли Д. А. Ольдерогге, Н. А. Бутников и Ю. В. Кнорозов¹³. Автор отчета даже не упоминает о большой статье Б. Г. Кудрявцева «Письменность острова Пасхи», опубликованной в 1949 г. в «Сборнике МАЭ»¹⁴. Последняя работа, статьи Д. А. Ольдерогге, а также опубликованная в 1924 г. статья А. Б. Пиотровского¹⁵ не указаны в списках цитируемой литературы, которые даны в конце каждого тома. В библиографическом разделе не приводятся также некоторые статьи зарубежных ученых, например статья Д. Ибарра Грассо о рапануйской письменности, большая статья Имбеллони о «говорящих дощечках»¹⁶, указанные выше работы Элберта, Эмори, Сагса, посвященные вопросам заселения Полинезии и о-ва Пасхи.

Оба тома снабжены большим количеством рисунков, схем, таблиц и хороших фотографий. Можно пожалеть только, что издатели не снабдили свои труд подробной картой о-ва Пасхи.

Несмотря на то, что большинство ученых не поддерживает гипотезу Хейердала о заселении о-ва Пасхи из Южной Америки, значение археологических работ, проведенных Норвежской экспедицией на островах Полинезии, несомненно велико. Экспедиция собрала интересный материал, многие образцы которого были датированы с помощью радиоуглеродного анализа. Применение радиоуглеродного анализа позволило уточнить датировку трех основных периодов в истории о-ва Пасхи и значительно отодвинуть назад дату первоначального заселения острова.

¹¹ См. например: P. K. Emory, Stone remains in Society Islands. Bernice P. Bishop Museum, Bull. 116. Honolulu, Hawaii, 1933, pp. 171—179; R. C. Suggs, The Archeology of Nuku Hiva, pp. 142—151.

¹² Th. Barthel, Native documents from Easter Island; J. V. Кнорозов, Manuscripts from Easter Island; I. K. Fedorova, Versions of myths and legends in manuscripts from Easter Island; A. M. Kondratov, The hieroglyphic signs and different lists in the manuscripts from Easter Island.

¹³ Д. А. Ольдерогге, Параллельные тексты некоторых иероглифических таблиц с острова Пасхи, «Сов. этнография», 1947, № 4; его же, Параллельные тексты таблиц острова Пасхи «кохау ронго ронго», Сб. МАЭ, 1949, т. XI; Н. А. Бутников, Ю. В. Кнорозов, Предварительное сообщение об изучении письменности острова Пасхи, «Сов. этнография», 1956, № 4; их же, Новые материалы об острове Пасхи, «Сов. этнография», 1957, № 6.

¹⁴ Б. Г. Кудрявцев, Письменность острова Пасхи, Сб. МАЭ, 1949, т. XI.

¹⁵ A. Piotrowski, Deux tablettes avec les marques gravées de l'île de Pâques de la collection de N. N. Mikloukh-Maclay, «Revue d'ethnographie et des traditions populaires», Paris, № 23—24, 1924.

¹⁶ D. E. Ibarra Grasso, La dirección de la lectura en la escritura Pascuana y las ultimas tentativas de interpretación de los investigadores de l'U. R. S. S., «Revista Geográfica Americana», Año XXIV, vol. XLI, 1957, № 245; J. Imbelloni, Las tabletas parlantes de Pascua, monumentos de una sistema gráfico indo-oceánico, «Runa», vol. IV, partes 1—2.

Достаточно широкие серологические исследования, проведенные на материалах экспедиции Хейердала, позволяют теперь более веско аргументировать вопросы, связанные с этногенезом рапануйцев и полинезийцев в целом. Весьма ценным и интересным является указание Мэррилла на то, что нет данных, подтверждающих наличие меланезийского субстрата на о-ве Пасхи.

Если серологические исследования и не подтверждают гипотезу о заселении Полинезии из Южной Америки, они, однако, показывают, видимо, отдаленное общее происхождение коренных жителей Полинезии и Америки и существование между ними контактов еще до появления там европейцев. «Заслуга Тура Хейердала, — отметил недавно Я. Я. Рогинский, — состоит в том, что он первый с таким энтузиазмом и настойчивостью поставил перед антропологами, этнографами и археологами задачу выяснения этих взаимных влияний в пределах тихоокеанского круга»¹⁷.

К сожалению, Хейердал и Фердон, интерпретирующие материалы, собранные экспедицией на о-ве Пасхи и обобщающие результаты ее работы, рассматривают их всегда с точки зрения южноамериканской гипотезы. Особое внимание авторы уделяют именно тем чертам рапануйской культуры, которые, по их мнению, подтверждают эту гипотезу (том I, «Заключение»). А в таком серьезном издании хотелось бы найти широкий сравнительный материал. Он необходим тем более, что антропологический тип рапануйцев, некоторые данные состава крови, родство рапануйского языка (и всех полинезийских языков) с языками Юго-Восточной Азии, сходство фольклорных традиций полинезийцев с фольклором других народов Океании и многие сходные черты культуры явно противоречат гипотезе южноамериканского заселения о-ва Пасхи.

Тем не менее оба тома трудов Норвежской экспедиции представляют собой весьма ценное исследование, в котором, с одной стороны, критически обобщаются уже известные данные, а с другой — приводится обширный новый материал. В этом издании можно найти различные сведения по археологии, антропологии, этнографии и языку о-ва Пасхи и некоторых других островов Восточной Полинезии. Второй том особенно интересен тем, что в нем приводятся различные точки зрения на заселение Полинезии и этногенез полинезийцев.

И. К. Федорова

¹⁷ Я. Я. Рогинский, Указ. раб., стр. 80.

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

Г. Г. Громов. *Методика этнографических экспедиций*, М., 1966 г., 119 стр.

Нужда в издании методического пособия для проведения полевых этнографических исследований очень велика, и выход книги Г. Г. Громова весьма своевременен. Пособие рассчитано не только на студентов-этнографов, но и на более широкий круг работников — сотрудников краеведческих музеев и всех тех, кто занимается изучением народного быта. Как отметил автор, «это первое в советской литературе систематическое изложение методики этнографических экспедиций». И действительно, хотя имеется немало методических разработок, программ, анкет, вопросников для полевой этнографической работы, но они посвящены отдельным сторонам быта и в большей своей части не опубликованы.

Методическое руководство Г. Г. Громова касается изучения лишь сельского населения и в основном традиционных форм быта. Вместе с тем, задачи современной этнографии давно вышли за рамки исследований только сельского населения. В настоящее время широко развернулось изучение культуры и быта рабочего класса, которое проводится во всех республиках Союза. Внимание этнографов все больше привлекает изучение городского населения в целом. Автор, на наш взгляд, излишне преуменьшает накопленный в этой области опыт (стр. 8) и по существу не касается этих проблем. Поэтому книгу Г. Г. Громова можно рассматривать как методическое руководство по изучению лишь крестьянства, и с этой точки зрения она, несомненно, заслуживает внимания.

Во введении к руководству характеризуется многообразие проблем этнографии и основные направления, по которым ведутся исследования: 1 — реконструкция истории первобытного общества; 2 — реконструкция истории культуры угнетенных масс в рабовладельческом и феодальном обществе; 3 — реконструкция истории культурных связей между народами и целыми историко-культурными областями в различные периоды мировой истории; 4 — исследование этнической специфики культуры различных народов; 5 — исследование этногенеза и этнической истории современных народов; 6 — исследование современности.

Замечание вызывает формулировка второго направления, которое было бы лучше озаглавить «Реконструкция истории культуры в рабовладельческом и феодальном

обществе». Конечно, история культуры трудовых масс должна привлечь к себе особое внимание исследователей, она и наименее изучена. Однако вряд ли правильно исключать изучение быта других классов рабовладельческого или феодального общества, тем более, что они тесно взаимосвязаны.

Возникает серьезный вопрос, почему автор опустил период капитализма, хотя преобладающая часть накопленных этнографических материалов относится именно к этому периоду.

В качестве одного из основных направлений Г. Г. Громов выделяет изучение современности, однако позиция его в этом вопросе двойственна. Признавая актуальность этой задачи, он вместе с тем почти не дает соответствующих методических рекомендаций.

В первом разделе книги «Организация полевых исследований» перечислены их основные методы: кроме стационарного и маршрутного методов, выделен еще «кустовой» метод обследования, при котором выбираются опорные пункты работы, а дополнительно обследуются окружающие селения. Но еще чаще применяются разные методы в одной экспедиции. Автор прав, считая особенно плодотворным сочетание кустового и маршрутного способа исследования. Отметим, что в той же мере хорошие результаты дает сочетание стационарного метода с маршрутным, и за последние годы это нашло широкое применение при исследовании современности. Если при стационарном и кустовом обследовании обеспечивается его глубина и многообразность, то маршрутные обследования необходимы для определения «географии» явления. К сожалению, автор не подчеркнул важность изучения распространенности тех или иных этнографических явлений на территории (большой или малой) или у отдельных определенных групп населения. Картографирование стало одним из существенных методов этнографического исследования, оно помогает обобщить разрозненные данные, выявить закономерности в развитии культуры и, может быть, осветить генезис ее отдельных черт. Картографирование — основа для создания общих историко-этнографических атласов по разным народам, которые разрабатываются сейчас центральными и республиканскими исследовательскими институтами нашей страны и за рубежом. Успех картографирования заложен в правильной постановке полевых исследований.

Следовало бы сказать о комплексности как важной методологической установке полевых исследований, и в этом направлении имеется уже значительный опыт, который должен был учесть автор. Комплексные экспедиции, объединяющие силы этнографов, археологов, языковедов, антропологов, фольклористов и представителей других смежных дисциплин, дали свои положительные результаты.

В книге дается оценка выборочного и сплошного методов обследования (стр. 14—15). Метод массового сплошного или статистически-выборочного обследования особенно широко применяется при изучении современности. Г. Г. Громов, однако, недостаточно четко определяет принципы выделения при выборочных обследованиях статистически-показательных групп.

В книге характеризуются различные типы анкет (стр. 16—17), образцы их даются в приложении. По нашему мнению, следовало бы отметить и посемейную карточку (анкету), которая давно вошла в практику советских этнографов. Желательно было бы также упомянуть здесь об обработке полученного путем анкет массового полевого материала, в частности об использовании для этих целей счетных машин (в настоящее время этнографы начинают их применять).

В разделе «Подготовка этнографических экспедиций» автор дает ряд существенных практических указаний, базирующихся на собственном большом полевом опыте. Справедливы его замечания, что каждый этнограф должен обладать навыком в зарисовке или фотографировании и снятии планов жилища и покроя одежды. Это не исключает того, что желательно включать в состав экспедиции профессиональных фотографов и художников, работа которых должна протекать в тесном контакте с этнографом, под его непосредственным руководством.

Хотелось бы подчеркнуть только весьма назревший вопрос о более широком применении в этнографических экспедициях достижений современной техники. До сих пор еще остро ощущается необходимость снабжения экспедиций киноаппаратурой, магнитофоном, фотоматериалами высокого качества, транспортными средствами и прочее. Хотелось бы подытожить уже имеющийся в этом отношении опыт. В практике экспедиций (особенно маршрутных) используются автомашины (ГАЗ-63 или ГАЗ-51), более или менее оборудованные для передвижения этнографических отрядов и их работы в поле. По условиям местности используются самолет, вертолет (пример Хорезмской археолого-этнографической экспедиции Института этнографии АН СССР), однако более широкого применения эти средства передвижения в этнографической экспедиционной работе пока не получили.

В разделе «Основные виды работ в поле» подробно рассматриваются приемы исследования: наблюдение, работа с информаторами, фиксация вещевых материалов, сбор этнографических коллекций. Полезно указание на необходимость ведения дневника экспедиции одним из ее участников или коллективно, где помимо других сведе-

ний, должен быть отражен весь ход работы. Отметим также желательность составления отчета экспедиции (по ее окончании) с характеристикой маршрута, основных результатов и т. д.

В этом же разделе автор знакомит с приемами рисования, составления чертежей, планов, фотографирования и т. д. (стр. 31—32). Одним из важных вопросов методики собирания является составление легенд к предметам, т. е. их документация. Заметим, что в легенде (помимо сведений, перечисленных в книге) необходимо указывать еще национальность и более мелкое этнографическое подразделение или родоплеменную группу, к которой принадлежит данное население, социальную принадлежность владельца вещи, материал и технику изготовления приобретенного предмета. Такой паспорт необходимо составлять и при фиксации изучаемых предметов. Легенда, данная в качестве образца, к выкройке-рисунку (стр. 67, рис. 17) не совсем удачна, так как дублирует размеры, данные на самом чертеже-рисунке, а некоторые необходимые данные отсутствуют (например, техника и материал вышивки и др.).

Кроме составления «полевого списка» приобретенных коллекций и соответствующей нумерации предметов, нам представляется важным этикетировать приобретенные предметы, особенно так называемые «мягкие» вещи. Полевая этикетка (с указанием названия предмета, места и времени приобретения, подписью собирателя) остается необходимым документом до тех пор, пока предмет не пройдет музейную обработку, а как показал опыт, и на более длительное время. Этикетки из ткани или бумаги необходимо пришивать или прикреплять к предметам.

Весьма важны и такие разделы книги, как «Правила ведения и хранения полевых документов» и «Правила обработки экспедиционных материалов для сдачи на хранение».

Самым большим разделом книги (стр. 35—102) является глава под названием «Методика и практика работы в поле», где даны практические советы проведения исследований по определенным темам: хозяйство, поселения, жилище и хозяйственные постройки, одежда, обувь, украшения, утварь, пища, общественные отношения и общественный быт, верования, обряды, игры, танцы, устное народное творчество.

Это весьма ответственный раздел, в котором методика исследования особенно тесно смыкается с его методологией.

Круг вопросов, связанных с традиционной для этнографии тематикой, разработан автором подробно. Что касается современности, то здесь автор часто становится на позицию изучения лишь пережиточных форм. Так, изучение хозяйства автор ограничивает теми хозяйственными занятиями населения «где до сегодняшнего дня сохраняются простейшие приемы производственной деятельности, остальные формы и методы хозяйствования» (стр. 40). Этнографы (стр. 40) не могут брать на себя задачу изучения современного развитого индустриального хозяйства, для этого существуют специальные науки. Однако изучение лишь остальных, пережиточных форм в современном хозяйстве представит его искаженно. Хозяйство имеет определяющее значение для развития культуры и быта современной деревни, и без его характеристики трудно понять и объяснить связанные с ним многие стороны быта. Вряд ли нужно и под силу этнографу заниматься сложными экономическими вопросами современного хозяйства и индустриальной техникой, и в этом автор безусловно прав. Этнограф здесь пользуется данными смежных наук. Но ряд вопросов живо его интересует: направление хозяйственной деятельности данного населения, соотношение отраслей хозяйства, разделение труда и его организация, состав культур, способы ведения животноводства и многое другое.

В разделе «Поселения» автор также ограничивается в своих рекомендациях прошлым, считая, что «изучение новых современных поселений выходит за рамки этнографии» (стр. 50), с чем, конечно, нельзя согласиться, так как и с новым поселением связан целый комплекс этнографических явлений. Да и сам автор противоречит себе, помещая в приложении (стр. 110) программу для сбора полевых материалов по теме «Жилище крестьянина-колхозника Дмитровского района Московской области», куда включены и данные по современному положению.

Рассматривая материальную культуру как исторический источник, автор справедливо призывает к привлечению, кроме полевых этнографических данных, комплексов других разнообразных источников — архивных, археологических, лингвистических и т. д.

В разделе «Общественные отношения и общественный быт» (стр. 86—96) в целом правильно определяется круг вопросов, связанных с изучением общественного быта, его обычаями и нормами. Однако и данный раздел ориентирован исключительно на сельское население. В подразделе, посвященном семье и семейным отношениям (стр. 91—96), несколько больше, чем по другим темам, разработаны вопросы, касающиеся современности (структура семьи, бюджет, семейные отношения, обычаи и обряды). Неудовлетворительна данная автором классификация форм семьи: «Семья в узком смысле этого слова», «более широкий круг родственников — представителей нескольких поколений», «семейнородственный коллектив, объединяющий родственников, состоящих

и в более отдаленном родстве»... Следовало бы руководствоваться уже выработанной в научной литературе терминологией и классификацией.

Темы: верования, обряды, игры, танцы, устное народное творчество — объединены в одном разделе. Автор прав, обращая внимание этнографов на необходимость их изучения. Однако собирание материалов по таким темам, как устное поэтическое творчество, танцы требует особой специализации, и было бы правильнее отослать читателя к соответствующим методическим руководствам, тем более, что данные автором рекомендации по этим темам слишком беглы. В области изучения танца в настоящее время ведутся большие работы, и общепринятой за рубежом является система записи танца Ланге, а у нас в СССР техника записи танца разработана С. С. Лисициан.

Неудачна данная автором классификация фольклорных произведений.

Говоря о записях словесного фольклора, нужно было бы указать на необходимость сбора музыкального фольклора и музыкальных инструментов (отослав к соответствующим руководствам), а также выделить в качестве специальной темы народное искусство, в частности — орнамент.

Книга снабжена приложениями (стр. 107—116), где помещены образцы анкет, программ, бланков и список рекомендуемой литературы. Книга хорошо иллюстрирована рисунками, чертежами, фотографиями.

Подводя итоги, следует сказать, что работа Г. Г. Громова охватывает основные вопросы и темы, связанные с методикой изучения культуры и быта сельского населения, содержит необходимые и полезные указания по методике сбора этнографических материалов, написана живо и доходчиво. Книгу можно рекомендовать как методическое руководство. К сожалению, тираж книги (1200 экз.) явно недостаточен. Что же касается методики изучения современности, в частности тем, связанных с городом, то обобщение собирательского опыта по этой проблеме еще ждет своего исследователя.

В. Ю. Крупянская, Г. С. Маслова

НАРОДЫ СССР

Русские художественные промыслы. Вторая половина XIX—XX в., М., 1965, 266 стр., иллюстрации

Недавно вышедший в свет труд коллектива искусствоведов Научно-исследовательского института художественной промышленности «Русские художественные промыслы» является первым изложением истории русского народного декоративно-прикладного искусства. Художественные промыслы рассматриваются на фоне исторических событий, социально-экономических изменений, происходивших в России, развития культуры, искусства и общественной мысли. В работе раскрывается взаимовлияние народного декоративного искусства, архитектуры и живописи, дается краткая историография.

К сожалению, авторами недостаточно заострены некоторые актуальные вопросы развития промыслов в настоящее время. Отдельные положения, касающиеся истории развития промыслов, в том числе и не впервые высказываемые в литературе, представляются дискуссионными. Вместе с тем написанная в искусствоведческом плане, рецензируемая работа очень интересна и для этнографов, которые изучают народное искусство с нескольких иных позиций.

При искусствоведческом анализе, направленном на выяснение эстетического критерия и способов воздействия средствами изобразительного искусства на эстетическое восприятие, детально рассматриваются отдельные локальные, традиционные элементы, зачастую значительно модифицированные. Этнографам такой анализ позволяет проследить сохранение и развитие единой этнической художественной традиции, а также заимствования, взаимовлияния различных этнических традиций в народном искусстве, т. е. помогает изучить судьбы художественных промыслов, как развитие одной из форм национальной культуры и использовать результаты детального искусствоведческого анализа в качестве одного из источников по этногенетическим проблемам.

Для этнографа народное декоративное искусство, выросшее на местных этнических традициях художественной культуры, хранящее и развивающее их, является элементом как материальной, так и духовной культуры народа. Оно тесно связано с трудом, бытом и мировоззрением народа в каждую историческую эпоху. Народные мастера украшали жилище и одежду, утварь и орудия труда, изготавливали игрушки. Изучение изделий художественных промыслов позволяет полнее воссоздать картину быта различных групп общества, их эстетические вкусы, духовные потребности, навыки в технике обработки природных материалов.

Рецензируемая работа состоит из введения и пяти глав. Во введении, написанном В. М. Вишневской и Е. Н. Хохловой, дана картина развития народно-декоративного искусства с древнейших времен до середины XIX в. и история его изучения.

Авторы охарактеризовали основные этапы многовекового сложного пути развития русского народного декоративно-прикладного искусства, рассказали о формировании различных художественных школ, уходящих корнями в традиции изобразительного искусства Киевской Руси и более древних эпох. Показана связь развития народного декоративно-прикладного искусства с политической и социально-экономической историей России. Однако в некоторых случаях эта связь дана слишком схематично. Например, говоря об искусстве XIV—XV вв., следовало бы глубже раскрыть «сложное особое художественное стили, отличавшееся глубоким демократическим содержанием, утверждающим идеи единства Русского государства» (стр. 13—14), в котором «получили выражение идеалы молодого крепнущего государства» (стр. 14). Мастера создавали произведения искусства, демократического по форме, а его содержание — идея крепнущего государства — в известной мере было социальным заказом верхушки общества. Без уточнения подобных моментов ранние периоды развития искусства предстают как отражение несколько идеализированного общества, воплощавшего идеалы для его членов идеалы в прекрасных памятниках искусства.

Связь судеб промыслов с социально-экономическими изменениями в последующие периоды раскрывается более четко (например, говорится об угасании в XVIII в. многих видов народного творчества в связи с усилением крепостнического гнета в центральных земледельческих районах России, где была распространена барщина, и об интенсивном их развитии в селах, переводимых на оброк в других губерниях).

Правильно освещается постепенно усиливающийся процесс обособления культуры и быта привилегированных классов от культуры и быта широких трудящихся масс и, соответственно, дифференциации промыслов, удовлетворявших потребности той и другой групп населения в утилитарно-декоративных изделиях.

Хорошо показано характерное для народного декоративного искусства соединение индивидуального творчества с коллективно вырабатываемой традицией, а также сложные пути заимствований инонациональных мотивов, переосмысливавшихся, перерабатывавшихся и обогащавших народное искусство.

Удачно освещено многообразие сменяющих друг друга и сосуществующих форм бытования народного искусства: домашней промышленности, ремесла и промыслов. Правильно поставлена, но не полностью раскрыта сложная проблема расцвета отдельных видов декоративного искусства при переходе из стадии ремесла в стадию кустарной промышленности и исчезновения ряда ремесел, не развившихся в промышленности или угасших на стадии кустарной промышленности.

Обзор изучения народного декоративно-прикладного искусства, содержащийся во введении, написан сжато, но насыщенно. В нем, в частности, дана верная оценка положительной роли земских деятелей, создавших своими трудами «объективную картину состояния народных промыслов за несколько десятилетий» (стр. 28), раскрывших «процессы их формирования и бытования, а также зафиксировавших почти забытые произведения и выявивших ранее неизвестные сокровища народного искусства» (стр. 28).

В первой главе (автор Т. М. Разина), освещающей развитие народного декоративно-прикладного искусства в период бурного роста капиталистических отношений (вторая половина XIX — начало XX в.), весьма полно представлены промыслы, разнохарактерные по художественному уровню. Т. М. Разина солидарна с В. М. Вишневецкой и Е. Н. Хохловой в оценке задач, которые ставили перед собой земства и художники, работавшие в промыслах, но в целом деятельность земств оценивает отрицательно, считая, что усиления земств и художников в промыслах разрушалась художественная традиция и внедрялся модернизм. Тон изложения и известная тенденциозность в освещении работы земств и художников-энтузиастов диссонируют с введением. Действительно, деятельность земств иногда способствовала проникновению модернизма, но, во-первых, не только благодаря деятельности земств, а сплошь и рядом вопреки ей происходила «порча» вкуса кустарей, утрата веками выработанных эстетических представлений и художественных традиций, связанных с определенной техникой производства. Этот сложный процесс, несколько упрощенно объединяемый словом «модернизм», в применении к изменениям в народном декоративном искусстве, был вызван глубокой перестройкой всего быта русского населения в связи с бурным развитием капитализма в стране, с новыми темпами и ритмом жизни, с утратой потребностей в прежних утилитарно-декоративных предметах, традиционных для патриархального быта феодальной Руси, рождением новых потребностей и вкусов, а зачастую с осознанным и неосознанным желанием отбросить все, что связано с крепостническим прошлым.

Описание состояния и развития художественных промыслов во второй половине XIX — начале XX в. страдает не только некоторой противоречивостью и нечеткостью в оценке деятельности земств (стр. 78). Следует отметить также неравномерность в освещении различных промыслов. Например, один промысел автор рассматривает детально, останавливаясь на деятельности отдельных мастеров и художников (стр. 85—88), а другой характеризует скупой, несколькими фразами (стр. 65). Однако, несмотря на указанные недостатки, создается четкое и довольно полное представление о художественных промыслах периода развития капитализма.

О развитии народного декоративного искусства в 1920-е годы — в период разрухи и постепенного восстановления народного хозяйства — говорится во второй главе (автор Н. И. Каплан). Внимание Партии и Правительства к промыслам отражены в ряде постановлений. Однако развитие кустарной промышленности наталкивалось зачастую на стихийный протест некоторых слоев населения России послереволюционных лет, в том числе творческой интеллигенции, выступающей против всего старого, связанного с дореволюционным прошлым, и на сопротивление мелкобуржуазной стихии новым формам кооперирования.

В то время как художественные промыслы сохраняли старые традиции, профессионалы-художники под влиянием развития «большого» искусства создавали образцы, отражавшие революционную эпоху, которые большинство кустарей в своей работе не использовали (стр. 113—114). Потребность экспорта традиционных изделий и противоречащая ей потребность создания новых утилитарно-декоративных предметов, отражающих революционное переустройство жизни, диаметрально противоположно влияли на развитие промыслов. Глубокое и всестороннее изучение вопросов народного искусства было делом практически невозможным в то время.

В главе освещается кипучая деятельность энтузиастов пропаганды народного искусства В. С. Воронова, Н. Д. Бартрама, А. В. Бекушинского и др. Различные промыслы описываются на фоне сложной жизни «большого» искусства. Однако не всегда соблюдены пропорции описания промыслов и «фона», несколько перегружена глава и цитатами из постановлений.

В третьей главе (автор Е. Г. Яковлева) изложена история развития промыслов в 1930-е годы. Автором довольно подробно охарактеризованы отдельные центры народного декоративного искусства, выявлены общие стилистические особенности, развивающиеся в промыслах этого периода. Однако, говоря о существенных недостатках в руководстве промыслами, Е. Г. Яковлева отмечает лишь отдельные моменты: переход части мастеров по обработке дерева от бытовой вещи к архитектурным деталям, введение, часто без органической переработки, в орнамент эмблем (стр. 156—157), перегрузка изделий декором, появление натурализма, копийности в лаковой миниатюре, несоответствие декора утилитарному назначению вещей, например в жостовских подносах и т. д.

Е. Г. Яковлева не вскрывает основных причин этих вредных тенденций, развивавшихся в промыслах, а ее оценка действительно высокохудожественных изделий этого периода как «передающаяся в поэтической декоративной форме сокровенные мысли народных мастеров, получивших возможность во весь голос говорить о том, что радовало и волновало их в те годы» (стр. 141) не правомерна. Во-первых, народное искусство всегда выражало сокровенные думы его творцов. Во-вторых, не благодаря атмосфере 1930-х годов, а вопреки ей, в силу глубоких народных традиций художественные промыслы этих лет сохранялись как виды народного искусства.

В более краткой, по сравнению с другими главами книги, четвертой главе (автор Н. Н. Иванова) описываются судьбы художественных промыслов в годы Великой Отечественной войны: перестройка некоторых из них для выпуска оборонной продукции, трудности, вызванные уходом мастеров на фронт, нарушением снабжения артелей сырьем и т. п. Вместе с тем автором убедительно показано, как появляется и развивается новая героическая тема в произведениях мастеров прикладного искусства и рождаются в борьбе и поисках новые направления в искусстве отдельных промыслов, обусловленные повышением художественной культуры мастеров народного искусства.

В главе обобщаются итоги развития советской тематики в народном искусстве на протяжении трех этапов: 1920-х, 1930-х годов и военных лет. На конкретном материале показывается рождение новых, более убедительных образов и развернутых композиций. Однако Н. Н. Иванова подчеркивает противоречия и губительные тенденции, сохраняющиеся в развитии народного искусства: противопоставление выставочных вещей массовым; помпезность стиля; утрата декоративными выставочными вещами утилитарного назначения, их сухость и безжизненность при виртуозной технике исполнения; развитие новых художественных приемов, противоречащих традициям народных промыслов, например появление фонового письма в хохломской росписи вместо традиционного травного. В целом автором подчеркнут высокий уровень мастерства народных художников, старающихся и в неблагоприятных для развития искусства условиях выражать в изделиях свою творческую индивидуальность.

Пятая глава (автор О. С. Попова) представляет лучшей по структуре и по стилю изложения. Основные проблемы современного состояния художественных промыслов и в некоторой мере их истории и перспектив развития освещены четко и полно на конкретном материале. О. С. Попова характеризует два периода развития промыслов: 1950-е и 1960-е годы, показывая органическую преемственность всего лучшего, накопленного народными мастерами, преодоление вредных тенденций и влияний и исследуя новые трудности, возникающие на полных поисках путей дальнейшего развития народного искусства. Автор подчеркивает, что в тот период, когда декоратив-

ное искусство захлестнула волна натурализма и помпезности, в изделиях художественных промыслов традиционная органическая связь декора с предметом способствовала сохранению художественного уровня изделий.

Автором освещен процесс противоречивого развития промыслов в первое послевоенное десятилетие: сочетание расцвета помпезного стиля дорогих и трудоемких выставочных изделий, сделанных ведущими мастерами, с отсутствием внимания к изделиям широкого потребления, которые были безвкусны и отрицательно влияли на формирование эстетических вкусов и потребностей населения. Упадок ряда промыслов (например, ростовской финифти), затруدنения в производстве качественных керамических изделий в Скопинском, Гжельском и других промыслах из-за отсутствия необходимого сырья и оборудования, трудности с кадрами художников и мастеров промыслов, не получающих зачастую необходимой подготовки по истории именно того промысла, в котором им предстоит работать, — весь круг сложных проблем жизни художественных промыслов в 1950-е годы тщательно исследован автором.

Очень четко отражена в главе связь судеб декоративного искусства, в том числе и промыслов, с теми основными задачами, которые ставились перед прикладным искусством в 1950-е годы — украшение общественного интерьера и в 1960-е годы — украшение быта советских людей, создание художественной бытовой вещи, что и являлось всегда задачей народного декоративного искусства.

Показывая развитие промыслов в 1960-е годы в связи с развитием всех видов искусства, художественной и легкой промышленности, в зависимости от размаха жилищного строительства, стандартизации мебели и утвари, О. С. Попова делает глубокие обобщения о стилевом единстве современных изделий промыслов, не умаляя недостатков в их развитии на этом пути, проявляющихся в известном эклектизме, отрицании содержания орнамента и т. д. Как чуткий искусствовед, автор предупреждает об опасности экспериментов, отходящих от корней народных традиций, отрицательно влияющих на эстетические вкусы народа. Сложная проблема роли художников в народных промыслах, степени их вмешательства в народное искусство в современных условиях высокого культурного уровня и художественной подготовки мастеров народного творчества прекрасно раскрывается автором на конкретном материале. Перспектива дальнейшего успешного развития промыслов, как правильно подчеркивает О. С. Попова, предполагает сохранение и развитие коллективности творчества, дружеского единения мастеров и художников в каждом промысле.

Однако хотелось бы подчеркнуть, что автор не останавливает внимания на организационном вопросе — на подчинении промыслов органам, ведающим местной промышленностью. На наш взгляд, этот вопрос представляется чрезвычайно важным. Если научное, художественное руководство промыслами сосредоточено в Научно-исследовательском институте художественной промышленности, то их финансирование, снабжение материалами, сырьем, оборудованием не централизовано. Нет гарантии от некомпетентных, с точки зрения художественной ценности изделий, вмешательства в судьбы промыслов на местах. Следовало бы в работе, освещающей всестороннюю историю народного декоративного искусства, поставить этот вопрос, требующий безотлагательного решения.

В целом для рецензируемого труда характерно освещение не только жизни отдельных промыслов и общих для них стилистических особенностей, объединяющих промыслы в разные исторические периоды, но и показ выставок (на родине и за рубежом), их значения, откликов на них, полемики вокруг промыслов в литературе, показ атмосферы, в которой развивались промыслы.

Книга не свободна от общего для большинства искусствоведческих работ недостатка — субъективно-эмоциональных оценок явлений. Несмотря на специфику искусства, воздействующего непосредственно на эмоции, научный его анализ не должен базироваться на последней. Однако в рецензируемой работе во всех главах, кроме пятой, встречается в большей или меньшей степени этот элемент субъективно-эмоциональных оценок. «Особая поэтичность и музыкальность» изделий художественных промыслов (стр. 24), «прелесть изобразительного фольклора» (стр. 53), «любовь к свету, щедрому и жизнедающему узорочью» (стр. 18) и т. д.

Недостатком книги, рассчитанной на широкого читателя, является и употребление специальных искусствоведческих терминов, например «рокайльные формы», или при описании изделий и техники производства в промыслах «лессировка», «ангобная роспись», «фоновое письмо», «лячка», причем иногда для обозначения одной и той же техники производства художественных изделий употребляются разные термины, из которых один может быть незнаком многим читателям, например «финифть» и «эмаль». Следовало бы при таком изложении материала дать в конце книги словарь необходимых для понимания текста терминов.

Выход в свет труда, освещающего историю русских художественных промыслов, поднимает вопрос об издании подобных книг по истории народного декоративного искусства других народов СССР, так как в настоящее время накоплены материалы и исследования, дающие возможность создания таких работ.

В целом рецензируемая книга коллектива искусствоведов Научно-исследовательского института художественной промышленности представляет несомненную ценность и вызовет большой интерес у широкого круга специалистов, в том числе и у этнографов, как советских, так и зарубежных.

С. Б. Рождественская

ИССЛЕДОВАНИЕ О ЛАТЫШСКОЙ НАРОДНОЙ ОДЕЖДЕ

М. К. Slava. *Latviesu tautas tēpi. «Arheologija un etnografija»*. Rakstu krajums. VII, Rīga, 1966, 167 стр.+38 табл.

Институт истории АН ЛатвССР опубликовал монографию М. К. Славы «Латышская народная одежда» с предисловием Г. Строда. Текст книги на латышском языке, краткое резюме (9 стр.) и подписи под иллюстрациями даны в русском переводе. Книга М. К. Славы представляет собою капитальную работу — результат многолетних исследований автора. Ценность монографии состоит в богатстве фактического материала, большей частью оригинального, в разносторонности использованных источников и, что особенно хотелось бы подчеркнуть, она по своей методике и методологии принципиально отличается от многих вышедших ранее работ, посвященных той же теме. Книга богато иллюстрирована, содержит 92 черно-белых рисунка в тексте и 38 цветных таблиц в конце книги.

Хронологически исследование охватывает преимущественно XVIII и первую половину XIX в., но в ходе изложения автор систематически привлекает материал более ранних исторических периодов. Одна из глав посвящена краткой истории формирования костюма до XVIII в., а заключительная глава — судьбе народного костюма в период капитализма и в социалистическую эпоху.

Изложению материала предшествует обзор литературы и источников по теме монографии. Автор знакомит с богатейшими собраниями по одежде латвийских музеев¹ и с коллекциями Государственного музея народов СССР в Ленинграде, она изучала также основные фонды музеев по одежде Литовской и Эстонской ССР.

М. К. Слава вводит в научный оборот ранее малониспользованные ценные материалы рукописного архива Всесоюзного географического общества в Ленинграде (материалы экспедиции Я. Шегрена 1846 г., акварели художника А. Пецольда, полевые записи этнографа Я. Каляе-Кузнецова и др.). Значительное место уделяется характеристике уникального этнографического источника, к сожалению, до сих пор не опубликованного, десяти томного собрания оригинальных рисунков-миниатюр Я. Бротце (1772—1823 гг.)², а также рисунков О. Гуна (1820 г.)³. В тексте работы автор умело использует оригинальные материалы, извлеченные из государственных архивов, протоколы волостных судов, инвентарные списки имущества умерших крестьян, описания одежды беглых крепостных и т. п. М. Слава справедливо отмечает большую ценность многочисленных публикаций путешественников XVI—XVIII вв., работ о латышах западноевропейских авторов XVIII—XIX вв., указывая вместе с тем на фрагментарность содержащихся в них сведений по одежде. Нельзя не согласиться с оценкой автором работ по одежде, опубликованных при буржуазном строе. Признавая репрезентативность этих изданий, обилие фактического материала и красочные иллюстрации⁴, М. К. Слава вскрывает слабость, а порой и порочность их методологии. Публикации буржуазного времени, особенно при фашистской диктатуре, отличались большой тенденциозностью. Исходя из концепции консервативности латышской одежды (развитие которой якобы прекратилось в XVII в.), авторы рассматривали ее как нечто статическое, изолированное. Многие из работ того времени служили националистическим задачам поисков обособленной «чистой латышской культуры», очищенной от «чуждых» влияний, а также пропаганде социального единства латышского народа.

¹ Только в этнографическом отделе Музея истории ЛатвССР в Риге, указывает автор, имеется свыше 17 000 предметов по одежде, в рукописном архиве отдела хранятся материалы по одежде в виде фотоснимков, описаний, зарисовок, чертежей, зафиксированных экспедициями 1924—1930-х годов; из республиканских краеведческих музеев наиболее значительна коллекция по одежде в Лиепайском музее.

² Y. Chr. Brotze, Sammlung verschiedener Liefländischer Monumente, Prospective. Müntzen, Wappen etc, I—X. Рукопись хранится в фундаментальной библиотеке АН ЛатвССР.

³ О. Гун, Zimejumi LCVVA (ЦГИ Архив) ЛатвССР, ф. 6840, оп. 1, д. 62.

⁴ Например, «Latviju Raksti», t. I—III, Rīga, 1924—1931.

Будучи представителем советской этнографической школы, М. К. Слава построила свою работу на иных принципах: в основу ее исследования положен метод исторического материализма. Автор рассматривает народную одежду в ее историческом развитии, в связи с изменениями социально-экономических условий жизни народа, освещает на материалах одежды этнокультурную историю латышей, выявляет в одежде общие черты с родственными или соседними народами, а также результаты культурных взаимовлияний. Вместе с тем автор преследует и практическую цель: публикацию высокохудожественных образцов народного искусства. Слабая изученность вопроса потребовала от М. К. Славы, помимо привлечения упомянутых выше разнообразных источников, многие годы заниматься полевыми исследованиями как на территории ЛатвССР, так и в пограничных районах, в Эстонской, Литовской ССР и в РСФСР. В книге помещены карты полевых маршрутов экспедиций Института истории АН ЛатвССР и Прибалтийской комплексной экспедиции Института этнографии АН СССР, в которой М. К. Слава активно участвует уже много лет.

В главе «Латышская одежда до XVIII в.» использованы археологические данные, позволившие восстановить одежду латышских племен с VII в. н. э. М. К. Слава опирается в своих выводах на работы латвийского археолога А. Э. Зарыни, накопившей большой материал по фрагментам древней одежды латышей⁵. При сопоставлении археологических материалов с данными XVII—XVIII вв. М. К. Слава приходит к заключению, что «народная одежда латышей до XVIII в. состояла в основном из тех же частей, что и в древние времена. Только богатую орнаментацию металлическими украшениями заменил стеклянный бисер, нитяные кисти и вышивки».

С этим выводом можно согласиться, но в резюме на русском языке формулировка его (стр. 154) требует уточнения. Речь может идти о сохранении некоторых основных частей одежды, но изменения коснулись, конечно, не только характера украшений, но в известной мере и состава всего комплекса костюма, характера ткани, расцветки и т. д., о чем рассказывает далее сам автор.

В основных разделах книги рассматривается латышская народная одежда периода позднего феодализма, когда она достигла, по выражению автора, классических форм.

Изучены материал одежды и техника его изготовления: тканье и окраска (стр. 25—31). К сожалению, о тканье с подкладкой дощечек говорится очень кратко (стр. 27). Рассмотрены техника украшения одежды и ее шитье (стр. 31—40), особенно — вышивка, связанная с одеждой. Очень важен раздел «Возрастные и социальные различия в одежде» (стр. 40—44), так как в работах буржуазных авторов социальный аспект при исследовании одежды не учитывался. В феодальный период, как справедливо отмечает автор, латышская народная одежда была одеждой крестьян, резко отличаясь от одежды помещиков и бюргеров немецкого происхождения, костюм подчеркивал не только классовые, но и национальные различия. Некоторые отличия в одежде разных социальных групп крестьянства наблюдаются уже в конце XVIII в. с развитием торговых отношений. Автор характеризует для начала XIX в. особенности в одежде крестьян-дворохозяев, крестьян-арендаторов, батраков и других социальных категорий. Со второй половины века социальные различия становятся резче. Выделяется зажиточная верхушка — «серые бароны», они начинают подражать в костюме немецким помещикам и городской буржуазии, для которых была характерна одежда западноевропейского образца. Хранителем национальных традиций в одежде остается в то время главным образом среднее крестьянство. Для иллюстрации социальных различий в одежде латышских крестьян М. К. Слава приводит интересный фольклорный материал. В книге подробно рассматриваются отдельные составные части женской и мужской одежды: рубахи, поясная одежда, пояса, женские покрывала — «виллайне», верхняя одежда, головные уборы, обувь, рукавицы и перчатки, украшения (стр. 44—102), а также характерные комплексы и их локальные варианты (стр. 103, 119).

Автор выделил пять основных комплексов женской одежды: видземский, латгальский, аугшземский, земгальский и курземский, положив в основу своей классификации не только расцветку, характер украшений (как это делали предшествующие авторы), но прежде всего — покрой — существенный, определяющий признак. Весьма важен вывод о том, что особенности основных комплексов одежды в известной мере восходят к различиям в материальной культуре отдельных племенных объединений, населявших данную территорию и вошедших позднее в состав латышского народа (стр. 154). Натуральное хозяйство, слабость культурных связей в период феодализма способствовали, как отмечает автор, сохранению и развитию местных особенностей народной одежды.

В специальном разделе освещаются историко-культурные связи латышей по данной одежде (стр. 120—124).

Особенно четко выделены типы рубах. Мы присоединяемся к выводам автора: наиболее характерной для латышей, как и для других прибалтийских народов, является

⁵ См. А. Э. Зарыня, Одежда латгалов по материалам археологических раскопок последних лет, «Вопросы этнической истории народов Прибалтики», I, М., 1959, и другие работы.

туникообразная рубаха (в различных вариантах), а рубаха с поликами появляется под влиянием культурных связей со славянами.

М. К. Слава справедливо уделила внимание существенному вопросу бытования у латышей несшитой поясной одежды типа поневы. Этот более древний элемент костюма роднит одежду латышей не только с другими прибалтийскими народами, но и с более широким кругом народов Европы, более всего с восточными, западными и южными славянами. Весьма интересен упомянутый автором термин «прошава» — сходный с названием вставки в русской поневе «прошва». Этимология слова нуждается в специальном лингвистическом анализе.

Одной из наиболее древних и самобытных частей женской латышской одежды автор считает наплечное покрывало — «виллайне», известное уже с VIII в.

Действительно, хотя покрывало этого типа и отмечается в одежде прибалтийских народов, а также и западных славян, однако наибольшее развитие этот вид одежды получил у латышей.

В результате анализа имевшихся материалов автор характеризует древнее родство и общность культуры латышей и литовцев, а также характер историко-культурных связей латышей с ливами, эстонцами, вольдой. Отмечая некоторое немецкое и скандинавское влияние на одежду латышей, автор отмечает, что оно не было значительным, поскольку здесь отсутствовали тесные бытовые контакты.

Существенное внимание уделено вопросам латышко-славянских отношений: выявлена общность одежды латышей Латгалии и Аугшземе с одеждой русских и белорусов. Ряд наиболее архаичных элементов — женский головной убор «pamats», тип плетеной обуви и др. автор склонен рассматривать как свидетельство древних связей латышей со славянами и угро-финнами.

Классификация мужской поясной одежды, к сожалению, дана недостаточно четко, в частности, не отмечено, что тип мужских штанов (рис. 32—6) сходен с белорусским. Важное значение для типологии верхней одежды имеет покроя, а также устройство бортов. Автор отметил наличие однобортной и двубортной одежды, однако неясно, что он под этим понимает. При определении типов существенно и то, на какую сторону запахивалась одежда. Судя по таблицам, двубортная одежда (с полкой, основательно находящейся на другую) и с застежкой на левой стороне отмечается в кафтанах жителей Латгалии (рис. 57—2, 4, 5), встречается также в Аугшземе (рис. 58—1); подобный тип одежды характерен и для восточных соседей латышей. Двубортные короткие куртки и некоторые кафтаны из Курземе, с застежкой на правой стороне (рис. 59—1, 2, 6, 10) сходны с одеждой западных соседей — эстонцев, поляков и др.

Таким образом, и эта часть крестьянской одежды дает большой материал для сравнений, однако он мало использован.

Весьма положительной оценки заслуживают методические приемы автора: составленные шесть карт, показывающих «географию», т. е. распространение отдельных элементов и целых комплексов одежды, помогли автору понять их происхождение и проследить необходимые параллели. Ценны и сводные таблицы, дающие интересный массовый материал (табл. 56—59, 67, 71, 73, 76, 79) или подробно объясняющие способы одевания и повязывания головных уборов (табл. 67, 68, 69).

В краткой заключительной главе автор прослеживает судьбу народного латышского костюма в капиталистический период и в наши дни, показывает внедрение в среду сельских жителей костюма, считого по городской моде, приводит интересные данные об оценке этого явления в местной прессе того времени (1870-е годы); отмечает усилившиеся в конце XIX — начале XX в. резкие расхождения в костюме различных социальных групп крестьянства. Это находило свое проявление как в типе костюма, так и в материале (малоимущие слои, переходя на городской тип одежды, продолжали использовать ткани домашнего производства). Процесс отказа от традиционного народного костюма проходил в Латвии с разной степенью интенсивности, в некоторых местах (например, в ряде волостей в Курземе) женская народная одежда широко бытовала и в 1930-е годы, кое-где ее носят и теперь. В 1880—1890 гг. в среде буржуазных кругов латышской интеллигенции развернулось общественное движение за возрождение латышского народного костюма. В 1890-х годах был создан специальный «комитет по народной одежде», главной задачей которого было добиться, чтобы участники «дней песни» выступали в народных костюмах. М. К. Слава справедливо критикует идеологическую направленность и достигнутые результаты этих устремлений. Со стороны латышской буржуазии, всеми средствами укреплявшей свои позиции, это (как и в целом в пропаганде возрождения древней латышской культуры) была попытка завоевать доверие и симпатии широких трудящихся масс. Искусственно возрожденный народный костюм отличался крайней стилизацией, нередко доходившей до прямого искажения. В годы буржуазной власти в Латвии в отношении к народному костюму в еще большей мере проявились националистические устремления правящих кругов. При фашистской диктатуре, подчеркивает автор, ношению народного костюма придавалось особое значение — демонстрации существовавшего якобы социального единства и мира в стране. Воссозданная в эти годы народная одежда получила в результате различных

поощрительных мер (или официально введенная) довольно широкое распространение. Тип костюма был значительно модернизирован.

Характеризуя общий расцвет культуры в ЛатвССР в настоящее время, М. К. Слава знакомит с широким использованием народного костюма повсеместно в республике: трудящиеся приходят в народных костюмах в дни революционных праздников на демонстрации, в народных костюмах выступают многотысячные хоры и танцевальные коллективы, нередко в народных костюмах можно увидеть процессии при свадебных церемониях и т. п.

В республике устраиваются выставки образцов подлинных народных костюмов, публикуются альбомы, работают училища прикладного искусства и т. д. Коллекции по одежде и украшению, накопленные и все пополняющиеся в музеях Латвии, широко используются творческими работниками как в самой республике, так и во многих других братских советских республиках. Хотелось бы высказать сожаление, что автор, отмечая успехи в творческой переработке образцов народного костюма и украшений в современной промышленности или художественном ремесле, не охарактеризовал их достаточно подробно.

Книга хорошо и богато иллюстрирована. Широко использовано цветное фото, а также рисунки, удачно выполненные художником Я. Риекстипем в единой манере с акварелями XVIII—XIX вв., с которыми они объединены в общие таблицы. Фотографии деталей одежды, вышивки, данные крупным планом, хорошо передают их технику и фактуру.

Приятно внешнее оформление книги. Нельзя не согласиться с мнением писателя и этнографа Я. Ниедре, опубликовавшего рецензию на работу М. К. Славы, что в лице автора удачно сочетаются ученый-этнограф и искусствовед⁶. Следует, однако, заметить, что при публикации предметов было бы необходимо указать их размеры (например, какая это часть натуральной величины, или приложить масштабную линейку). Подписи к рисункам и ссылки на источники в ряде случаев носят слишком общий характер.

Книга снабжена большим ссылочным аппаратом; в конце приложена библиография. Она весьма полезна, но это скорее список использованной литературы, так как она далеко выходит за рамки исследованной темы. Оглавление книги следовало бы дать не только на латышском, но и на русском языке.

Монография М. К. Славы — плод многолетнего труда, проделанного автором в соответствии с намеченным еще в начале 1956-х годов планом исследований проблем этнической истории народов Прибалтики. Эти исследования проводятся этнографами научных учреждений Литовской, Латвийской и Эстонской ССР в содружестве с Институтом этнографии АН СССР и другими научными учреждениями страны. В настоящее время коллектив этнографов Прибалтийских советских республик приступил к работе над историко-этнографическим атласом народов Прибалтики. Книга М. К. Славы, равно как вышедший ранее альбом эстонской одежды, — ценный вклад в это общее большое исследование⁷.

Г. С. Маслова, Л. Н. Терентьева

⁶ J. Niedre, Jauns darbs latviešu etnografiskajā literatūrā, «Karogs», 1967, № 6, стр. 158.

⁷ «Эстонская народная одежда XIX — начала XX в.», Таллин, 1960.

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

Joseph M. Kitagawa. *Religion in Japanese history*. New York, 1966.

В зарубежной японоведческой литературе, помимо многочисленных исследований по отдельным сторонам японских религий, есть немало трудов, посвященных обзору японских религий в целом. Однако работы эти либо написаны очень давно и к настоящему времени уже существенно устарели (как книга В. Е. Гриффиса «Японские религии»), либо носят очень конспективный и вследствие этого неполный и неглубокий характер (как сравнительно новая работа В. К. Бунса «Религии в Японии») ¹. Поэтому можно смело сказать, что книга Джозефа Китагавы «Религии в истории Японии» заполняет важный пробел в зарубежной японоведческой литературе и не имеет себе равных по полноте и фундаментальности исследования.

¹ W. E. Griffis, *The religions of Japan*, New York, 1896; W. K. Bunce, *Religions in Japan*, Rutland, 1955.

Джозеф Китагава — американец японского происхождения, профессор истории религий Чикагского университета. Перед написанием своего труда он дважды (в 1958—59 и 1961—62 гг.) побывал в Японии для сбора материалов. Свою методологию сам Китагава характеризует как подход к религии с позиций «религионсвиссеншафт или феноменологии и сравнительной истории религии». Действительно, для его книги характерен последовательный историзм и использование сравнительного метода.

Книга состоит из шести глав, каждая из которых охватывает определенную историческую эпоху. Так, первая глава — III—VIII вв. н. э., то есть древнейший период истории Японии, вторая — IX—XII вв., раннее средневековье до установления системы военного правления, третья — XIII—XVI вв., то есть классическое японское средневековье, четвертая — XVII — середину XIX в., эпоху сёгуната Токугава и пятая — время от революции Мэйдзи до конца второй мировой войны. Шестая глава описывает современную послевоенную Японию.

Книга Китагавы представляет собой переработку цикла публичных лекций, прочитанных автором в 1962—1963 гг. от имени комитета истории религий при Американском совете научных обществ. Поэтому отдельные главы оформлены как более или менее законченное исследование. В то же время каждая глава уделяет специальное внимание какому-либо одному аспекту религиозной истории. Так, в третьей главе особенно подробно разобраны религиозные общества и организации средневековья, в четвертой — сделан упор на взаимоотношения между религиозными системами и феодальным режимом и т. д. Все главы начинаются с весьма подробного изложения основной канвы исторических событий соответствующей эпохи. Вслед за этим дается общий обзор положения религии в эту эпоху, а затем уже разбираются крупнейшие комплексы религиозных явлений, для нее специфичные. Поэтому книга Китагавы это не просто история японских религий, это история всего японского общества вообще и места, занимаемого в нем религиями в частности.

Книга написана очень доходчивым языком и в то же время тщательно документирована, охватывает обширный материал первоисточников, снабжена подробнейшими примечаниями. Из общего объема в 475 стр. 135 отведено на приложения — хронологические таблицы исторических событий с указанием годов правлений всех 124 реальных и мифических императоров Японии, глоссарий, индекс и обширную библиографию на японском и западноевропейских языках. Эти дополнения еще более повышают ценность книги. Очень важно, что, анализируя историю японского буддизма, в каждом, даже мелком явлении автор не ограничивается показом только японского материала, но везде, где возможно, прослеживает корни этого явления, уходящие в Китай и в Индию, с обязательным указанием китайских и санскритских соответствий приводимых японских терминов.

Обзорный характер лекций, легших в основу данной книги, и ее сравнительно небольшой объем не дают автору возможности остановиться подробно на вопросах, касающихся различий в доктринах огромного множества японских буддийских и синтоистских сект. Точно также повествование не особенно детализировано по различным мелким историческим фактам, как правило, Китагава использует в нем лишь основные опорные вехи, важнейшие события религиозной жизни, уделяя основное внимание философскому и историческому анализу содержания описываемых им событий и явлений.

В оценке явлений новейшего времени и их политического содержания Китагава старается стоять на «нейтральных» позициях, однако то, что симпатии его в значительной степени на стороне христианства, дает себя знать в ряде мест книги, в которой, кстати сказать, описанию истории и современного положения христианства в Японии уделено, по сравнению с буддизмом, непропорционально много места. В то же время у автора находится достаточно много критических замечаний, иронии и скепсиса в адрес политики оккупационных властей в 1940-х, 1950-х годах, которая была направлена не на подлинную демократизацию политической и религиозной обстановки в Японии, а на максимальное использование существующих социальных и религиозных институтов в своих корыстных целях.

Кое в чем изложение Китагавы неполно. Так, весьма подробно разбирая различные аспекты деятельности современных буддийских организаций, он практически ничего не говорит об участии буддийских масс и значительной части рядового духовенства в общепонском движении в защиту мира. Деятельность католических миссий в Японии предстает в его изложении в несколько идеализированном виде. Но в целом книгу Китагавы следует признать весьма ценным обобщающим трудом по истории и современному состоянию японских религий, потребность в котором давно ощущалась в мировой японоведческой науке.

С. А. Арутюнов

НАРОДЫ АВСТРАЛИИ И ОКЕАНИИ

А. Кондратов. *Великаны острова Пасхи*. М., 1966, 192 стр., с илл.

Издательство «Советский художник» выпустило научно-популярную книгу А. Кондратова «Великаны острова Пасхи», посвященную проблемам происхождения культур и заселения о. Пасхи и всей Полинезии. В ней приведены сведения из истории открытия о. Пасхи европейцами и рассмотрены почти все существовавшие и существующие гипотезы, связанные с этими проблемами.

Интерес к культуре и искусству о. Пасхи в нашей стране очень велик. Об этом свидетельствует давнее внимание к нему ученых и широкой публики. На таком фоне появление новой книги об о. Пасхи было встречено с интересом, тем более, что книга графически хорошо оформлена и написана внешне занимательно. Однако от ближайшего знакомства она сильно проигрывает.

Не касаясь подробно изложенных автором гипотез, связывавших, например, происхождение полинезийской культуры с затонувшим материком Пасифидой, или гипотезы о родстве культур древней Индии и о. Пасхи, построенной на сходстве ряда знаков в их письменностях, обратимся к теориям, имеющим современное научное значение.

Первая из них, «меланезийская теория», представлена автором, как гипотеза о первичном заселении Полинезии и о. Пасхи меланезийцами. Ссылаясь главным образом на изданную в 1931 г. научно-популярную книгу Шульце-Мезье «Остров Пасхи» и широко используя изложенный в ней материал, автор говорит, что в системе доказательств этой теории большое место отведено искусству (стр. 75). В связи с этим укажем на одну из существенных ошибок, допущенных автором при изложении доводов, опровергающих эту теорию. Говоря об изображениях фрегата, встречающихся на о. Пасхи и на Соломоновых островах, автор объясняет их сходство лишь тем, что рисовальщики всегда стремятся воспроизвести наиболее точно натуру, кем бы эти рисовальщики ни были (стр. 76). Однако эти изображения, привлекающие внимание всех исследователей о. Пасхи, связаны прежде всего с культовыми представлениями островитян, а не со стремлением воспроизвести точно натуру. К тому же они изображают не просто птицу фрегата, а птице-человека. Таким образом, этот вопрос, связанный с упомянутыми рисунками, так и не получил в книге должного объяснения. Нельзя считать удачным использование автором термина «меланезийская теория» применительно к изложенной в книге гипотезе о заселении Полинезии меланезийцами, потому что в этнографии Океании этот термин охватывает значительно более широкий круг вопросов, включая проблему путей следования предков полинезийцев к местам их нынешнего обитания.

Другая, так называемая «американская» теория, полемике с которой отведено в книге больше всего места, связывает происхождение древней культуры о. Пасхи и Восточной Полинезии с древнейшими культурами индейцев Южной Америки. Автор указывает, что широкую известность эта теория получила благодаря норвежскому ученому Т. Хейердалу, хотя мысль о родстве этих культур была высказана еще в XIX веке.

Излагая взгляды Т. Хейердала, нарочито названные на страницах этой книги «теорией Кон-Тики», А. Кондратов уделяет наибольшее внимание одному вопросу — о белых людях, упоминаемых в легендах островитян Восточной Полинезии и жителей Южной Америки, т. е. вопросу, который занимает во взглядах этого ученого лишь второстепенное место. Полемизируя с ним, автор ссылается преимущественно на его научно-популярную книгу «Путешествие на Кон-Тики», написанную двадцать лет назад. Но известно, что на основе новых фактов, полученных самим Т. Хейердалом за эти годы в сотрудничестве с учеными разных специальностей, его взгляды уточнялись и совершенствовались. Они изложены как в научных трудах Т. Хейердала, так и в научно-популярных статьях, отдельные из которых переведены на русский язык. К сожалению, при изложении теории норвежского ученого А. Кондратов почти не упоминает этих новых данных. Между тем ряд фактов, полученных за последние годы, имеет серьезное научное значение и существенно меняет прежние представления о древней культуре о. Пасхи. Наличие, например, на острове в давние времена густой тропической растительности, как доказали исследования палеоботаников, опровергает утверждения некоторых ученых о том, что мегалитическая культура о. Пасхи получила развитие из-за отсутствия здесь дерева, а также из-за легкости передвижения огромных статуй по голой местности. К сожалению, на это утверждение опирается и автор данной книги при изложении своей точки зрения на культуру о. Пасхи (стр. 136). Важным фактором, говорящим о контактах с Южной Америкой, можно считать обнаруженные на острове растения американского происхождения — полигонум амфибум и скирпус татора (тотора). Неправильно изложены или приведены в устаревшем варианте отдельные суждения Т. Хейердала, например, по поводу каменных статуй о. Пасхи.

В теории Т. Хейердала не все бесспорно и уже подтверждено фактами. Он и не утверждает этого.

Рецензируемая книга значительно выиграла бы, если бы автор познакомил читателя с новейшими исследованиями ученых, отстаивающих противоположную концепцию Т. Хейердала точку зрения на происхождение культуры о. Пасхи. Но автор использовал преимущественно устаревшие этнографические работы, а несколько ссылок на современных оппонентов Хейердала выглядят в книге едва ли убедительно.

Можно соглашаться или не соглашаться с теми или иными взглядами, но излагать их следует объективно. Тон, которым автор говорит о научных гипотезах Т. Хейердала — ученого, посвятившего почти 30 лет жизни исследованию Восточной Полинезии и имеющего ряд научных заслуг, — представляется нам некорректным, а потому не допустимым.

В поисках правильного решения сложных научных проблем, к числу которых относится происхождение народов Океании, Полинезии или даже одного о. Пасхи, ученые неизбежно допускают иногда ошибочные суждения. Но вряд ли правомерно со стороны А. Кондратова трактовать обнаруженные учеными параллели в культуре полинезийцев и меланезийцев, или полинезийцев и американских индейцев как намерение умалить достоинство коренного населения Полинезии. Свои суждения о самобытности полинезийской культуры он доводит до крайности — до почти полного отрицания каких бы то ни было влияний на их культуру в результате контактов с другими народами.

В вопросе о заселении Полинезии А. Кондратов целиком присоединяется к «азиатской» теории Те Ранги Хироа, сформулированной 30 лет назад. Не говоря уже о том, что тем самым читателю предложено несколько ограниченное освещение полинезийской проблемы, следует еще подчеркнуть, что А. Кондратов опустил в книге очень важный вопрос, без которого изложение этой проблемы остается незаконченным. Это вопрос о том, каким путем пришли полинезийцы из Юго-Восточной Азии в восточную Океанию до первого заселенного ими острова Полинезии, которым автор, следуя за Те Ранги Хироа, считает Танти.

Рассказывая о полинезийской культуре и истории расселения полинезийцев, автор допускает серьезные фактические ошибки. Так, он утверждает, что Мадагаскар был впервые заселен полинезийцами (стр. 140), хотя в действительности этот остров был заселен индонезийцами. Перечисляя «типично полинезийские» черты в культуре о. Пасхи, А. Кондратов называет и рапануйские копья с обсидиановыми наконечниками (стр. 148). Но, насколько нам известно, в Полинезии нигде, кроме о. Пасхи, нет и не было таких копий.

Несмотря на то, что рецензируемая книга вышла в серии «Страницы истории искусств», искусству в ней отведено непропорционально мало места. Материалы искусства привлекаются автором главным образом для освещения этноисторических проблем. В небольшом разделе шестой главы «Искусство Полинезии» (стр. 131—138) дан лишь краткий перечень предметов быта и искусства полинезийцев. Нет в ней даже краткой характеристики специфики искусства обитателей полинезийских архипелагов. Ничего не сказано и о тончайших рисунках на головах деревянных фигурок с о. Пасхи, наличие которых позволяет спорить с автором, считающим, что рапануйцам не могла быть известна ювелирная точность резьбы (стр. 94).

Несомненным достоинством книги является большое число иллюстраций. Многочисленные фотографии полинезийской скульптуры, по-видимому, должны демонстрировать общность образцов искусства о-ва Пасхи и других полинезийских архипелагов. Однако это никак не прокомментировано автором. А без таких комментариев читатель может сделать обратный вывод.

Большое количество побочных сведений, приведенных в книге, разбивает цельность повествования, какими бы занимательными эти сведения ни были. Например, рассказ о бунте на корабле «Баунти», о доисторическом прошлом Индии и раскопках Мохенджо-Даро, о языковых параллелях и т. д. Кроме того, при изложении этих сведений автор допускает многочисленные ошибки, перечислить которые в краткой рецензии невозможно.

Сам по себе факт издания «Советским художником» книги о полинезийской культуре — безусловно оградное явление. Необходимость популяризации трудов ученых, работающих над решением сложных историко-этнографических проблем Океании, совершенно очевидна. Но такая популяризация должна осуществляться с учетом новейших научных данных, на высоком научном уровне и с сознанием ответственности за правильность изложения материала. К сожалению, книга А. Кондратова «Великаны острова Пасхи» не удовлетворяет этим требованиям.

Л. Г. Розина

НОВАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО НАРОДАМ ПРИБАЛТИКИ

Адомонис Ю. Художественная керамика. Вильнюс, 1966, 76 с. с илл. (Дом народного творчества Литов. ССР). На литов. яз.

Алексеев В. П. Краниологические материалы к проблеме происхождения западных латышей. «Сов. этнография», 1966, № 2, с. 34—49 с табл. Резюме на англ. яз. Библиогр. в подстроч. примеч.

Анисимова В. Р. Распад первобытнообщинного строя и зарождение классического общества на территории Латвийской ССР в I тысячелетии н. э. Рига, 1966. 54 с. (Латв. гос. ун-т им. Петра Стучки).

Батури И. Э. Летние дни молодежи. Ты становишься совершеннолетним. [Новые традиции]. Таллин, «Ээсти раамат», 1966. 111 с. с илл. На эст. яз.

Библиография трудов научных сотрудников Академии наук Эстонской ССР в области общественных наук, опубликованных в 1965 г. «Изв. АН Эст. ССР», т. 15. Серия обществ. наук, 1966, № 2. Прил., с. 1—48.

Буткявичус И. П., Терентьева Л. Н. и Шлыгина Н. В. Крестьянские поселения Прибалтики. (История формирования, современное состояние, перспективы развития). «Сов. этнография», 1966, № 1, с. 30—51 с карт. Резюме на англ. яз. Библиогр. с подстроч. примеч.

Бытовые традиции Биржайского района. Вильнюс, 1966. 15 с. с илл. (Науч.-метод. кабинет культ.-просвет. работы). На литов. яз.

Вайткявичус К. и Трайнис П. Предрассудки в народной медицине. Вильнюс, «Минтис», 1967. 37 с. На польск. яз.

Волкайте-Куликаускаене Р. Снаряжение воина и коня у древних литовцев. Вильнюс, «Вага», 1966. 16 с. с илл. (Литов. нар. искусство. Украшения). Текст парал. на литов., рус., англ. и нем. яз.

Гаген-Торн Н. И. и Васина А. П. Д. К. Зеленин и его связь с эстонской наукой. По материалам личного архивного фонда ученого. «Учен. зап. Тартуского ун-та», вып. 184. Труды по рус. и славян. филологии, 1966, 9, с. 230—236.

Гражданские похороны. Вильнюс, 1966. 15 с. с илл.; 9 с. илл. (Респ. дом культ.-просвет. работы. Науч.-метод. кабинет). На литов. яз.

Дамбе В. Ф. Название города Рига (Riga). «Вопр. географии». сб. 70, 1966, с. 107—109.

Думпе Л. Исследование об этнических связях прибалтийских и славянских народов. «Изв. АН ЛатвССР», Рига, 1966, № 3, с. 151—154. На латыш. яз.

Ежегодник этнографического музея, XXI. Таллин, «Валгус». 1966. 333 стр. На эст. яз. Резюме на русск. и нем. яз.

Игналинский край. Археология и этнография. Сб. статей. Ред. коллегия: А. Тула (пред.) и др. Вильнюс, «Вага», 1966. 338 с. с нот.; 32 л. илл. (О-во охраны памятников и краеведения Литов. ССР). На литов. яз. Резюме на рус. яз.

Искусство. [Альманах изобразит. и прикладного искусства]. 2. Таллин, «Кунст», 1966. 68 с. с илл.; 2 л. илл. Прил.: Системат. указатель. 1958—1965. 14 с. На эст. яз.

Казрагис А. К. Насилием и коварством. (История христианства в Литве). Вильнюс, «Минтис», 1966. 35 с. На литов. яз.

Кампарс П. В поселке Палсмане. [О новых обрядах в производств. жизни и быту литв. поселка]. «Агитатор», 1966, № 24, с. 24—26.

Канцедикас А. Народные мастера сегодня. [О работах литов. резчиков по дереву, представл. на худож. выставке «25 лет Советской Литвы, Латвии и Эстонии». Москва, 1966]. «Творчество», 1966, № 5, с. 12—13.

Канцедикас А. Тринадцать дюжин. (О коллекции скульптур и произведений прикладного искусства, собранной литов. художником А. Жмуйдзинавичюсом). «Декоративное искусство СССР», 1966, № 2, с. 48—49.

Копелев Л. и Калнынь Д. Лиго — значит радость. (О литов. нар. празднике). «Дружба народов», 1966, № 7, с. 251—253.

Королева Лебедь. Литов. нар. сказки. Сост. А. Лебите. Послесл. Д. Саука. Пер. А. Суковский. Илл.: А. Макунайте. Рига, «Лиезма», 1966. 379 с. с илл.; 16 л. илл. На латыш. яз.

Кранс В. М. Закономерности роста стопы и ее сегментов у латышских детей и подростков. М., Изд-во Моск. ун-та, 1967. 15 с. Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. биол. наук.

Ландберг О. Э. По Раквереским дорогам. [Этногр. и ист.-геогр. очерк]. Таллин, «Ээсти раамат», 1966. 142 с. с илл. На эст. яз.

Латвийские сказки. Пер. В. Мартишус. Вильнюс, «Вага», 1966. 354 с. На литов. яз. Латвийский этнографический музей. Рига. Путеводитель. Сост. С. Цимерманис. Под общ. ред. А. Нестеровой. 2-е доп. и переработ. изд. Рига, 1966. 122 с. с илл.; 1 л. план. (Ин-т истории АН Латв. ССР). На латыш. яз. Путеводитель вышел также на рус. яз. (145 с. текста).

Латышские народные сказки. Избранное. Волшебные сказки. Сост. К. Арайс. Вступит. статья О. Амбайниса. Илл.: П. Шенгоф. Рига, «Зинатне», 1966. 488 с. с илл. (АН Латв. ССР. Ин-т яз. и литературы). На латыш. яз.

Лейнасарс И. К вопросу о видах поселений в Латвии в XIII—XIV вв. «Сов. этнография», 1966, № 1, с. 52—58. Резюме на англ. яз. Библиогр. в подстроч. примеч.

Мастоните М. Литовская народная женская одежда в XIX — начале XX вв. Вильнюс, 1967. 25 с. Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук. (АН Литов. ССР. Ин-т истории).

Материалы к отчетной конференции археологических и этнографических экспедиций 1964—1965 гг. Института истории АН Литовской ССР. Вильнюс, 17—18 марта 1966 г. Вильнюс, 1966. 46 с. (АН Литов. ССР. Ин-т истории).

Меркене Р. В. Быт и культура рабочих Григискского опытно-бумажного комбината. (5. Интерьеры квартир). «Труды АН Литов. ССР». 1966, № 3 (22), с. 167—182. На литов. яз. Резюме на рус. яз.

Меркене Р. В. Быт рабочих Григискского опытно-бумажного комбината в 1925—1965 гг. Вильнюс, 1966. 27 с. Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук. (АН Литов. ССР. Ин-т истории).

Музеи и памятники Литвы. Вильнюс, «Минтис», 1966. 56 с. с илл. На литов. яз. Музей Риги. Справочник. Сост. С. Лапшин. Рига, «Лиезма», 1966. 80 с. с илл. На латыш. яз.

Пуйтс Я. Сувениры из бересты. [О работах рижской худож. Л. Плотноковой]. «Декоративное искусство СССР», 1966, № 10, с. 46.

75-летие академика Ханса Крууса. [Историк]. «Изв. АН Эст. ССР», т. 13. Серия обществ. наук, 1966, № 3, с. 373—377 с портр. На эст. и рус. яз.

Симм Я. Топонимика Сету. В кн.: Материалы 22-й научной студенческой конференции. III. Тарту, Изд-во тарт. гос. ун-та, 1967, с. 63—66.

Слава М. Литовская народная одежда. Рига, «Зинатне», 1966. 169 с. с илл.; 21 л. илл. Библиогр.: с. 130—134. Библиогр. в примеч.: с. 135—152. (АН Латв. ССР. Ин-т истории. Археология и этнография. Сб. статей. 7). На латыш. яз. Резюме на рус. яз.

Старинные эстонские народные сказки. Собрал и обработал Ф. Р. Крейцвальд. Илл.: Г. Рейндольф. Таллин, «Ээсти раамат», 1966. 431 с. с илл. На эст. яз.

Строд Г. и Цимерманис С. Межреспубликанская научная сессия этнографов Эстонии. (Тарту. 2—6 июня 1965 г.). «Изв. АН Латв. ССР», Рига, 1966, № 1, с. 136—138. На латыш. яз.

Таллинский городской музей. Керамика и фарфор из фондов музея. Сост. Л. Аלקырс. Таллин, 1966. 15 с.; 6 л. илл. (М-во культуры Эст. ССР).

Тезисы докладов на Научной отчетной сессии о результатах исследований археологов и этнографов за 1965 год. Рига, 1966. 32 с. (Ин-т истории АН Латв. ССР. М-во культуры Латв. ССР). На латыш. яз.

Тезисы докладов на Научной отчетной сессии, посвященной итогам археологических и этнографических экспедиций 1965 года. Рига, 1966. 36 с. (Ин-т истории АН Латв. ССР. М-во культуры Латв. ССР).

Терентьева Л. Н. Распространение атеистического мировоззрения и безрелигиозных форм быта среди колхозников латышей. (По материалам Екабпилского р-на Латвийской ССР).— В кн.: Вопросы преодоления религиозных пережитков в СССР. Сб. статей. М.—Л., Изд-во «Наука», 1966, с. 53—78. Библиогр. в подстроч. примеч.

Тыдман Л. Литовское общество охраны памятников. «Декоративное искусство СССР», 1966, № 1, с. 44—45.

Украшения. Альбом. Сост., подгот. и предисл. Р. Куликаускаене и Р. Римантене. Кн. 2. Украшения древних литовцев. Вильнюс, «Вага», 1966. XXIII, 163 с. с илл. (Литовское народное искусство). Текст парал. на литов. и рус. яз.

Фаворский А. Октябрьская революция и решение национального вопроса в Латвии. «Коммунист Сов. Латвии», 1966, № 11, с. 26—33.

Феоктистова Л. Х. Научная конференция в Государственном этнографическом музее Эстонской ССР. Тарту. Апрель 1966 г. «Сов. этнография», 1966, № 6, с. 113—115.

Шварцас И. Б. СобираТЕЛЬСКАЯ РАБОТА историко-революционного музея Литовской ССР. «Труды НИИ музееведения», вып. 16, 1966, с. 143—154.

«Эстонские работы по художественной обработке кожи». Выставка. Таллин. 1965—1966. [Каталог. Предисл. К. Кирме. Сост. Л. Круусе]. Таллин, 1966. 63 с. с илл. (М-во культуры ЭССР. Гос. музей изобразительных искусств). На эст. яз.

Эстонский парк-музей. Таллин. Краткий путеводитель. Сост. О. Корзюков. Таллин, 1966. 36 с. с илл.; 1 л. план. (М-во культуры ЭССР).

Составитель Р. В. Каменецкая

МАРК ОСИПОВИЧ КОСВЕН

18 июня 1967 г. после тяжелой и продолжительной болезни скончался старейший советский этнограф, доктор исторических наук, профессор Марк Осипович Косвен.

Глубокий исследователь, замечательный педагог М. О. Косвен сыграл видную роль в становлении и развитии советской этнографической науки. Своими многочисленными трудами по истории первобытного общества, кавказоведению, славяноведению и другим областям этнографии он внес фундаментальный вклад в отечественную и мировую науку, получив широкую известность как крупнейший представитель советской этнографической школы.

М. О. Косвен родился 11 января 1885 г. По окончании в 1904 г. Петербургской гимназии Марк Осипович отправился для продолжения образования во Францию, где в течение двух лет учился на естественном факультете Парижского университета. Однако тяга к гуманитарным наукам, интерес к которым у русской молодежи особенно возрос в период революции 1905—1907 гг., привел Марка Осиповича на юридический факультет Петербургского университета. Здесь Марк Осипович, слушая лекции вернувшегося из эмиграции М. М. Ковалевского, впервые обратил внимание на актуальные проблемы истории первобытного общества, которые так талантливо разрабатывал этот выдающийся ученый и которые в дальнейшем будут занимать главное место и в этнографических исследованиях самого Марка Осиповича.

После окончания в 1909 г. Петербургского университета Марк Осипович вступает в число присяжных поверенных Петербургской окружной судебной палаты. Начавшаяся в 1914 г. мировая война прервала адвокатскую деятельность Марка Осиповича. С первых же дней войны он был мобилизован в армию, где его служба протекала главным образом в учреждениях Красного Креста. Занимаясь по долгу службы делами военнопленных, Марк Осипович как юрист обратил внимание на то, что права военнопленных были недостаточно выяснены и нередко нарушались воюющими государствами. Это побудило М. О. Косвена написать его первую научную работу — «Военнопленные. Очерк по международному и воинскому праву», которая была издана в 1915 г. в Петрограде отдельной книгой.

В 1917 г. Марк Осипович, как один из лучших специалистов по делам военнопленных, был командирован Главным управлением Красного Креста в Копенгаген на Международный конгресс по делам военнопленных. Марк Осипович принял активное участие в работах конгресса, выполняя обязанности его секретаря. Великая Октябрьская Социалистическая революция застала Марка Осиповича за границей. В то время как многие представители русской интеллигенции после перехода власти в руки победившего пролетариата отказывались сотрудничать с Советским государством и стремились покинуть свою родину, Марк Осипович, не колеблясь, вернулся в ноябре 1917 г. в революционный Петроград и вступил в ряды Красной Армии, откуда он демобилизовался в 1921 г. Высококвалифицированный юрист, опытный администратор М. О. Косвен отдал все свои силы и знания восстановлению и развитию народного хозяйства, работая на ответственных должностях в Москве — уполномоченным Волховстроя, полномочным представителем Северо-Западного Промбюро и др.

В 1924 г. М. О. Косвен, следуя своему давнему влечению к этнографическому изучению первобытного общества, переходит на научную работу и в том же году печатает

в журнале «Красная новь» (№ 6 и 7/8) свое первое исследование по первобытной истории — «Происхождение обмена и меры ценности».

М. О. Косвен вступил на поприще этнографии в период, когда в нашей стране еще только начиналась ее коренная перестройка на основе марксизма-ленинизма. Это был сложный и трудный период научных поисков, определения новых задач и выработки новых концепций, отказа от ряда неверных и устаревших представлений. Марк Осипович сразу же самоопределился как активный и убежденный сторонник нового курса в этнографической науке; он был в числе тех советских этнографов, кто первыми стал умело и успешно применять марксистскую методологию в своих научных исследованиях. Большой заслугой М. О. Косвена как ученого, твердо ставшего на позиции марксизма-ленинизма, было то, что он не поддавался распространявшейся в 1920—1930-х годах в наших гуманитарных науках «детской болезни» — увлечению абстрактным социологизированием, не подменял при теоретической разработке этнографических проблем углубленное изучение конкретного материала сочинением схоластических схем, прикрытых марксистской фразеологией. Стремясь к широким научным обобщениям, М. О. Косвен оставался, однако, на твердой почве фактов и был всегда верен творческому духу марксизма-ленинизма. Опираясь на труды классиков марксизма-ленинизма, критически пересматривая наследие лучших представителей отечественной и мировой этнографической науки, М. О. Косвен выступает в своих исследованиях как подлинный новатор, идущий непроторенными путями. Тщательно собирая соответствующий этнографический материал, привлекая разнообразные источники, М. О. Косвен вместе с тем решительно выступает против эмпиризма и скользящего по поверхности этнографических явлений, вникая в самую сущность изучаемых обычаев, порядков и институтов, вскрывая их социальную подоплеку.

Начав свою деятельность в области этнографии в расцвете творческих сил, М. О. Косвен неустанно и плодотворно продолжал ее в течение более 40 лет. Он вел большую исследовательскую работу в ряде центральных научных учреждений — Институте истории РАНИОН (1924—1929), Институте истории Коммунистической академии (1929—1931), Институте К. Маркса — Ф. Энгельса (1929—1931), Институте народов Советского Востока (1930—1932), Институте народов Севера (1932—1934), Московском отделении Государственной Академии истории материальной культуры (1934—1936), Отделе этнографии «Большой Советской Энциклопедии» (1936—1946) и др. Более 22 лет (с февраля 1943 по июнь 1965 г.) Марк Осипович проработал в Институте этнографии АН СССР и только ухудшение состояния здоровья заставило его на 81-м году жизни уйти на давно заслуженный отдых.

Наряду с работой в научно-исследовательских учреждениях, М. О. Косвен многие годы вел преподавательскую работу. В 1927 г. он впервые вступил на кафедру Московского университета в качестве доцента, а с 1934 по 1954 г. продолжал свою педагогическую деятельность в этом университете в качестве профессора. Марк Осипович был блестящим и талантливым пропагандистом исторических знаний. Его лекции всегда привлекали большую аудиторию и пользовались неизменным успехом. Можно без преувеличения сказать, что он был одним из самых популярных и любимых профессоров Исторического факультета Московского университета. Многие поколения студентов Истфака МГУ впервые приобщались к этнографической науке, слушая лекции М. О. Косвена, и немало его учеников избрали этнографию своей научной специальностью.

Уделяя большое внимание воспитанию научной смены, Марк Осипович своими советами и указаниями постоянно помогал начинающим этнографам в их научной деятельности, в повышении их квалификации. Под его непосредственным руководством было подготовлено свыше 20 кандидатов и докторов наук. Значительную группу учеников М. О. Косвена составили специалисты по этнографии Кавказа из числа коренных народов этого края.

М. О. Косвен был также выдающимся популяризатором этнографической науки. Он умел исключительно ясно, четко и логично излагать самые запутанные вопросы, разъяснять самые сложные понятия. Ему принадлежат сотни этнографических статей в первом и втором изданиях «Большой Советской Энциклопедии». Еще большее число энциклопедических статей по отделу этнографии им было отредактировано и отрецензировано. Со времени основания в 1926 г. журнала «Советская этнография» М. О. Косвен являлся его постоянным ведущим сотрудником, а с 1946 по 1959 г. и членом его редколлегии.

М. О. Косвен оставил нам огромное и ценное научное наследство. Сосредоточив свои исследования главным образом на узловых проблемах истории первобытного общества, он развил и углубил теорию матриархата, раскрыл ряд новых форм и путей перехода человечества от материнского рода к отцовскому, значительно уточнил наши представления о развитии в первобытном обществе семейно-брачных отношений и систем родства. Всесторонне изучая древнюю структуру общества, Марк Осипович уделял также большое внимание вопросам периодизации первобытной истории, взаимоотношению семейной и сельской общины, соотношению рода и племени, военной демо-

кратин, древним религиозным верованиям и начальным формам власти, преступлению и наказанию в первобытном обществе. В своих исследованиях М. О. Косвен особо остановился на таких архаических обычаях и институтах, как авункулат, аталычество, обычай возвращения женщины в родной дом, «крестный отец» и др., вскрыв их первоначальный смысл.

Рассматривая пути распада рода и поздние формы кровнородственных союзов, Марк Осипович детально исследовал исторически известные нам формы патриархальной семейной общины. Он сделал выдающееся научное открытие, установив, что в результате сегментации большой семьи появляется особая группа, которую Марк Осипович предложил именовать патронимией. Разрастаясь и размножаясь, патронимия может, как это показал М. О. Косвен, в свою очередь стать исходным пунктом новых больших семей и патронимий, что делает ее особенно устойчивой и распространенной формой родственных коллективов на последней стадии существования патриархально-родового строя.

Ученый разносторонних интересов и поистине энциклопедической эрудиции, М. О. Косвен в своих исследованиях использовал этнографические материалы, относящиеся к народам почти всех стран мира. Особенно широко Марк Осипович привлекал этнографические материалы по славянским народам и горским народам Северного Кавказа. Еще в 1931 г. он совершил экспедиционную поездку на Кавказ (в Юго-Осетию), и с этого времени кавказская тематика стала занимать в работах Марка Осиповича все большее и большее место, чему в немалой степени способствовало и то обстоятельство, что на протяжении 14 лет (1943—1957) он возглавлял сектор народов Кавказа Института этнографии АН СССР. Марк Осипович с успехом продолжил лучшие традиции дореволюционного русского кавказоведения и, в частности, то направление, которое было намечено в трудах М. М. Ковалевского.

С именем М. О. Косвена связана одна из самых ярких и значительных глав в истории советского кавказоведения. Ему принадлежит честь первой постановки и освещения на материалах народов Кавказа таких вопросов, как дуальная организация, патронимия, родоплеменная структура, аталычество, куначество и др. Специальное исследование М. О. Косвен посвятил истории этнографического изучения Кавказа в русской науке, издав труд, который ныне стал настольной книгой для всех кавказоведов.

Перу М. О. Косвена принадлежит свыше 400 научных работ. Важнейшие его труды неоднократно переиздавались в СССР, а также вышли на иностранных языках в ГДР, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии, Вьетнаме, Китае, Японии.

Много времени и сил отдавал М. О. Косвен редактированию этнографических публикаций и исследований. Под его руководством в 30-х годах были изданы переводы книг Л. Г. Моргана «Дома и домашняя жизнь американских туземцев» и «Древнее общество», а также труд М. М. Ковалевского «Очерк происхождения и развития семьи и собственности». В послевоенные годы Марк Осипович редактировал многие книги советских кавказоведов, был членом редакционной коллегии тома «Народы Кавказа», вышедшего в серии «Народы мира».

Сейчас, когда в наших сердцах еще так остра скорбь по умершему Марку Осиповичу, трудно дать полную оценку всего того, что он сделал в области этнографии. Можно лишь сказать, что его основные труды прочно вошли в золотой фонд отечественной и мировой этнографической науки и будут долго служить образцом научного этнографического исследования.

В. К. Гарданов

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ М. О. КОСВЕНА

1. Происхождение обмена и меры ценности. «Красная новь», 1924, № 6 и 7/8.
2. Брак — покупка. «Красная новь», 1925, № 2.
3. Преступление и наказание в догосударственном обществе. М.— Л., 1925.
4. Первобытное меновое хозяйство. «Красная новь», 1926, № 4.
5. Половой вопрос в первобытном обществе. «Красная новь», 1927, № 1—2.
6. Половые отношения и брак в первобытном обществе. М.— Л., 1928.
7. Первобытная власть. «Революция права», 1929, № 2.
8. Матриархат. «Революция права», 1929, № 6.
9. Теория сакрального происхождения власти. «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», 5, 1930.
10. Распад родового строя у удмуртов. «Уч. зап. НИИ народов Советского Востока», вып. II, М., 1931.

11. История брака и семьи в истории науки до середины XIX в. «Сов. этнография», 1931, № 1/2.
12. Вновь открытая форма брака. «Сообщения. Гос. Академии истории материальной культуры», 1932, № 3/4.
13. Л. Г. Морган (1818—1881). Биография. «Сов. этнография», 1932, № 1.
14. Н. Я. Бахофен. «Сов. этнография», 1933, № 1.
15. Проблема доклассового общества в эпоху Маркса — Энгельса. «Сов. этнография», 1933, № 2.
16. Л. Г. Морган, Жизнь и учение. «Труды Научно-исслед. ассоциации Ин-та народов Севера ЦИК СССР», т. 1, вып. 4—6, Л., 1933 (2-е изд. 1935).
17. Рихард Турнвальд и его этнографические труды. «Сов. этнография», 1933, № 3/4.
18. Матриархат в Западной Африке (этнограф. материалы). «Сов. этнография», 1934, № 1/2.
19. Статистика населения Дагомеи. «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1934, № 7/8.
20. Этнография в «Большой Советской Энциклопедии». «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1935, № 1/2.
21. Аталычество. «Сов. этнография», 1935, № 2.
22. Об архивных материалах по этнографии СССР. «Сов. этнография», 1936, № 1.
23. Из истории родового строя в Юго-Осетии. «Сов. этнография», 1936, № 2.
24. Энгельс и Морган. В кн.: «Вопросы истории доклассового общества», Л., 1936.
25. Пережитки матриархата у народов Кавказа. «Сов. этнография», 1936, № 4/5.
26. Первобытная культура. В кн.: «История культуры», под. ред. П. Ф. Юдина, М. О. Косвена и П. И. Кушнера, т. 1, М., 1941.
27. Матриархат (этнографические материалы). «Уч. зап. Московского гос. ун-та», вып. 61, История, т. II, М., 1940.
28. Из истории проблемы матриархата, «Сов. этнография», 1946, № 1.
29. Из переписки Бахофена с Морганом. Там же.
30. Очерки по этнографии Кавказа. «Сов. этнография», 1946, № 2.
31. Проблемы воспитания и психологии ребенка в свете этнографического материала (работы Маргарет Мид). Там же.
32. К проблеме трупового брака. «Кр. сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. 1, 1946.
33. Обычай возвращения домой (из истории брака). Там же.
34. Семейная община (к истории вопроса). «Изв. Академии наук СССР», Серия истории и философии», т. III, № 4, 1946.
35. И. Я. Бахофен и русская наука. «Сов. этнография», 1946, № 3.
36. Амазонки (История легенды). «Сов. этнография», 1947, № 2—3.
37. Авукулат. «Сов. этнография», 1948, № 1.
38. Семейная община (Опыт исторической характеристики). «Сов. этнография», 1948, № 3.
39. Матриархат. История проблемы, М.—Л., 1948.
40. Патронимия у древних германцев. «Изв. Академии наук СССР», «Серия истории и философии», т. VI, № 4, 1949.
41. Северорусское печище, украинские сябры и белорусское дворище. «Сов. этнография», 1950, № 2.
42. Проблема общественного строя горских народов Кавказа в ранней русской этнографии. «Сов. этнография», 1951, № 1.
43. Об историческом соотношении рода и племени. «Сов. этнография», 1951, № 2.
44. Программа для собрания сведений о патронимии и структуре рода. «Кр. сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. XIII, 1951.
45. М. М. Ковалевский как этнограф-кавказовед. К 100-летию со дня его рождения (1851—1951). «Сов. этнография», 1951, № 4.
46. Переход от матриархата к патриархату. Сб. «Родовое общество. Этнографические материалы и исследования», М., 1951.
47. О периодизации первобытной истории. «Сов. этнография», 1952, № 3.
48. Патронимия и проблема рода. Сб. «Вопросы этнографии Кавказа», Тбилиси, 1952.
49. Очерки истории первобытной культуры. М., 1953. (2-е изд. 1957).
50. 100-летний юбилей русской этнографической прессы. «Сов. этнография», 1953, № 4.
51. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке, «Кавказский этнографический сборник», 1, М., 1955.
52. Г. Ф. Миллер (к 250-летию со дня рождения). «Сов. этнография», 1956, № 1.
53. Первый русский африканист М. Г. Коковцев. «Сов. востоковедение», 1956, № 2.
54. Материалы к истории ранней русской этнографии (XII—XVII вв.). В сб.: «Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии», вып. 1, М., 1956.
55. Кабардинский патриот Измаил Атажуков. «Уч. зап. Адыгейского НИИ языка, литературы и истории», т. 1, Майкоп, 1957.

56. Декабрист В. Д. Сухоруков на Кавказе (новые данные по архивным источникам). «История СССР», 1957, № 2.
57. Архивные материалы по географии и этнографии Кабарды (1808—1834). Публикация и примечания. «Уч. зап. Кабардино-Балкарского НИИ», т. XIII, Нальчик, 1957.
58. П. Г. Бутков как кавказовед-этнограф (К 100-летию со дня смерти). «Сов. этнография», 1958, № 1.
59. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке, ч. II. «Кавказский этнографический сборник», II, М., 1958.
60. К вопросу о военной демократии. Сб. «Проблемы истории первобытного общества» «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. LIV, М.—Л., 1960.
61. Этнография и история Кавказа. Исследования и материалы. М., 1961.
62. Из истории русской исторической науки XVIII в. Научно-организационная деятельность В. Н. Татищева. «История СССР», 1961, № 3.
63. Этнографические результаты Великой Себерной экспедиции 1733—1743 гг. «Сибирский этнографический сборник», III, 1961.
64. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке, ч. III. «Кавказский этнографический сборник», III, М., 1962.
65. Тимофей Иванович Шмалев, историк — краевед Дальневосточной Сибири и его литературное наследство. «Проблемы источникововедения», вып. XI, 1963.
66. Кто такой крестный отец. «Сов. этнография», 1963, № 3.
67. Семейная община и патронимия, М., 1963.
68. К вопросу о древневосточной общине. Несколько замечаний на статью И. М. Дьяконова о древневосточной общине. «Вестник древней истории». 1963. № 1, 4.
69. Патронимия и ее роль в истории общества, VII МКАЭН, М., 1964.

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ» В 1967 ГОДУ

Статьи

- В. П. Алексеев (Москва). Модусы расообразования и географическое распространение генов расовых признаков (1, 3).
- Н. Г. Волкова (Москва). Вопросы двуязычия на Северном Кавказе (1, 27).
- Н. П. Колпакова (Ленинград). Некоторые вопросы сравнительной поэтики (*Причет и песня*) (1, 41).
- Э. Л. Нитобург (Москва). О сдвигах в размещении и структуре населения Венесуэлы (1, 54).
- М. М. Фрейденберг (Калинин). Родственные коллективы в Далматинской Хорватии (в XI—XVI вв.) (1, 68).
- В. В. Пименов (Москва). О некоторых закономерностях в развитии народной культуры (2, 3).
- Н. П. Лобачева (Москва). О формировании новой свадебной обрядности у народов Узбекистана (2, 15).
- В. П. Кобычев (Москва), А. И. Робакидзе (Тбилиси). Основы типологии и картографирования жилища народов Кавказа (*Материалы к Кавказскому историко-этнографическому атласу*) (2, 26).
- С. И. Вайнштейн (Москва). Орнамент в народном искусстве тувинцев (2, 45).
- М. А. Итина (Москва). О месте тазабагыбской культуры среди культур степной бронзы (2, 62).
- И. М. Семашко (Москва). Происхождение и этническая история бхиллов. (К постановке проблемы) (2, 80).
- Честер С. Чард (Мадисон). Некоторые проблемы доисторической хронологии на северо-востоке Азии (2, 94).
- Б. О. Долгих (Москва). Образование современных народностей Севера СССР (3, 3).
- Е. Н. Студенецкая (Ленинград). Одежда народов Кавказа (О собирании материалов для Кавказского историко-этнографического атласа) (3, 16).
- Т. Д. Златковская (Москва). О происхождении некоторых элементов кукуерского обряда у болгар (К вопросу о фракийских традициях у народов Юго-Восточной Европы) (3, 31).
- Е. С. Котляр (Москва). Мифы бантуязычных народов Тропической и Южной Африки (3, 47).
- Т. А. Жданко (Москва). Международное значение исторического опыта перехода кочевников на оседлость в Средней Азии и Казахстане. (В связи с работой в СССР семинара МОТ по проблеме оседания кочевников) (4, 3).
- Л. П. Лашук (Москва). Историческая структура социальных организмов средневековых кочевников (4, 25).
- Д. М. Коган (Москва). Связи городского и сельского населения как одна из проблем этнографии города (4, 40).
- К. Фойтик (Брно). Основные проблемы чехословацкой этнографии и фольклористики (4, 51).
- Д. Е. Еремеев (Москва). Язык как этногенетический источник (Из опыта лексического анализа турецкого языка) (4, 62).
- Г. Ф. Дебец (Москва). Антропологические исследования в Афганистане (4, 75).
- А. И. Першиц, Н. Н. Чебоксаров (Москва). Полвека советской этнографии (5, 3).
- В. П. Алексеев (Москва). Изучение антропологического состава населения СССР за 50 лет (5, 25).
- В. К. Соколова (Москва). Советская фольклористика к 50-летию Октября (5, 44).
- И. С. Гурвич (Москва). Некоторые проблемы этнического развития народов СССР (5, 62).
- И. С. Вдовин (Ленинград). Малые народности Севера на социалистическом пути развития за 50 лет Советской власти (5, 78).
- Н. А. Кисляков (Ленинград). Проблемы семьи и брака в работах советских этнографов (По материалам Средней Азии и Казахстана) (5, 92).

- С. А. Гонимонский (Москва). Великий Октябрь и народы Латинской Америки (5, 105).
- М. С. Иванов (Москва). Современные национальные процессы в Иране (5, 118).
- С. А. Токарев (Москва). О задачах этнографического изучения народов индустриальных стран (5, 133).
- С. И. Брук, В. И. Козлов (Москва). Этнографическая наука и перепись населения 1970 г. (6, 3).
- И. А. Кривелев (Москва). К характеристике сущности и значения религиозного поведения (6, 21).
- Я. Р. Винников (Москва). Новое в семейном быту колхозников Туркменистана (6, 32).
- Р. С. Липец (Москва). К вопросу о генезисе былин (Город в русском эпосе) (6, 42).
- В. А. Дремов (Томск). Древнее население лесостепного Приобья в эпоху бронзы и железа по данным палеоантропологии (6, 53).
- З. Ясевич (Познань). Исследования общественной и культурной интеграции на западных и северных польских землях (6, 67).

Дискуссии и обсуждения

- Г. Г. Громов (Москва), Ю. Ф. Новиков (Ростов-на-Дону). Некоторые вопросы агроэтнографических исследований (1, 80).
- В. И. Козлов (Москва). О понятии этнической общности (2, 100).
- В. В. Седов (Москва). К происхождению белорусов (Проблема балтского субстрата в этногенезе белорусов) (2, 112).
- Н. Н. Чебоксаров, Я. В. Чеснов (Москва). Некоторые проблемы агроэтнографии Юго-Восточной Азии (3, 59).
- А. А. Формозов (Москва). О наскальных изображениях эпохи камня и бронзы в Прибайкалье и на Енисее (3, 68).
- Н. Н. Чебоксаров (Москва). Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых (4, 94).
- П. Н. Третьяков (Ленинград). Восточные славяне и балтийский субстрат (4, 110).
- Л. М. Сабурова (Ленинград). По поводу статьи Г. Г. Громова и Ю. Ф. Новикова «Некоторые вопросы этнографических исследований» (6, 76).
- М. В. Крюков (Москва). О соотношении родовой и патронимической (клановой) организации (К постановке вопроса) (6, 83).

Народы мира

Информационные материалы

- Л. А. Фадеев (Москва). Население Ботсваны и Лесото (3, 83).
- А. Д. Дридзо (Ленинград). Барбадос и его население (4, 119).

Сообщения

- К. Г. Гуслистый, В. Ф. Горленко, Я. П. Прилипко (Киев). Работа над историко-этнографическим атласом на Украине (1, 94).
- А. А. Лебедева (Москва). Анкета как этнографический источник (По материалам сплошного подворного обследования 1897 г. в Забайкалье) (1, 99).
- В. В. Лукин (Ленинград). Неизвестное собрание акварелей Панчо Фиерро в Советском Союзе (Новые материалы для изучения этнографии и искусства Перу) (1, 104).
- А. Е. Панян (Москва). Новый быт колхозников села Мргаван Арташатского района Армянской ССР (2, 130).
- Н. А. Брегадзе (Тбилиси). Рациональные основы некоторых обычаев рузинских земледельцев (2, 140).
- А. В. Смоляк (Москва). О современном этническом развитии народов Нижнего Амура и Сахалина (3, 95).
- П. Банерджи (Калькутта). Некоторые эволюционные аспекты одонтологии бенгальцев (3, 103).
- Л. Е. Куббель (Москва). Материалы по социально-экономическим отношениям у народов Эфиопии в трудах А. К. Булатовича (3, 109).
- Ю. И. Першиц (Москва). О методике сопоставления показателей одноподнациональной и смешанной брачности (4, 129).
- Я. С. Смирнова (Москва). Национально-смешанные браки у народов Карачаево-Черкесии (4, 137).

- И. И. Игонин (Москва). Использование материалов аэрофотосъемки в этнографических исследованиях (5, 143).
 И. И. Гохман (Ленинград). К вопросу об антропологических особенностях древних скотоводов Забайкалья (6, 95).
 М. Велева (София). Этнографический музей в Софии (6, 100).

Поиски, факты, гипотезы

- С. Я. Козлов (Москва). Загадка происхождения народа фульбе (1, 117).
 Г. В. Кинжалов (Ленинград). День в древнем городе майя (2, 145).
 Г. И. Анохин (Москва). Судьба гренландских норманнов (3, 113).
 С. А. Арутюнов (Москва). Древние транстихоокеанские связи: миф или реальность? (4, 143).
 В. А. Никонов (Москва). Личное имя — социальный знак (5, 154).
 Р. В. Кинжалов (Ленинград). День в столице древних мочика (6, 103).

Хроника

- Г. А. Жданко, Ю. А. Рапопорт, Н. Н. Чебоксаров (Москва). Сергей Павлович Толстов (К 60-летию со дня рождения) (1, 130).
 В. П. Алексеев, Г. Г. Стратанович (Москва). Н. Н. Чебоксаров (К 60-летию со дня рождения) (3, 125).
 М. С. Кашуба (Москва). Работа Института этнографии АН СССР в 1966 году (3, 127).
 Я. Я. Рогинский (Москва). М. М. Герасимов (К 60-летию со дня рождения) (4, 151).
 И. Р. Григулевич (Москва). И. А. Крывелев (К 60-летию со дня рождения) (4, 153).
 Т. А. Чиковани (Тбилиси). А. И. Робакидзе (К 60-летию со дня рождения) (6, 118).

Научная жизнь

- Ю. П. Аверкиева (Москва). На XVIII Международном конгрессе психологов и VI Международном конгрессе социологов (Впечатления этнографа) (1, 139).
 Т. Д. Златковская, Ю. В. Иванова, Л. В. Маркова (Москва). Вопросы этнографии на Первом Международном конгрессе балканских исследований в Софии (1, 149).
 Д. Д. Тумаркин, Н. Н. Чебоксаров (Москва). Антропология и этнография на XI Тихоокеанском научном конгрессе (1, 155).
 А. М. Решетов (Ленинград). III Всесоюзная конференция по истории, культуре и филологии Древнего Востока (2, 156).
 Б. А. Калоев (Москва). Научная сессия, посвященная проблеме происхождения осетинского народа (2, 163).
 В. Е. Гусев (Ленинград). Поездка в Югославию (2, 167).
 В. И. Козлов (Москва). Обсуждение проблем народонаселения (3, 135).
 Е. Г. Трисман (Ленинград). По этнографическим научным учреждениям и университетам Нидерландов (3, 138).
 Д. А. Ольдерогге (Ленинград). Первый всемирный фестиваль негрских искусств в Дакаре (3, 145).
 Н. Н. Чебоксаров (Москва). Фестиваль «Летние дни культуры» в Ювяскюля (3, 154).
 В. Т. Зиновьев (Киев). Юбилейная сессия украинских этнографов и фольклористов (4, 155).
 Г. И. Анохин (Москва). Вторая и третья советские научные конференции по истории, экономике, языку и литературе скандинавских стран и Финляндии (4, 157).
 А. Вийрес (Тарту), Н. В. Шлыгина (Москва). Первый прибалтийский colloquium этнографов (4, 160).
 Э. В. Померанцева (Москва). Международная конференция по изучению устной прозы (4, 162).
 Я. С. Смирнова (Москва). Сессия, посвященная итогам полевых археологических и этнографических исследований 1966 года (5, 169).
 Ч. М. Таксамин (Ленинград). Научная сессия Ленинградского отделения Института этнографии АН СССР (6, 120).
 Л. Н. Фурсова (Москва). Заседание Ученого совета Института этнографии АН СССР, посвященное Международному дню борьбы против расизма (6, 122).

Критика и библиография**Критические статьи и обзоры**

- Ш. А. Богина (Москва). Национальные отношения в США в освещении новой американской литературы (1, 166).
- Н. В. Гуров, Т. Е. Катенина (Ленинград). Новый этап в изучении протоиндийских надписей (2, 171).
- М. Н. Губогло (Москва). Этническая принадлежность гагаузов (Историография проблемы) (3, 159).
- А. З. Розенфельд (Ленинград). Обзор новых изданий по таджикскому фольклору (4, 166).
- Л. М. Сабурова (Ленинград). Литература о новых обрядах и праздниках за 1963—1966 годы (5, 173).
- Н. А. Бутинов (Ленинград). *Ethnographic Atlas*. «Ethnology», vol. I—VI, 1962—1967 (6, 127).
- И. К. Федорова (Ленинград). Исследования экспедиции Т. Хейердала в Юго-Восточной Полинезии (6, 133).

Общая этнография

- Е. М. Мелетинский (Москва). *The Anthropologist Looks of Myth* (2, 178).
- Ю. И. Семенов (Рязань). Новые американские издания «Древнего общества» Л. Г. Моргана (5, 182).
- В. Ю. Крупянская, Г. С. Маслова (Москва). Г. Г. Громов. Методика этнографических экспедиций (6, 140).

Народы СССР

- С. И. Вайцштейн (Москва). И. С. Гурвич. Этническая история северо-востока Сибири (1, 171).
- А. С. Омаров (Махач-Кала). Памятники обычного права Дагестана XVII—XIX вв. (1, 174).
- В. П. Алексеев (Москва). М. Г. Абдушелишвили. К краниологии древнего и современного населения Кавказа (2, 181).
- М. С. Лазарев (Москва). Т. Ф. Аристова. Курды Закавказья (Историко-этнографический очерк) (2, 183).
- Л. М. Сабурова (Ленинград). Колхоз — школа коммунизма для крестьянства (3, 168).
- Ч. Л. Членова (Москва). Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции, т. II (3, 170).
- Е. А. Алексеенко (Ленинград). А. П. Дульзон. Кетские сказки (4, 170).
- Х. Артынбаев, В. Я. Басин (Алма-Ата). [Э. А. Масанов.] Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР (5, 186).
- Н. Н. Степанов, Д. А. Сергеев. (Ленинград). Ч. М. Таксами. Нивхи (Современное хозяйство, культура, быт) (5, 189).
- В. И. Васильев (Москва). Л. В. Хомич. Ненцы. Историко-этнографические Очерки (5, 192).
- С. Г. Лазутин (Воронеж). Современный русский фольклор (5, 195).
- С. Б. Рождественская (Москва). Русские художественные промыслы. Вторая половина XIX—XX в. (6, 143).
- Г. С. Маслова, Л. Н. Терентьева (Москва). Исследование о латышской народной одежде (6, 147).

Народы зарубежной Европы

- Н. В. Шлыгина (Москва). N. Valonen. Zur Geschichte der finnischen Wohnstuben. Suomalais-ugrilainen seuran toimituksia (3, 174).
- С. Т. «Ethnologia Europaea», vol. 1, 1967, № 1 (4, 172).

Народы зарубежной Азии

- А. П. Окладников (Новосибирск). П. И. Борисковский. Первобытное прошлое Вьетнама (2, 185).
- Р. Ш. Дзарылгасинова, И. М. Семашко (Москва). Культура и быт народов стран Тихого и Индийского океанов («Сборник МАЭ», т. 23) (3, 179).
- Н. Р. Гусева (Москва). [D. D. Kosambi]. The Culture and Civilization of Ancient India in Historical Outline (4, 177).

- Г. Е. Комаровский (Москва). Народы Юго-Восточной Азии (5, 198).
К. А. Лебедев (Москва). М. Г. Асламов. Афганско-русский словарь (5, 202).
С. А. Арутюнов (Москва). Joseph M. Kitagawa. Religion in Japanese history. New York, 1966 (6, 150).

Народы Африки

- Д. А. Ольдерогге (Ленинград). Z. Ligers. Les Sorko (Bozo) Maitres du Niger Etude ethnographique (1, 176).
А. Б. Халидов (Ленинград). Древние и средневековые источники по этнографии и истории народов Африки южнее Сахары, т. II, Арабские источники X—XII вв. (2, 193).

Народы Америки

- Л. А. Файнберг (Москва). Colin Henfrey. Through Indian Eyes. A journey among the tribes of Guiana (1, 179).
Ю. П. Аверкиева (Москва). James Van-Stone. The Charging Culture of the Snow-drift Chipewyan (2, 189).
М. А. Коган (Ленинград). Сборник «Бартоломе де Лас-Касас. К истории завоевания Америки (3, 181).
Л. С. Шейнбаум (Москва). E. Tabio y E. Rey. Prehistoria de Cuba (4, 178).
Б. В. Лукин (Ленинград). M. Barnet. Biografia de un cimarrón (5, 203).

Народы Австралии и Океании

- Л. Г. Розина (Ленинград). А. Кондратов. Великаны острова Пасхи (6, 151).

Новая литература по народам Средней Азии и Казахстана (2, 195).

Новая литература по народам Кавказа (3, 183).

Новая литература по народам Сибири и Севера (4, 180).

Новая литература по народам Прибалтики (6, 153).

Письма в редакцию

- Л. И. Лавров (Ленинград). К попытке чтения Майкопской надписи (2, 203).

Вольфганг Штейниш. (4, 187).

Марк Осипович Косвен (6, 156).

СОДЕРЖАНИЕ

С. И. Брук, В. И. Козлов (Москва). Этнографическая наука и перепись населения 1970 года	3
И. А. Крывелев (Москва). К характеристике сущности и значения религиозного поведения	21
Я. Р. Винников (Москва). Новое в семейном быту колхозников Туркменистана	32
Р. С. Липец (Москва). К вопросу о генезисе былин (город в русском эпосе)	42
В. А. Дрёмов (Томск). Древнее население лесостепного Приобья в эпоху бронзы и железа по данным палеоантропологии	53
З. Ясевич (Познань). Исследования социальной и культурной интеграции на западных и северных польских землях	67

Дискуссии и обсуждения

Л. М. Сабурова (Ленинград). По поводу статьи Г. Г. Громова и Ю. Ф. Новикова «Некоторые вопросы агроэтнографических исследований»	76
М. В. Крюков (Москва). О соотношении родовой и патронимической (клановой) организации (К постановке вопроса)	83

Сообщения

И. И. Гохман (Ленинград). К вопросу об антропологических особенностях древних скотоводов Забайкалья	95
М. Велева (София). Этнографический музей в Софии	100

Поиски, факты, гипотезы

Р. В. Кинжалов (Ленинград). День в столице древних мочика	103
---	-----

Хроника

Т. А. Чиковани (Тбилиси). А. И. Робакидзе (К 60-летию со дня рождения)	118
--	-----

Научная жизнь

Ч. М. Таксами (Ленинград). Научная сессия Ленинградского отделения Института этнографии АН СССР	120
Л. Н. Фурсова (Москва). Заседание Ученого совета Института этнографии АН СССР, посвященное Международному дню борьбы против расизма	122

Критика и библиография

Критические статьи и обзоры

Н. А. Бутинов (Ленинград). Ethnographic Atlas. «Ethnology», vol. I—VI, 1962—1967.	127
И. К. Федорова (Ленинград). Исследования экспедиции Г. Хейердала в Юго-Восточной Полинезии	134

Общая этнография

В. Ю. Крупянская, Г. С. Маслова (Москва). Г. Г. Громов. Методика этнографических экспедиций	140
---	-----

Народы СССР

С. Б. Рождественская (Москва). Русские художественные промыслы. Вторая половина XIX—XX в.	143
Г. С. Маслова, Л. Н. Терентьева (Москва). Исследование о латышской народной одежде	147

Народы зарубежной Азии

- С. А. Арутюнов (Москва). *Joseph M. Kitagawa. Religion in Japanese history* 150

Народы Австралии и Океании

- Л. Г. Розина (Ленинград). *А. Кондратов. Великаны острова Пасхи* 152

- Новая литература по народам Прибалтики 154

- Марк Осипович Косвен 156

- Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале «Советская этнография» в 1967 году 161

На первой странице обложки: «Красный конник». Деревянная скульптура В. Л. Пузанова (село Богородское Московской области, 1936 г.)

SOMMAIRE

- S. I. Brook, V. I. Kozlov (Moscou). La science ethnographique et le recensement démographique de 1970 3
- I. A. Kryvieliiov (Moscou). Du caractère de la raison et de l'essence de l'attitude religieuse 21
- Ya. R. Vinnikov (Moscou). Du nouveau dans les formes de vie familiale des kolkhoziens du Turkménistan 32
- R. S. Lipets (Moscou). Sur le problème de genèse des «byliny» (La ville dans la poésie épique russe) 42
- V. A. Driomov (Tomsk). Ancienne population de la région forêt-steppe del' Obi á l'époque de bronze et de fer d'après les données paléoethnographiques 53
- Z. Jasewicz (Poznan). Etudes sur l'intégration sociale et culturelle dans les régions polonaises du Nord et de l'Ouest 67

Discussions et délibérations

- L. M. Sabourova (Léningrad). A propos de l'article de G. G. Gromov et Yu. F. Novikov «Quelques problèmes de la recherche agroethnographiques» 76
- M. V. Krioukov (Moscou). De la corrélation entre l'organisation de gens et l'organisation clanale (Mise au point du problème) 83

Communications

- I. I. Gokhman (Léningrad). Sur des particularités anthropologiques des anciens éleveurs de la Transbaïkalie 95
- M. Velieva (Sofia). Le Musée Ethnographique à Sofia 100

Recherches, faits, hypothèses

- R. V. Kinjalov (Léningrad). Une journée dans l'ancienne capitale des mochicas 103

Chronique

- T. A. Tchikovani (Tbilissi). A. I. Robakidzé (pour le 60-e anniversaire) 118

Vie scientifique

- Tch. M. Takami (Léningrad). Session scientifique de la Section de Léningrad de l'Institut d'Ethnographie de l'Académie des Sciences de l'U.R.S.S. 120
- L. N. Foursova (Moscou). Seance du Conseil scientifique de l'Institut d'Ethnographie de l'Académie des Sciences de l'U. R. S. S., à l'occasion de la Journée Internationale pour la lutte contre le racisme 122

Critique et bibliographie**Articles de critique et aperçus**

- N. A. Boutinov (Léningrad). Ethnographic Atlas 127
 I. K. Fiodorova (Léningrad). Recherches de la mission de T. Heyerdahl en
 Polynésie du Sud-Est 134

Ethnographie générale

- V. Yu. Kroupianskaya, G. S. Maslova (Moscou). G. G. Gromov.
 La méthode des missions ethnographiques 140

Peuples de l'U.S.S.R

- S. B. Rojdestvenskaya (Moscou). Productions d'art populaire russe.
 2-ième moitié du XIX—XX siècle 143
 G. S. Maslova, L. N. Térentyeva (Moscou). Une étude sur le vêtement
 populaire letton 147

Peuples de l'Asie étrangère

- S. A. Aroutiounov (Moscou). Joseph M. Kitagawa. Religion in Japanese
 history 150

Peuples de l'Australie et de l'Océanie

- L. G. Rosina (Léningrad). A. Kondratiev. Les géants de l'île de Pâques . . 152

- Nouveaux ouvrages sur les peuples des Républiques Soviétiques
 de la région Baltique 154

- Marc Ossipovitch Kosven** | 156

- Indicateur d'articles et matériaux publiés dans la revue l'«Ethnographie Soviétique»
 en 1967 161

*Sur la couverture: Cavalier rouge. Sculpture en bois. Oeuvre de U. L. Pousanove,
 1936 (village Bogorodskoyé, région de Moscou)*

Редакционная коллегия:

Ю. П. Петрова-Аверкиева (главный редактор), **В. П. Алексеев**, **Ю. П. Арутюнян**,
Н. А. Баскаков, **С. И. Брук**, **Л. Ф. Моногорова** (зам. глав. редактора),
Д. А. Ольдерогге, **А. И. Першиц**, **Л. П. Потапов**, **В. К. Соколова**,
С. А. Токарев, **Д. Д. Тумаркин** (зам. глав. редактора), **В. Н. Чернецов**

Ответственный секретарь редакции *Н. С. Соболев*

Адрес редакции: Москва, В-36, ул. Д. Ульянова, 19

Технический редактор *Е. И. Гришина*

Сдано в набор 19/IX-1967 г. Т-16645 Подписано к печати 18/XII-1967 г. Тираж 1875 экз.
 Зак. 6919. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Усл. печ. л. 14,7. Бум. л. 5¹/₄. Уч.-изд. листов 17,1

2-я типография издательства «Наука», Москва, Шубинский пер., 10